

"Жулиу Рибейру - Плоть"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке

Topreading.ru

Жулиу Рибейру

Плоть

Жулиу Рибейру, его время и его роман

Второй и последний роман бразильского писателя Жулиу Рибейру «Плоть» (1888) вызвал ожесточенную полемику тотчас после выхода в свет, да и теперь остается предметом острых споров.

Жулиу Сезар Рибейру Воэн, сын американца и бразильянки, родился в городе Сабара, провинция (ныне штат) Минас-Жерайс, 10 апреля 1845 года. Окончив школу, он отправился в Рио-де-Жанейро и поступил в военное училище. Отучившись три года, он перебрался в Сан-Паулу и решил заняться педагогикой. Интенсивно занимаясь самообразованием, Жулиу Рибейру самостоятельно изучил латинский, греческий, французский, английский, испанский и итальянский языки. Впоследствии он устроился преподавателем латинского языка на юридический факультет университета Сан-Паулу. В это время Жулиу Рибейру стяжал известность как журналист, основатель и редактор ряда газет аболиционистского и республиканского направления – и волей-неволей способствовал тому, что вместо либеральной конституционной монархии в Бразилии надолго воцарился диктаторский республиканский режим, демократизация которого началась почти одновременно с нашей российской «перестройкой».

Кроме того, Жулиу Рибейру написал несколько сочинений по лингвистике и «Граматику португальского языка», которую высоко оценил видный португальский литератор и политический деятель Теофилу Брага.

Недолгий жизненный путь Жулиу Рибейру завершился 1 ноября 1890 года. Смерть наступила от легочного туберкулеза.

Перу Жулиу Рибейру принадлежат всего два романа. Главный герой первого из них, «Падре Белшиор ди Понтес» (1867—1868), – личность реально существовавшая. Это был иезуит, проповедовавший слово Божие бразильским индейцам в XVIII веке. Роман этот, написанный в традициях романтической исторической прозы, но с заметными реалистическими тенденциями, отличается острым антиклерикализмом и критикой иезуитского ордена – может быть, даже излишне суровой. Хотя в нашей стране само слово иезуит стало ругательным, не будем забывать, что в Западной Европе последователи Игнасио Лойолы немало потрудились на ниве просвещения – иезуитские коллегии давали хорошее и престижное образование, – а в заморских владениях Испании и Португалии они стремились облегчить участь коренного населения, защищая его от произвола колониальных властей.

В принципиально ином, натуралистическом ключе создан роман «Плоть», посвященный Эмилю Золя – «королю натурализма», как назвал его автор. Именно этот роман положил начало натуралистическому направлению в бразильской литературе, поставив Жулиу Рибейру в ряд классиков и навсегда вписав его имя в историю литературы Бразилии.

Натурализм – это сложившееся во Франции конца XIX века художественное направление, противостоящее романтизму и отчасти реализму. Его название образовано от латинского слова *natura*, т.е. природа. По мнению писателей-натуралистов, человек отличается от животного только более высокой и сложной организацией, а законы природы и законы развития общества суть явления одного порядка. Примечательно, что столетием раньше французские

просветители тоже призывали людей подражать природе и следовать законам, согласным с законами природы. Но если в XVIII столетии в природе стремились видеть покой, гармонию и совершенство, то для материалистов и позитивистов после появления теории Дарвина, который неоднократно упоминается на страницах романа, она превратилась в арену беспощадной борьбы за существование, где нет места ни состраданию, ни милосердию. Грубо утилитарное отношение к природе отражено в многочисленных сценах охоты, когда главные герои романа «Плоть» Ленита и Барбоза безжалостно убивают диких животных.

Одна из характернейших черт натурализма – фетишизация науки, особенно физиологии. И герой, и героиня книги Рибейру страстно увлечены научными занятиями, но оказывается, что впрок им наука не пошла. Говоря словами Лермонтова, они иссушили ум наукою бесплодной. Самодовлеющую науку, оторванную от нравственности и гуманизма, в свое время хлестко высмеял и Свифт в третьей части «Путешествий Гулливера».

Преуспев в научных занятиях, Ленита становится женщиной-педантом, вообразившей, будто никто из мужчин не достоин ее, и потому зарекается выходить замуж. В этом, по убеждению Жулиу Рибейру, ее главная ошибка, ибо природа жестоко мстит тому, кто нарушает ее законы. На этой почве у Лениты начинается сильная истерия, толкающая героиню на неадекватные поступки (симптомы болезни подробно описаны в романе). Здесь писатель предвосхищает теорию Фрейда, который объяснял всевозможные психические отклонения сексуальной неудовлетворенностью.

Все круто меняется, когда в жизнь Лениты нежданно вторгается любовь. Верный натуралистическим принципам, Жулиу Рибейру стремится представить любовные переживания как некую «надстройку» над физиологическими процессами. И все же сложные, противоречивые, богатые чувства героини и ответившего ей взаимностью героя проникнуты высокой поэзией, тонкой наблюдательностью и углубленным психологизмом. Безусловно, это лучшие страницы романа, которые вряд ли оставят равнодушным читателя. Трагический финал усиливает, усугубляет впечатление от этих страниц.

Выразительно изображен быт черных невольников на фазенде (это слово успело прочно войти в русский язык благодаря показу фильма «Рабыня Изаура»). Не оправдывая рабства, автор никоим образом не идеализирует и рабов, в отличие от некоторых других писателей-аболиционистов. Напротив, он предельно жестко показывает, как низко может пасть человек, живущий вне свободы и не имеющий внутреннего духовного стержня.

И, наконец, необычайной живописностью отличаются описания дикой природы Бразилии.

Все это делает роман «Плоть» увлекательным и интересным для современного русского читателя, открывая ему имя классика бразильской литературы, недоступного для России по понятным причинам больше века.

Андрей Родосский

Плоть

Королю натурализма Эмилю Золя

Моим друзьям:

Луису ди Маттус,

М.де Биттанкур

Ж.В. ди Алмейде

и Жоакину Элиасу

Замечательному физиологу доктору Миранде Азеведу

O.D.C.

Julio Ribeiro

Г-ну Эмилю Золя

Не дерзаю идти по Вашим стопам; я лишь осмеливаюсь, следуя Вашему примеру, написать скромный этюд в духе натурализма. Вам невозможно подражать - Вами можно только восхищаться.

«Мы оживаем,- говорит Овидий,- когда действует бог, обитающий в нас». Что ж! Под воздействием крохотного божка, обитающего во мне, написал я «Плоть».

Это не «Западня», не «Проступок аббата Муре», не «Земля» - но, черт побери! Свеча - не солнце, но и она светит.

Как бы то ни было, вот мое сочинение.

Понравится ли Вам мое посвящение? Почему бы нет! Ведь и короли, утопающие в богатстве, не гнушаются жалкими подношениями бедных крестьян.

Позвольте Вашему всепокорнейшему слуге выразить совершеннейшее почтение словами флорентийского поэта:

Tu duce, tu signore, tu maestro[1] .

Сан-Паулу, 25 января 1888 Жулиу Рибейру

Глава I

Доктор Лопес Матозу был не из тех, кого можно было бы назвать счастливым. На девятнадцатом году жизни, едва отучившись, он потерял отца, а через несколько месяцев - и мать. Опекуну ему стал друг семьи полковник Барбоза, убедивший его продолжить учиться на юриста.

На другой день после выпуска честный опекун передал Лопесу Матозу доставшееся тому от родителей немалое состояние и сказал:

-?Вот ты и богат, мой мальчик! У тебя есть профессия, перед тобой открывается блестящее будущее. Теперь хорошо бы тебе жениться, завести детей, добиться положения в обществе. Будь у меня дочь, она стала бы твоей невестой, а так придется тебе искать самому.

Лопес Матозу искал недолго и вскоре женился на кузине, которая давно ему нравилась и с которой он счастливо прожил два года. На третьем же году совместной жизни супруга умерла от тяжелых родов, оставив ему малютку-дочь.

Для Лопеса Матозу это был тяжелый удар, но, будучи сильным человеком, он не сдался и мужественно принял новую реальность, навязанную брутальной беспристрастностью природы.

Дела Матозу складывались благополучно, поэтому он переехал в загородный дом, где, удалившись от всего света, делил свое время между чтением серьезных книг и заботами о дочери. Та же, благодаря опытности приставленной к ней няни, росла здоровой и крепкой, внося радостную нотку в затворническую жизнь отца. Знакомые посещали его редко, да он и не приветствовал визиты, ибо никогда не отличался особой общительностью.

Чтение, письмо, грамматика, арифметика, алгебра, геометрия, география, история, французский, испанский, плавание, верховая езда, гимнастика, музыка – всем этим Лопес Матозу занимался с дочкой, поскольку сам во всем этом преуспел. Он читал с ней португальских классиков, лучших зарубежных авторов и все, что было наиболее ценным в современной литературе.

К четырнадцати годам Елена, или Лени́та, как ее называли, стала развитой, сильной девушкой с сформировавшимся характером и прекрасным образованием.

Лопес Матозу понял, что пришло время менять их образ жизни, и они вернулись в город.

У Лени́ты в ту пору были лучшие учителя по всем предметам; она овладела итальянским, немецким, английским, латинским и греческим языками; основательно изучила математику и физику; да и общественные науки тоже не остались ей чуждыми. Все давалось ей легко, ничто не казалась недостижимым при ее незаурядных способностях.

Лени́та начала появляться в обществе, где на нее вскоре обратили внимание.

В ней не было ни капли высокомерия, и она не производила впечатления *bas bleu*^[2] : скромная и сдержанная, тем не менее, она умела окружить себя аурой обаяния на балах и раутах, которые нередко посещала, при этом ничем не выказывая своего значительного превосходства. Правда, когда однажды один свежее испеченный бакалавр, только что прибывший то ли из Парижа, то ли из Нью-Йорка, попытался в ее присутствии представить себя эдаким философом-провидцем, то нужно было ее видеть! Изобразив искренность, она с благожелательной улыбкой опутала зануду такой сетью коварных вопросов, причем с совершенно невинным видом, что, все больше загоняя его в угол, в конце концов заставила увязнуть в противоречиях, после чего он был вынужден пристыженно умолкнуть.

Брачные предложения поступали одно за другим, но Лопес Матозу тщетно пытался уговорить дочь сделать свой выбор.

-?Ни одного из них я не приму, папа,- непреклонно отвечала Лени́та.- Извини, что иду тебе наперекор, но ты же знаешь, что замуж мне не хочется.

-?Доченька, но и ты же знаешь, что рано или поздно тебе придется все-таки выйти замуж.

-?Когда-нибудь, но не теперь.

-?Знаешь ли, я, кажется, переусердствовал с твоим воспитанием – дал тебе знаний больше, чем следует. В результате ты поднялась на такую высоту, что оказалась в гордом одиночестве. А ведь женщина создана для мужчины, а мужчина – для женщины. И брак – это необходимость, причем не столько социальная, сколько физиологическая. Неужели тебе не найти мужчину, достойного тебя?

-?Не в этом дело, а в том, что мне не хочется замуж.

-?Даже за нормального мужчину?

-?Даже и за нормального. А выдающиеся мужчины вообще плохие мужья. К тому же такие мужчины почти всегда выбирают женщин ниже себя. Кстати, раз ты считаешь меня необыкновенной женщиной, то мне тоже ничего не останется, как удовлетвориться мужем, которого бы я превосходила.

-?А если дети тоже недалеко родятся?

-?Дети пойдут в меня: ученые утверждают, что талант и гений обычно наследуют от матери.

-?А от отца?

-?От отца тоже, а то в кого же я такая?

-?Ты мне льстишь!

-?Это ты мне льстишь, папа, ты ведь столько сделал для моего образования, что мне впору самой собой восхищаться. А что до замужества, то давай не будем больше о нем говорить.

И они действительно больше не возвращались к этой теме. Лопес Матозу с грустью отказывал претендентам: мол, дочь замуж не собирается, она вообще не такая, как все, он-де пытался ее уговорить, да все без толку... И прибегал к тысяче уловок, чтобы смягчить свой отказ.

Так и прожила Ленита до двадцати двух лет, когда однажды Лопес Матозу вдруг пожаловался на плохое самочувствие и сильнейшую боль в груди. У него начался приступ кашля, и он умер, даже не успев послать за врачом. Причиной смерти оказалось воспаление легких.

Ленита едва не обезумела от горя. Неожиданность случившегося, внезапная и ужасная пустота, образовавшаяся вокруг нее, гордость, не допускавшая пошлых утешений, – все это только усиливало страдания. Целыми днями несчастная девушка не выходила из комнаты, никого не принимала, ела какие-то крохи, да и то по настоянию прислуги.

Но вскоре Ленита сумела взять себя в руки. Бледная, одетая в траур, она появлялась у друзей отца, принимала обычные в таких случаях навязчивые соболезнования, изо всех сил пыталась приноровиться к предстоящему одиночеству, к безрадостной жизни, лишенной привязанностей, полной горестных воспоминаний. Она постаралась устроить должным образом домашние дела и написала полковнику Барбозе, что хотела бы на какое-то время приехать к нему на фазенду.

Домашние дела особой трудности не представляли: состояние Лопеса Матозу было почти полностью вложено в ценные бумаги и железнодорожные акции. А поскольку Ленита была единственной наследницей, то никаких судебных проволочек и хлопот не последовало.

Ответ полковника Барбозы не заставил себя ждать. Он написал, чтобы она как можно скорей приезжала, что его старушка-жена, разбитая параличом, безумно обрадовалась, услышав, что при ней будет девушка, новая компаньонка. С ними, правда, жил еще их единственный сын, но это был уже зрелый мужчина, женатый, хотя и давно разъехавшийся с женой, заядлый охотник, чудака, ушедший в себя и в свои книги. Поэтому пусть она не медлит со сборами и сообщит день, когда нужно будет ее встретить.

Через неделю Ленига уже была на фазенде старого опекуна ее отца. С собой она привезла фортепьяно, несколько бронзовых статуэток и изящных безделушек и, конечно же, множество книг.

Глава II

С первых же дней на фазенде одиночество Лениги оказалось еще более гнетущим, чем в городе. Восьмидесятилетняя старушка была не только разбита параличом, но еще и почти глухая. Полковник Барбоза, чуть помоложе жены, страдал ревматизмом и, случалось, сутками не вставал с постели. Их разведенный сын месяцами пропадал в Паранапанеме на охоте.

Работами на фазенде руководил управляющий-метис, сын индианки и белого – человек приветливый, но проявлявший полнейшее невежество во всем, что не касалось сельского хозяйства.

Ленига почти всегда обедала одна на огромном балконе. После обеда или ужина она шла поговорить с полковником, делая невероятные усилия, чтобы ее слышала и старушка, которая со смущенным смешком подносила ладонь к ушной раковине, пытаясь уловить хоть что-то из сказанного.

Такое времяпрепровождение очень утомляло девушку, и вскоре она уходила в свои комнаты, чтобы отвлечься чтением. Но едва взяв книгу, она откладывала ее; взяв другую, бросала и эту, сосредоточиться на тексте ей не удавалось – ее мучили воспоминания об отце, поскольку все напоминало о нем: то строчка, отчеркнутая в книге ногтем, то заложенные страницы... И она снова шла поговорить, потом опять возвращалась, и снова шла, терпя адские муки.

Жена управляющего, отзывчивая по натуре, получила от хозяина особые распоряжения касательно Лениги. В любой момент у нее в распоряжении были горячее молоко, прохладительные напитки, кофе, сласти, фрукты. Ленига то отказывалась, то принимала – но только чтобы не огорчать добрую женщину.

Полковник Барбоза предоставил Лениге отдельную гостиную и просторную спальню с двумя окнами и альковом; к ее услугам были расторопная мулатка, носившая высокий линиялый тюрбан, и белозубый, смешливый метис.

Иногда Ленига часами сидела у окна, наблюдая за происходящим на фазенде.

Фазенда примыкала к холму, по склону которого струился ручей. Впереди простиралось огромное пастбище. Однообразие светлой зелени то тут, то там нарушалось плотной темной зеленью чесночных деревьев, оставленных, вероятно, для тени, и грязновато-желтыми колосющимися злаками. Вдалеке, по одну сторону, резко начинался девственный лес – темный, густой, почти непроходимый, соединяющий в одном цвете множество разнообразнейших оттенков; с другой стороны на невысоких холмах ветер то и дело колыхал радостный ярко-зеленый тростник. Еще дальше тянулись ровные, аккуратные кофейные плантации,

напоминающие ворсистый черно-зеленый ковер. Кое-где пятно оголенного краснозема напоминало цветом запекшуюся кровь. И над всем этим раскинулось лазурное, прозрачное, чистое, атласное небо в блеске белых, живых, пронзительных лучей...

В пасмурную погоду пейзаж менялся: почерневшее небо, набрякшее свинцовыми тучами, как будто опускалось, желая затопить землю. Зелень теряла блеск, тускнела, мертвела в безжизненной влаге.

Ленита пыталась выбираться на прогулки по окрестностям – то пешком, вместе с мулаткой, то верхом, в сопровождении паренька-метиса. Но ни подвижный образ жизни, ни чистый воздух, ни свобода деревенской жизни – ничто не шло ей на пользу. Возрастающая вялость, упадок сил, почти полная прострация овладевали всем ее существом. Читать ей не хотелось, фортепьяно безмолвствовало. Казалось, что со смертью отца переменялось все ее естество – она была уже не столь сильной и мужественной, как прежде. Ее терзали страхи, она боялась одиночества.

Она шла в комнату к парализованной хозяйке, устраивалась в кресле и оставалась там часами, едва отвечая на тревожные расспросы полковника.

Когда она возвращалась в свои покои, по дороге ее охватывал необъяснимый страх, и с дрожью она хватала за руку мулатку.

Она шла в комнату к парализованной хозяйке, устраивалась в кресле и оставалась там часами, едва отвечая на тревожные расспросы полковника.

Когда она возвращалась в свои покои, по дороге ее охватывал необъяснимый страх, и с дрожью она хватала за руку мулатку.

Она перестала есть, пища внушала ей отвращение, но иногда ей хотелось чего-нибудь соленого или острого. У нее начались обильные слюнотечения, то и дело ее рвало желчью. И однажды утром ей было уже не встать с постели.

Полковник с женой управляющего поспешили на помощь. Окружив постель больной, они пытались напоить Лениту чаем с лимонной мятой и дать какое-нибудь домашнее средство, покуда не придет врач, за которым немедленно отправили.

Когда врач приехал, Ленита была в беспомощнейшем состоянии: изнуренная, бледная, с кругами под глазами. То и дело хватаясь за грудь, она хрипела и задыхалась. Словно ком поднялся у нее от желудка к горлу и не давал дышать. В левой части головы она ощущала сильную непрерывную, мучительную боль, точно ей загнали туда раскаленный гвоздь. Нервная система у нее была расшатана донельзя – малейший шум или полоска света из открытой двери исторгали у нее стоны.

Доктор Гимараэнс, уже пожилой врач с умным и добрым лицом, приблизился к постели, осмотрел больную, не спеша, не проронив ни слова, не измеряя пульса, чтобы ничем ее не беспокоить, сложил руки за спиной и низко наклонился, чтобы прослушать ее дыхание и всхлипы, а также посмотреть сокращения ее лицевых мускулов.

-?Когда это началось, полковник? – спросил он.

-?Она приехала уже больной, но так худо ей стало только сегодня.

-?Задыхаюсь! Помогите! - внезапно крикнула Ленита, перевернулась, забилась в судорогах и стала обеими руками рвать на себе рубашку и царапать грудь. Густой румянец внезапно залил ей лицо, глаза лихорадочно блестели.

-?Я знаю, в чем дело,- произнес врач.- Есть у меня тут кое-что. Сейчас вернусь.

И он вышел.

Через несколько минут он возвратился со шприцем в руках.

-?Подставьте плечо, сеньора. Я сделаю вам укол. Скоро все пройдет - вот увидите.

Ленита с трудом вытянула голую руку. Доктор принялся медленно ее пощипывать на уровне бицепса и, зажав небольшой участок между большим и указательными пальцами, вонзил под кожу иглу и, надавливая на поршень, впрыснул содержимое. Ленита, при всей своей нынешней нервозности и раздражительности, даже ничего не почувствовала.

Эффект не заставил себя долго ждать. Через некоторое время с ее щек сошел нездоровый румянец, прекратились нервные судороги рук и ног, глаза закрылись, из груди вырвался вздох облегчения.

Она заснула.

-?Пусть она выспится,- молвил врач.- Когда проснется, ей полегчает. Но я пропишу ей еще и бромистый калий - не помешает.

Все на цыпочках вышли. С Ленитой осталась только жена управляющего.

Глава III

Прогноз врача подтвердился. После продолжительного сна Ленита проснулась посвежевшей, с успокоившимися нервами и расслабленными мышцами. Однако она чувствовала себя разбитой, вялой, жаловалась на головные боли и сильную усталость.

Двое суток провела она в постели и лишь на третьи встала.

Аппетит потихоньку возвращался к ней, она начала регулярно и с удовольствием есть. Можно было сказать, что она оправляется от удара, вызванного смертью отца. Ленита вдруг стала и чувствовать себя иной - более женственной, что ли. У нее больше не осталось прежних мужских пристрастий - из привезенных книг ее привлекали теперь только самые романтические. Она перечитала «Поля и Виргинию», четвертую книгу «Энеиды» и седьмую «Телемаха». Над плутовским романом «Жизнь Ласарильо с Тормеса» она расплакалась.

У нее появилось непреодолимое желание посвятить себя заботам о ком-то - о больном или калеке. Порой она размышляла о том, что если она выйдет замуж, то у нее родятся дети - беспомощные крохотные создания, полностью зависимые от ее ласки, от ее забот, от ее молока. И она признала возможность замужества.

Образ отца понемногу терялся в сумраке горьких, но уже менее мучительных воспоминаний.

Часами она сидела возле парализованной, беседовала с полковником, иногда даже смеялась.

-?Вот и хорошо, очень хорошо,- повторял добрый старик.- Не кручинься, доченька. Все когда-нибудь проходит - так уж устроен свет.

Однажды, оставшись одна в гостиной, Ленита ощутила какое-то томление. Она прилегла в гамак и, тихонько покачиваясь, погрузилась в полудрему.

Перед ней, на консоли, среди привезенных ею бронзовых отливок, стояла уменьшенная барбедьенновская копия знаменитой статуи, известной под названием «Боец Боргезе», работы Агасия. Угасающий луч закатного солнца, проникнув в щель между ставнями, озарил статуэтку, согрел ее и, казалось, вдохнул жизнь в тусклую бронзу.

Ленита открыла глаза. Ее внимание привлекли мягкие отблески на металле, охваченном светом. Она встала, подошла к столу и пристально посмотрела на статуэтку... Эти руки, эти ноги, эти выпуклые мышцы, эти напряженные сухожилия, эта мужественность, эта стать производили на нее сейчас странное впечатление. Десятки раз любовалась она этим анатомическим чудом и изучала его в мельчайших подробностях, из которых складывалось художественное совершенство,- но сейчас она испытывала то, чего никогда прежде не испытывала. Могучая шея, налитые бицепсы, широкий торс, узкий таз, напряженные мышцы статуэтки - все казалось соответствующим пластическому идеалу, который скрыто всегда пребывал в ее сознании, но пробудился лишь сейчас, во весь голос заявляя о себе.

Ленита не могла пошевелиться, она была пленена, зачарована. Она ощущала себя слабой и упоенно осознавала свою слабость. Ее обуревало стремление к неведомому - неясное, смутное, но настойчивое и острое. Ей представлялось, какое беспредельное наслаждение она бы получила, если бы этот боец бросился на нее, растоптал, избил, разорвал бы ее на кусочки. У нее возникло страстное желание впитаться поцелуями в отлитую в бронзе мужскую плоть. Ей хотелось обнять ее и раствориться в ней.

Она залилась краской до корней волос - за один миг, словно в каком-то внезапном озарении, она узнала о самой себе больше, чем за долгие годы изучения физиологии. Ей стало ясно, что она, в общем-то неординарная женщина, несмотря на свой могучий интеллект и на все свои познания, оставалась в каком-то смысле обыкновенной самкой. И то, что она ощущала, было не что иное, как вожделение, органическая потребность в самце.

Ее охватили глубокое уныние и непреодолимое отвращение к самой себе. Развивать ум с молодых ногтей, денно и ночью, ежечасно овладевать разнообразнейшими знаниями, приучать мозг неустанно подвергать тщательнейшему анализу труднейшие задачи по высшей математике - и внезапно низвергнуться, словно архангел у Мильтона, с небесной выси в земную грязь, ощутить себя уязвленной жалом плоти, изнывать от похоти, точно невежественная негритянка, точно грязная скотина, точно коза во время течки... Какое падение!

Она сделала невероятное усилие, чтобы разрушить умопомрачительные чары. Шатаясь и опираясь о мебель и стены, она вернулась в спальню, с трудом затворила окна и, не раздеваясь, рухнула на кровать.

Долго она лежала неподвижно.

Тепловатая влага, разливающаяся у нее между бедрами, заставила ее вскочить, преодолевая нахлынувшую сонливость. Резкими, нервными движениями она скинула шаль, быстро расстегнула корсаж, разорвала швы на верхней и нижней юбке и осталась в одной рубашке.

Обширное красное, яркое, переливающееся пятно заливало белизну батиста. Месячное

очищение, кровотечение плодовитости было подобно рубиновому соку, брызжущему в давилне из спелого винограда.

Более сотни раз природа проявлялась в ней подобным образом, но таких ощущений, как в этот раз, у нее никогда не было.

Когда в четырнадцать лет, после тяжелого и утомительного дня это случилось впервые, она обезумела от ужаса, ей казалось, что она смертельно ранена, – и с бесстыдством невинности она, оглашая дом криками, побежала к отцу и все ему рассказала.

Лопес Матозу попытался утешить ее: это, мол, бывает у всех женщин; нужно только побережться простуды и солнца; а беспокоиться тут нечего, дня через три, самое позднее – через пять, все пройдет; и хотя это будет повторяться каждый месяц, ничего страшного в этом нет.

Со временем она почерпнула множество сведений из книг по физиологии; у Пюсса она вычитала, что менструация связана с изменением эпителия матки, совпадающим с овуляцией, и что сильное кровотечение – это всего лишь последствие этого изменения. Она смирилась и привыкла к этому отправлению организма, как и к любому другому. Наблюдая над собой, она стала отмечать красным карандашом в карманном календарике дни, когда это случалось, – вот и все.

Стемнело. Мулатка пришла звать Лениду на ужин и застала ее в постели, с натянутым на голову одеялом.

Спросив, не больна ли госпожа, и получив утвердительный ответ, мулатка сообщила об этом хозяину. Потом принесла свою постель и подушки и постелила себе на ковре возле кровати Лениды, готовая выполнить любое ее поручение.

Встревоженный полковник поспешил подняться, чтобы справиться о самочувствии Лениды. Но она его успокоила, что ничего страшного, и к утру все пройдет.

–?Девочка моя, ты же знаешь, что я теперь тебе вместо отца. Если что понадобится – не стесняйся, посылай за мной в любое время, не бойся потревожить меня. Старушка моя бедная так жалеет, что в параличе лежит и ни на что не годится! Может, тебе чайку с шалфеем принести или глинтвейну налить?

–?Спасибо, мне ничего не нужно.

–?Ладно, ладно, сейчас оставлю тебя в покое. Спокойной ночи. Постарайся уснуть.

Полковник ушел.

Ленида заснула. Сначала она то и дело просыпалась, тревожно вскрикивая во сне. Потом ею овладела некая истома, не похожая ни на сон, ни на бодрствование. Ей грезилось, что боец Боргезе увеличивается в размерах, достигает человеческого роста, выпрямляется, сходит с постаментов, направляется к ее ложу, останавливается рядом с ней, пристально и страстно ее разглядывает. И Ленида блаженствовала в магнетическом сиянии его взгляда, словно в теплой воде для купания.

Внезапная дрожь прошла по телу девушки; волосы на нем встали дыбом в порыве блаженного и пронзительного сладострастия. Боец вытянул левую руку, оперся о кровать, присел на

краешек, поднял одеяло и, не переставая глядеть на нее с завораживающей улыбкой, бережно притронулся к Ленике, после чего лег рядом, прижавшись к ней обольстительной наготой мужского тела.

Это было не холодное и твердое прикосновение бронзовой статуи, а теплое и мягкое касание живого человека. И от этого прикосновения у Леники зародилось неясное чувство – опаска и вожделение, боязнь и сладострастие одновременно. Ее пронзало желание, но было страшно.

Уста ее слились с устами бойца, его сильные руки обхватили ее, его мощная грудь прижалась к ее нежным грудям. Леника задыхалась от сладостных содроганий, но наслаждение было неполным, ущербным, мучительным. Обнимая призрак из своих грез, она каталась по постели, словно разгоряченное хищное животное в пылу течки. Нервный тонус, возбуждение, оргазм ощущались во всем – во вздрагивании пухлых губ, в затвердевших, торчащих сосках.

Потом содрогания прошли, и она впала в забытие.

Глава IV

Леника выздоравливала на глазах. Она рано вставала, выпивала стакан горячего молока, выходила на прогулку в поле, с аппетитом обедала, после обеда садилась за фортепьяно, играла бравурные, веселые, ритмичные мелодии. Потом шла в сад, ела фрукты, лазила по деревьям. Сразу после ужина ложилась и крепко засыпала.

Она стала больше следить за своей внешностью, подолгу гляделась в зеркало, наряжалась и убирала свои иссиня-черные волосы яркими цветами. Она стала сильно душиться: ее белье пахло малабарскими благовониями, сандалом и духами «Peau d'Espagne».

Она бегала, прыгала, подолгу ездил верхом, почти всегда галопом, погоняя лошадь хлыстиком или собственной шляпой, щеки у нее при этом раздумывались, глазами горели, волосы развевались на ветру.

Однажды тихим днем, после обеда, она взяла ружье «Галан», которое обычно брала с собой, пересекла пастбище и вошла под густую сень широколиственного девственного леса. В задумчивости и рассеянности она углубилась далеко в чащу.

Вдруг ее внимание привлекло послышавшееся слева нежное, монотонное журчание воды. Ею тотчас овладела жажда, безумно захотелось пить, и, свернув налево, она поспешила по узкой тропинке.

Леника замерла в восхищении, увидев, сколь величественное зрелище открылось ее взору.

Пред ней предстала поляна, на краю которой высилась скальная стена из черного камня, увенчанная острыми зубцами и вся густо поросшая мхом; сверху с нее стекала струя воды, создавая в углублении посреди поляны тихое, глубокое, кристальное озерцо. Сбегая с плотины, воздвигнутой самой природой, вода наполняла поляну сладостными звуками.

В спокойном зеркале озерца отражалась окаймлявшая его буйная растительность. Гигантские перобы с темной кроной и морщинистой корой; вековые жекитибы, разбрызгивающие по небесной лазури радостную зелень своей листвы; белые смоковницы с мощными, разрастающимися вширь корнями и узловатыми сучьями, подобными изуродованным человеческим пальцам; каншины с заостренными листьями, из пор которых сочилось едкое,

ядовитое молочко; стройные, высокие, гладкоствольные гуаратаны; светлые таювы; могучие, черно-зеленые, зловонные чесночные деревья; коварные гваяки, покрытые ядовитыми, отравленными колючками; тысячи лиан, тысячи вьющихся растений, тысячи разнообразнейших орхидей с лиловыми, желтыми, голубыми, пурпурными, белыми цветами – все это смешивалось в многокрасочную массу, в оргию зелени, в буйство ярчайших красок, утомлявшее воображение. Солнце, пронзавшее листву светоносными пучками лучей, разбрасывало по бурой почве зеленоватые отблески. С тихим жужжанием, похожим на нежный шепот, пролетали разноцветные насекомые. Затаившаяся в листе коричневого дерева бронзовка издавала прерывистое шипение.

Пьянящие испарения поднимались над землей, непостижимым образом сочетаясь с изысканным ароматом цветущих орхидей. Это была смесь тончайшего благоухания и терпкого запаха мясистых корней, навевающая дрему и успокаивающая нервы.

Жадными глотками впивала Ленига охмеляющий воздух, отдаваясь лесным чарам. Ею овладело жгучее, необоримое желание искупаться в этой прохладной воде, нарушить покой озера.

Она оглянулась по сторонам в опасении, не может ли кто-нибудь подсмотреть за нею. «Глупости! – подумала она. – Полковник все время дома, управляющий и рабы трудятся на кофейной плантации, никто не выйдет за пределы фазенды. Да и кому придет в голову забираться в такую чашу? Я одна, совсем одна».

Она положила на землю ружье, рядом – широкополую соломенную шляпу, защищавшую от палящего солнца во время прогулок, и стала раздеваться. Сначала сняла жакетик и корсет, потом верхнюю и нижние юбки. Оставшись в сорочке, она склонила голову, чтобы подобрать волосы, и пока их укрощала, с удовольствием разглядывала через кружевной вырез упругие, налитые, атласные груди, на которых то здесь, то там просвечивали голубые жилки.

И она с наслаждением вдыхала вместе с ароматами леса свой собственный запах, аромат обнаженного тела молодой женщины.

Затем она села, поджав ноги, развязала шнурки высоких ботинок, сняла чулки и принялась любовно, неторопливо поглаживать маленькие ступни, на которых отпечаталась тонкая шотландская ткань. Поднявшись, она отодвинула нижние юбки, и со слегка дрогнувших плеч соскользнула сорочка. Батист лег двойным слоем, укрывая ноги Лениги.

Как она была прекрасна! Чуть смуглая, высокая, безукоризненно сложенная... Руки и ноги были у нее словно литые, запястья и лодыжки узкие, ладони и ступни аристократически изысканные, ногти на руках и на ногах розовые и необычайно гладкие. Ниже упругих, торчащих грудей тело сужалось, тонкая талия переходила в широкие бедра и твердый, округлый живот, низ которого резко оттенялся густым темным руном. Иссиня-черные волосы коротенькой челкой ниспадали на лоб и прихотливо завивались на затылке. Шея была сильная, идеальной длины, голова небольшая, глаза черные, живые, губы пунцовые, зубы белоснежные, на левой щеке темнела круглая родинка.

Ленига удовлетворенно осматривала себя. Собственная плоть сводила ее с ума. Налюбовавшись собой, она посмотрела на озерцо, потом на лес, словно стремясь создать целостную картину.

Она грациозно присела на корточки и оперлась правой ягодицей на приподнятую левую пятку, повторяя позу известной статуи, называемой Венера Ватиканская, или Венера Капитолийская.

В таком положении она оставалась довольно долго. Потом вскочила, бросилась в воду, вынырнула и поплыла.

Озерцо было небольшим, но глубоким. Ленида плыла до противоположного берега – к стене с водопадом – и обратно. И так несколько раз. Проплывая под струей воды, она вскрикивала от восторга и от страха, когда тяжелый поток обрушивался на ее спину.

Поворачиваясь лицом вверх, она замирала на поверхности воды, вытянув ноги, обратив живот к небу, раскинув руки, слегка разбрызгивая ладонями воду. Потом переворачивалась и плыла опять – быстро, словно стрела.

Разлившийся по коже холодок предупредил ее, что пора выходить. Она вышла, поеживаясь и дрожа всем телом. Уселась на берегу, подставив всю себя солнцу, и принялась отжимать волосы. От ее тела исходил легкий пар, всю ее окутывала тонкая дымка.

Вскоре она обсохла от солнечного и своего собственного тепла. Одевшись, она распустила мокрые волосы, отбросила их на спину, надела шляпу, взяла ружье и бегом помчалась домой, напевая отрывок из «Корневильских колоколов».

-?Господи, грехи наши тяжкие! – вскричал полковник, заведев ее – радостную, смеющуюся, с влажными волосами. – Никак эта глупышка в озерце искупалась! Там же лед, а не вода... Наверняка простыла, что ты будешь делать!

-?Простыть не простыла, а вот аппетит нагуляла. Поужинаю нынче за четверых.

-?Эй, малый, принеси-ка коньяку, да поживей.

-?Коньяк пить будете, полковник?

-?Нет, это ты будешь пить коньяк.

-?Я его и не пробовала никогда.

-?Вот теперь и попробуешь, иначе поссоримся.

Принесли отличный, старый коньяк 1848 года. Ленида выпила рюмочку и закашлялась. Глаза у нее заслезались. Коньяк показался ей слишком крепким, но понравился. Ей захотелось повторить.

Глава V

Наступал день, когда начинали варить сахар. Уже накануне негры сбились с ног – подметали сахароварню, мыли чаны и желоба, драили котлы и перегонный куб, не жалея ни песка, ни соли, ни лимонной кислоты.

Как только занялась заря, на близлежащей плантации показалась узкая блеклая полоска, постепенно расширявшаяся. Это началась рубка тростника. Легкие белые сорочки и синие юбки негритянок, красные байковые рубахи негров играли яркими, живыми пятнами, колеблемые порывами жаркого ветра в океане светлой зелени.

В чисто прибранном, выметенном бараке сверкали четыре котла и перегонный куб, отражая

свет, проникающий сквозь широкие оконные проемы. Мрачно темнели печи, разевая огромные прожорливые пасти. Вода, еще заключенная в резервуарах, капала сквозь створки шлюза на лопасти мельничного колеса, словно осколки хрустала. Жернова сверкали чистотой, оси и шестерни чернели блестящей смазкой. Длинные корыта и чан для охлаждения сахара раскрыли широкие глотки, выложенные бурой, тусклой, свежeweымытой древесиной.

Вдали – сначала едва различимо, потом все усиливаясь – слышался резкий, непрерывный, монотонный, пронзительный скрип. Креолы, столпившиеся возле сахароварни, загалдели в возбуждении и радостно запрыгали.

Это подъезжали первые повозки, груженные сахарным тростником. С трудом влекомые неповоротливыми, но сильными длиннорогими волами, медленно, со стоном и скрежетом продвигались телеги, изнемогая под непомерной тяжестью длинного и толстого тростника, покрытого лиловыми прожилками.

Рослые, плечистые чернокожие погонщики, подпоясанные широкими ремнями из сыромятной кожи, подгоняли волов длинными стрекалами и покрикивали:

-?Пошел, Лаваринту! Осади, Рамальете! Поворачивайся, Баррозу!

Телеги подъехали к мельницам. Ловкие негры запрыгнули на повозки и начали их разгружать. Через несколько мгновений тростник уже стоял в снопах, перехваченных посередине собственными листьями. В печи под котлами развели огонь, потом открыли шлюз – и вода бурно хлынула на мельничное колесо, которое тут же завертелось – сперва медленно, потом все быстрее и быстрее. Рассекая завязки снопов ловкими ударами тесака, негр-мельник бросил первую партию тростника меж вращающихся цилиндров. Послышался треск раздавливаемых волокон, извергнутые выжимки забрызгали белым темный чердак, где крутились жернова, сок потек по желобу зеленоватой струей. Описывая дугу, он сливался в большой, бурлящий, булькающий, пенящийся чан.

Негры-черпальщики, вооружившись шумовками на длинных рукоятях, заняли места возле котлов.

Сладкий сок, льющийся непрерывной струей, мгновенно наполнил котлы. Печь разгорелась, раскалилась, излучая потоки ласкового тепла по всему просторному помещению. Шустрые шумовки бросали в воздух белесые хлопья дымящейся патоки, которая снова падала в котлы, опять закипала и пузырилась. Повсюду разливался легкий аромат сахара, перебиваемый кое-где удушливым запахом человеческого тела, исходящим от вспотевших негров.

Производство сахара было по душе полковнику. Забыв о своем ревматизме, он целыми днями просиживал на высокой скамье, поставленной между двумя окнами, на почтительном расстоянии от котлов, и потягивал подслащенную водку. Он руководил работой, пробуя патоку из медной, до блеска надраенной песком кастрюльки, помешивая лопатой сахар в холодильном чане, куда он стекал по особому желобу и застывал, покрываясь хрупкой золотистой корочкой.

Ленита не выходила из сахароварни; ей все хотелось узнать, она обо всем расспрашивала. Полковник подвергался самым настоящим допросам: в какие месяцы высаживают тростник? Через какое время его можно рубить? Когда и сколько раз производится прополка? Как его рубят? Как пользоваться секатором? По каким признакам определяют, что тростник созрел? Каковы стадии его созревания? Почему на земле, долго не бывшей под паром, тростник не такой сочный, зато сладкий? Как сажают рассаду?

Она вникала во все подробности, делала записи; узнала, что в Сан-Паулу десятина – это сто на

пятьдесят сажень; что ее четвертая часть так и называется – четверть; что с четверти земли в урожайные годы можно снять от сорока до пятидесяти телег тростника; что на одной телеге уместится столько тростника, сколько хватит для получения пяти пудов сахара; что темным, нерафинированным сахаром торговать выгоднее, чем рафинированным, белым; что отходы от рафинирования можно смешивать с коровьим навозом.

Ленита поднималась туда, где хранились формы, и пересчитывала их попарно; подсчитывала дневную выработку сахара, а также водки, патоки, пены и отходов; определяла вместимость ящиков, чанов, бочек; прикидывала цены; сравнивала нынешние цены с теми, что держались на протяжении последних десяти лет; обобщала, делала прогнозы и пришла к выводу, что в обозримом будущем доходы будут приличными даже в случае отмены рабства.

Полковник налюбоваться на нее не мог. Однажды он сказал:

-?Вот бы мне такую жену, как ты! Я и так, положим, не беден, но с такой помощницей, как ты, золотые горы бы нажил! Будь у меня хоть сын или внук твоих лет, и выйди ты за него замуж...

-?Так у вас же есть сын в Паранапанеме,- заметила Ленита.

-?Есть-то есть, да ведь он чудак неисправимый. И всегда таким был. Засядет, бывало, за книжки да месяцами носа не кажет. А то вдруг найдет на него блажь – едет на охоту, и хоть трава ему не расти.

-?Вы вроде говорили, он женат.

-?Неудачно.

-?А жена где?

-?У себя на родине, во Франции.

-?Француженка, что ли?

-?То-то и оно. Он сдуру женился на ней в Париже. Через год они друг друга уже на дух не переносили. Вот и разъехались.

-?Я и не знала, что он бывал в Европе.

-?Он там лет десять проторчал. Как вернулся – по-португальски двух слов связать не мог.

-?И в каких же странах он побывал?

-?Где только не был: в Италии, в Австрии, в Германии, во Франции. Довольно долго прожил в Англии – учился там у какого-то проходимца, который утверждает, что мы, мол, те же обезьяны.

-?У Дарвина, что ли?

-?У него самого.

-?Значит, сын у вас – очень образованный человек.

-?Да, он знает несколько языков и занимался разными науками. Даже в медицине смыслит.

-?С ним, должно быть, приятно общаться.

-?Иногда приятно, а иной раз он такое отчебучит, что чертям тошно станет! У него порой случается... как его... по-английски... мудреное такое словечко.

-?Blue devils?[3]

-?Да вроде. А ты по-английски тоже, стало быть, кумекаешь?

-?Говорю, и довольно сносно.

-?Это хорошо. Вот приедет Мандука, так можно будет вам по-ихнему поболтать, коли делать нечего будет.

-?С удовольствием воспользуюсь случаем, чтобы поупражняться в языке.

С тех пор Ленига непрестанно думала, даже помимо воли, об этом чудаковатом человеке, который провел долгое время среди красот Старого Света, слушал корифеев науки, наблюдал вблизи возвышенные проявления человеческого духа, женился по любви на женщине, равных которой наверняка нет на белом свете, на парижанке, но, разочаровавшись во всем и снедаемый скукой, уединился на отдаленной фазенде и, мало того, ездит в дикий сертан охотиться на свирепых зверей бок о бок с неотесанными туземцами.

Она знала, что ему было слегка за сорок, - ее отцу, когда он умер, было чуть больше. Она воображала, что он - мужчина в самом расцвете сил - уже не молод, но еще и не стар; наделяла его мощными, атлетическими формами, как у Аполлона Бельведерского; полагала, что глаза у него черные, глубокие, властные, неотразимые. Ей не терпелось получить известие, что он возвращается с охоты домой, да еще с богатой добычей. На душе у нее становилось все радостнее. Тоска по отцу была уже не мучительной тоской, а лишь меланхоличной грустью.

Она с удовольствием пила сироп, но еще больше любила сосать сахарный тростник. Ведь у тростинки, очищенной перочинным ножиком и размолотой зубами - особая свежесть и сладость, каких нет у молотого на мельнице тростника. Она обожала самодельные тянучки. Когда патока начинала остывать и густеть, покрываться золотистой пенкой, Ленига проводила указательным пальцем по ее теплой поверхности, стараясь зачерпнуть как можно больше и, причмокивая, жмурясь, с удовольствием сосала.

Однажды негр, в обязанности которого входило вывозить на тележке выжимки и у которого на левой ноге были тяжкие железные оковы, обратился к ней:

-?Сеньора, посмотрите на мою левую ногу - сплошная рана. Такое тяжелое железо! Поговорите с сеньором - пусть велит снять.

И он показал натертую, кровоточащую, зловонную щиколотку, кое-как перевязанную грязными тряпками.

-?За что это тебя так?

-?Черт попутал, сеньора: сбежал я.

-?С тобой что, плохо обращались?

-?Да нет, сеньора. Негр есть негр - иногда теряет голову.

-?Обещай мне больше не убегать - тогда попрошу полковника снять с тебя кандалы.

-?Обещаю, сеньора! Честное слово, Бог свидетель! Дай вам Господь по молитвам святого Бенедикта такого же красивого мужа, как вы сами.

И он разразился глуповатым смехом.

Ленита, которой пришлось по душе и комплимент, и доброе пожелание, улыбнулась.

К вечеру она сказала полковнику, что так поступать нельзя, что это варварство, что это стыдно, что этому и названия-то нет, что кандалы надо немедленно снять.

-?Эх, дочка! Ничего-то ты не понимаешь. Какое там к черту варварство! Ничего страшного тут нет. Эта филантропия, все эти нынешние иеремиады об отмене рабства, о равенстве и черт его знает о чем еще - все это выдумки и чушь. Учи ученого! Негра нужно драть как сидорову козу, а не только одевать и кормить. Он же работать не станет, если не увидит над собой надсмотрщика с хлыстом. Я ведь так говорю и делаю не со злобы - наоборот, меня считают добрым. Я - как пахарь, который знает, как обращаться с волами. Ладно - раз уж ты просишь, я велю его расковать. Только он опять удерет: сколько волка ни корми, он все равно в лес смотрит.

Варка сахара продолжалась, плантация пустела: живая ясная зелень, исчезая, открывала бурую, грязную, безрадостную почву. Ветер ворошил опавшие сухие, мертвые листья, которые неприятно, раздражающе шуршали - как будто железом водили по стеклу. Гора выжимок росла, увеличивалась в объеме. На фоне светлой зелени темными пятнами выделялись силуэты свиней, коров и вьючного скота, который целый день без усталости жевал свою жвачку. Иногда разгоралась ссора: слышалось оголтелое хрюканье, хриплое мычание, дикий рев. Укус исподтишка, коварный удар рогами или копытом - вот что приносило победу сильнейшему.

Легкий аромат закипающего сиропа в начале варки сменился сильным, дурманящим запахом готового сахара - запахом, который можно было почувствовать за четверть лиги.

Глава VI

Варка сахара закончилась. Весна вступала в свои права. Тропическая флора молодеда в ежегодном обновлении: смело распускались бутоны, почки, свежела крона: здесь - светло-зеленая, пастельная, нежная, бархатистая; там - блестящая, как стекло, цвета ржавчины; а еще дальше - алая. Потом все это разрастется, распространится и смешается с яркой, живой, буйной зеленью.

Природа сменила наряд и вошла в пору любви. Все вокруг расцвело, приобретая пышные очертания, обилие оттенков. Повсюду разносились дивные ароматы. Над темными кофейными плантациями простирался нежный, пленительно белый покров из венчиков. В лесу каждое дерево, каждый куст, каждая травинка наливались необычайной силой. Изобильно растущие цветы прижимались друг к другу, переплетаясь стеблями. Объятые любовным сладострастием, они раскрывали свои отяжелевшие бутоны, выдувая облачка плодотворной пыльцы.

Сладострастие флоры передавалось и фауне. Кругом слышались любовные трели и посвистывание, взрыкивание и подвывание. Это были рулады инамбу, писк дрозда, вопли тукана, карканье жаку, звонкий голос арапонги, скрипение серелепа, рев оленя, похожее на человеческий плач мяуканье лесных кошек. Эту бурю звуков, этот катаклизм похотливых

стонов перекрывало тьяканье дикой собаки и неистовый, пронзительный клекот сокола, теряющийся в запредельности.

Возбужденно, сталкиваясь и ударяясь друг о друга, трепетали листья. Блестящие насекомые, зеленые, словно изумруды, алые, точно рубины, жужжали, летали и вцеплялись друг в друга. Птицы, порхая с ветки на ветку, ероша перья, стремились одна к другой, щипались и клевались. Четвероногие катались по земле, гонялись друг за другом, изгибая спину, и шерсть у них стояла дыбом. Змеи нежно шипели, сплетаясь по парам в первобытном влечении. Земля испускала жаркие, терпкие, острые испарения, припекаемая солнечным светом, просеянным через листву. В каждой темной норе, в каждой пещере, на земле, на каждой травинке, на древесных ветвях, в воде, в воздухе – повсюду – мордочки, клювы, усики, лапы, крылья вождели друг друга, соединялись в любовной страсти и в содроганиях, бессознательно стремясь произвести потомство.

Воздух был пропитан чувственными желаниями, повсюду витали флюиды знойного вожделия. Все ароматы заглушал острый запах семени и возбуждающее, будоражащее благоухание соития.

Ленитой овладела истома. Она углублялась в лес и, отыскав сухую, тенистую полянку, растягивалась на мягком ковре густо покрывающей землю палой листвы, где предавалась сладостному томлению, коим было переполнено все вокруг.

Вернувшись домой, она устраивалась в гамаке, закинув ногу на ногу, слегка зажмурившись, – и в таком блаженном безделье проводила целые часы.

Непрестанно, непрерывно, помимо воли думала она о чудаковатом охотнике из Паранапанемы, поминутно видела его подле себя – сильного, атлетически сложенного, как ей грезилось, – и вела с ним беседы.

В ней пробудилась жестокость – она щипала креолок, тыкала иголкой или перочинным ножиком в животных, попадавших ей на пути. Как-то раз одна собака не выдержала и укусила ее. А был еще случай, когда Ленига поймала канарейку, залетевшую к ней в комнату, оторвала ей лапки, сломала крылышко, а потом выпустила, от души потешаясь, как изуродованная пташка силится взлететь, взмахивая одним крылом и волоча другое, оставляя кровавые следы на дворе, мощеном камнем.

Раб, которого она избавила от кандалов, действительно сбежал, как и предсказывал полковник. Его изловили, и два метиса привели его, крепко связав ему руки веревкой. Делать нечего, сказал полковник, на этот раз негру надо всыпать по первое число еще и за то, что он злоупотребил доверчивостью Лениги. Надо снова заковать его в кандалы и больше не снимать ни под каким видом.

Хорошо все обдумав, Ленига решила не вмешиваться. Ее разбирало жгучее любопытство увидеть, как производится порка, увидеть воочию это легендарное, унижительное, жестокое и в то же время любопытное наказание. Она от души радовалась единственному, может быть, представившемуся ей случаю, с необъяснимым, порочным наслаждением предвкушала вид корчащегося от боли, жалобно кричащего несчастного негра, который совсем еще недавно пробуждал в ней сострадание. С осторожностью, стремясь ничем не выдать себя и не касаясь сути дела, Ленига выведала у полковника, что наказание должно состояться в арестантской на рассвете следующего дня.

Ночь она провела тревожно, ежечасно пробуждаясь от страха, что крепкий предутренний сон

не позволит ей увидеть столь вожаденное зрелище.

Встала она рано, еще затемно, вышла, пересекла двор и так, чтобы никто не видел, проскользнула в сад.

С восточной стороны сад был огорожен бараками для негров-рабов с высокими, примыкавшими друг к другу, сильно потрескавшимися глинобитными стенами. Один из бараков был вдвое вместительнее остальных. Это и была арестантская.

Приблизившись, Ленита прислонилась к стене и, достав из-за пазухи ножницы, принялась выковыривать дырку на уровне глаз между двумя поперечными балками и двумя рейками, в самом подходящем месте, где уже едва держался потрескавшийся глиняный ком.

Ножницы были маленькие, но крепкие, из отличной стали, фирмы Роджерс. Дело кипело - Ленита работала с жаром, но вместе с тем терпеливо и ловко. Сталь пронзала и перемалывала рассыпчатую глину почти бесшумно. Струйка желтой пыли запачкала девушке черное платье. Наконец глиняный ком подался и упал вовнутрь, глухо ударившись о мягкую, почти не утопанную землю. Дырка была готова.

Ленита отпрянула и застыла, затаив дыхание. Через несколько мгновений она вытянула шею и заглянула в дырку. Внутри было темно и ничего не видно. Слышались лишь какие-то неясные отзвуки.

Время шло. Звезды померкли. Сноп белого света показался на потолке, потом сделался алым с золотыми отблесками. Воздух стал тоньше и прозрачнее, а хор птиц затянул нестройный, но веселый, праздничный, титанический гимн нарождающемуся дню. На фазенде послышался мелодичный колокольный звон.

Ленита снова принялась подсматривать. В арестантской все уже стало видно.

В углу высился крепко сбитый деревянный помост, натертый до блеска грязными человеческими телами. Доска в нижней части помоста была распилена вдоль, и обе части накладывались друг на друга: одна крепилась дверной петлей, другая - амбарным замком. В верхней и нижней части распиленной доски были вытесаны полукруглые отверстия, которые при наложении образовывали правильные круги сантиметров десять в диаметре. Это были колодки.

На помосте, с ногами в колодках, укрытый старым, грязным, изодранным бурым одеялом, спал на спине беглый раб.

От колокольного звона он проснулся. Схватившись обеими руками за колено, он сел, потянулся всем своим затекшим телом и снова лег.

Дверь отворилась, и вошел управляющий в сопровождении двух метисов, которые поймали беглеца.

-?Ну, парень! - крикнул метис.- Сейчас будет тебе и кофе, и шоколад, и все, что угодно. Всыплю тебе как следует. Полсотни горячих тебе положено, чтобы бегать неповадно было. Ты что, не знаешь, что от этого убыток хозяину? Сейчас я тебя этой плеточкой всего разукрушу!

И он свирепо потряс плетью - этим мерзким, гнусным, отвратительным орудием, зато простым и в обращении и в изготовлении, когда берется полоска сыромятной кожи пяди в три длиной и

в два пальца шириной, разрезается вдоль, но не до конца ни с одной, ни с другой стороны. Замачивается в воде, затем отжимается и прибивается гвоздями для просушки. Когда кожа как следует затвердеет, она с одной стороны крепится к рукоятке, а с другой стороны надрезается перочинным ножиком, чтобы получилось два хвоста. Вот и все.

Управляющий разомкнул колодки, и несчастный негр поднялся, дрожа всем телом. Лицо его перекопилось от страха. Он рухнул на колени, воздел руки к небу и сложил узловатые пальцы в умоляющем жесте.

Это была крайняя степень падения человека, когда им овладевает чисто животный страх. Он внушал одновременно и сострадание, и отвращение.

-?Ради Бога, клянусь святым Бенедиктом, больше не убегу!

И он разрыдался от отчаяния.

-?Не шуми, парень,- отозвался управляющий.- Хозяин велел - значит, так нужно.

-?Позовите хозяина!

-?Хозяин спит, нельзя его беспокоить. Покончим с этим. Спускай штаны и ложись.

-?Пресвятая Богородица, спаси меня!

-?Богородицу призываешь, а сам удрать хотел! - нетерпеливо крикнул метис.- Давай, давай - скорее покончим с этим.

Несчастный оглядывался по сторонам, словно ища лазейку. Но укрыться было негде, и он смирился. Дрожащими руками он медленно расстегнул грязные штаны, упавшие к его щиколоткам и обнажившие тощие ягодицы, и без того уже густо испещренные рубцами. Метис встал слева, чуть поодаль, слегка наклонился, отставил назад левую ногу, взмахнул плетью справа налево - быстро, сильно, но не напрягаясь, умело, искусно, элегантно, как профессионал, обожающий свое дело.

Два жестких, крепких, звучных ремня со свистом впились заостренными концами в кожу беглеца. Две белесых полоски с неровными краями образовались на лиловой коже правой ягодицы.

Негр испустил ужасный вопль.

Плеть мерно вздымалась и со свистом опускалась, облизывая и рассекая голое тело. Появились первые капли крови, словно жидкие рубины, потом они слились в ручейки и потекли на пол.

Негр извивался точно уж на сковородке, впивался ногтями в земляной пол, мотал головой, кричал и выл.

-?Раз! Два! Три! Пять! Десять! Пятнадцать! Двадцать! Двадцать пять!

На минуту палач остановился, но не для того, чтобы отдохнуть - он ничуть не устал,- а для того, чтобы продлить удовольствие. Так завзятый чревоугодник не спешит употребить изысканное лакомство.

Он перешагнул через негра, встал в другую позу и принялся махать плетью в противоположном направлении, нанося удары по другой ягодице.

-?Раз! Два! Три! Пять! Десять! Пятнадцать! Двадцать! Двадцать пять!

Вопли негра стали хриплыми и сдавленными. Его курчавые волосы были перепачканы землей, которая от пота превратилась в липкую массу.

Метис положил плеть на помост с колодками и произнес:

-?А теперь польем рассольчиком, чтобы покрепче запомнил.

И, взяв из рук управляющего заранее припасенный тыквенный сосуд, он вылил содержимое на истерзанную плоть.

Негр выгнул спину, словно кот. Из его глотки вырвался сдавленный рев, в котором уже не угадывалось ничего человеческого, и он потерял сознание.

Лениту всю трясло от наслаждения. Она побледнела, глаза метали молнии. Ее била лихорадка. Жестокая, ледяная улыбка кривила ей рот, обнажая ослепительно белые зубы и розовые десны.

Свист плети, корчи и крики истязуемого, струйки крови опьяняли ее, сводили с ума, доводили до неистовства. Она нервно ломала руки и притопывала ногами. Словно весталке на гладиаторских играх, ей хотелось повелевать жизнью и смертью; хотелось продолжать истязание, покуда жертва не лишится жизни; хотелось дать знак большим пальцем - pollice verso![4] , - чтобы поверженного доби́ли.

Она вся дрожала от неведомых прежде ощущений, от болезненного сладострастия. Вот рту она почувствовала привкус крови.

Глава VII

Вот уже почти неделю безостановочно лил дождь. Кроны воспрянувших, налитых живительным соком, чисто вымытых лесов отяжелели от воды. Густой ковер палой листвы, покрывавший почву в лесах, намок и, разбухая, постепенно превращался в перегной. Обнаженная земля на дорогах, раскисшая, зеленоватая на откосах и на обочинах, пропаханная тележными колеями, измятая, разрыхленная копытами вьючных животных, где-то вздыбливалась, словно взбитая грязевая перина, а где-то скрывалась под лужами мутной от глины воды - кое-где желтой, а в иных местах кроваво-красной. Со склонов стремительно неслись бурлящие ручьи, разлиновывая поверхность земли как тетрадный лист; широко разливаясь, они омывали и освежали корни злаков на целинной земле. Поля превратились в болота, болота - в озера.

В саду ветви апельсиновых деревьев поникли под тяжестью влаги; кешью, сливы, манговые и персиковые деревья наливались жизненным соком, а листья на них ярко блестели. Темное небо низко нависло над землей. Разлившийся ручей бурлил и журчал.

Ленита печально сидела в гамаке, по-китайски скрестив ноги и зябко кутаясь в шаль. Большую часть суток она проводила за чтением. Казалось, ей ни до чего не было дела.

Иногда она задумывалась о душевных и телесных переменах, произошедших с ней на фазенде, где не нашлось девушки ее возраста и ее уровня, которая могла бы ее выслушать, понять, дать совет и хоть немного успокоить ее расстроенные нервы. Она пыталась анализировать истерический срыв, эротические фантазии и вспышку жестокости. Размышляла о своем

иссушающем душу унынии, соседствующем с необъяснимыми желаниями. Ей самой было удивительно, отчего она так часто помимо воли думает о полковничьем сыне – мужчине уже зрелом, женатом, которого она к тому же никогда не видела; она чувствовала, что у нее начинает учащенно биться сердце, когда в ее присутствии говорили о нем. И делала вывод, что ее подтачивает какой-то неисцелимый недуг.

Потом она переменяла мнение: это была не болезнь, не патология, а просто физиология. Ее, точно острый шип, явил зов пола, голос плоти, требовавший, чтобы она заплатила дань любви, объявляющий о ее плодородии и о возможности увековечить себя в потомстве.

И она вспомнила о нимфомании, о донжуанстве, обо всех этих мерзостях, которыми природа наказывает самцов и самок, нарушающих ее законы, сохраняя непосильную девственность; вспоминала о священном ужасе, который наводила на греков и римлян Венераина кара. Словно в тумане, проносились перед ее мысленным взором греческие менады, римские весталки, восточные одалиски, христианские монахини – бледные, бьющиеся в судорогах, с искусанными в кровь губами, с горящими глазами, извивающиеся в страстях в лесу или на одиноком ложе, обезумевшие, озверелые, истерзанные шипами вожделения.

Ощутимо, как живые, перед нею представали похотливые Пасифая и Федра; Юлия, Мессалина, Теодора и Империя; Лукреция Борджа и российская императрица Екатерина II.

Однажды в комнату к Ленине вбежал полковник.

-?Хорошая новость! Приезжает мой мальчик... Что я говорю, он уже давно не мальчик... Возвращается с охоты из Паранапанемы.

-?Ваш сын?

-?Он самый. Я уже успел по нему соскучиться.

-?Что же он не предупредил? Мы бы выслали ему навстречу экипаж.

-?А разве я не говорил, что он чудак? Невтерпеж, видите ли, ему! Настрелял дичи в Риу-Клару и домой заторопился.

-?А как вы об этом узнали?

-?Приехал оттуда один метис. Только что заходил сюда.

-?Вымок, небось, ваш сын – льет ведь, как из ведра.

-?Да ему все нипочем – не привыкать.

-?В котором часу он приедет?

-?Тут шесть лиг пути. Наверняка он выехал после завтрака, часов в десять. Дорогу всю размыло, так что ехать ему часов шесть, а то и все семь. Ты будешь ужинать в обычное время или подождем его?

-?Да подождем, конечно!

Полковник удалился.

Ленина проворно спрыгнула с гамака, побежала в спальню, тщательно причесалась, подняла

волосы и заколола на макушке, оставляя затылок открытым. Затянувшись в корсет, она облачилась в мериновое платье с высоким воротом – очень скромное, но элегантное. Надела ониксовые серьги, брошь, браслеты, обула туфельки с белыми подковками в стиле Людовика XV, низкий подъем которых открывал черный шелковый чулок. На левой стороне груди она приколола две пышные, душистые белые розы.

Полковник удалился.

Ленита проворно спрыгнула с гамака, побежала в спальню, тщательно причесалась, подняла волосы и заколола на макушке, оставляя затылок открытым. Затянувшись в корсет, она облачилась в мериновое платье с высоким воротом – очень скромное, но элегантное. Надела ониксовые серьги, брошь, браслеты, обула туфельки с белыми подковками в стиле Людовика XV, низкий подъем которых открывал черный шелковый чулок. На левой стороне груди она приколола две пышные, душистые белые розы.

-?Ну и ну! Какая у нас красавица сеньора дона Ленита! – воскликнул полковник, в восхищении глядя на нее.- Парню моему это, правда, как мертвому припарки. Только он сам виноват – ничего не поделаешь.

Ленита слегка покраснела и засмеялась.

-?Ну-ка, пойдем в дом – пускай и старуха моя на тебя полюбуется. Правда, ты такая красавица, что хоть самому святому Антонию голову вскружишь! Как тебе к лицу это закрытое черное платье! Да, ничего не скажешь!

Вечерело. Дождь все не утихал. Повсюду в рытвинах скапливалась вода, стекая ручьями со всех склонов.

На вершине пограничного холма, пересеченного дорогой, показались двое верховых и вьючный осел. Медленно, то и дело скользя по грязному, раскисшему склону, стали они спускаться в направлении фазенды. Распыленные в воздухе водные брызги делали неясными их очертания, окутывая серой дымкой, которую рассекали наискось дождевые струи. Но полковник разглядел их сквозь запотевшие окна.

-?Мандука едет! – воскликнул он.- Бедняга! Мокрый, как курица!

Ленита прекратила раскачиваться в кресле-качалке, отложила газету «Вестник Европы», которую до этого читала, уронила руки на бедра, откинулась головой на спинку, побледнела и замерла, как будто лишилась чувств. Кровь отхлынула у нее от забившегося сердца.

Путники прибыли. Послышался нервный звон трензелей, потом тяжелая поступь размокших, грязных сапог и звяканье шпор на мощеной площадке у крыльца.

Прихрамывая, полковник бросился навстречу сыну.

-?Черт знает, что за погода! – пробурчал тот, входя в переднюю, очищая сапоги о порог, стаскивая резиновый плащ и водружая его на вешалку.- Ну, здравствуй, отец! Ты вроде в порядке, как я погляжу. Мать – тоже, так ведь?

-?Всё как обычно. А ты? Здоров ли? Как поохотился?

-?Поохотился великолепно, доложу я тебе. Здоровье железное, только вот эта чертова

мигрень... Которая мне и теперь покою не дает. Схожу поздороваюсь с матерью да пойду к себе в комнату – она, надеюсь, готова. Вели, чтобы Амансиу принес мне чайник кипятку и немного горчицы – ноги себе попарю.

-?Ты же наверняка не ужинал. Да и обедал ли? Съешь чего-нибудь – тебе и полегчает.

-?Какое там! У меня же голова раскалывается.

-?Жаль! А мы с Ленистой ждали тебя к ужину...

-?С Ленистой? Кто такая Лениста?

-?Внучка моего старинного друга Куньи Матозу, дочь моего ученика, доктора Лопеса Матозу, который умер вскоре после твоего отъезда в Паранапанему. Я тебе писал об этом. Ты что, не получил письма?

-?Получил. Лопеса Матозу я хорошо помню. Так значит, его дочь здесь?

-?Здесь, бедняжка. Невмоготу ей оставаться в городе, сильно горюет она по отцу. Поди сюда, Лениста, познакомься с моим сыном. Его зовут Мануэл Барбоза.

Лениста вышла из гостиной, подошла к прибывшему и приветствовала его кивком головы.

Тот снял намокшую шляпу и тоже приветствовал ее.

-?К вашим услугам, досточтимая сеньора. Извините, что не подаю вам руки: я с головы до ног перепачкался глиной.

Мануэл Барбоза оказался довольно высоким, худощавым мужчиной. Мокрая одежда прилипла к его телу, обрисовывая угловатые очертания. С его длинных, грязных, ниспадающих на лоб и закрывающих уши волос стекала вода. Всклокоченная борода с проседью придавала ему диковатый, почти свирепый вид. Из-за мигрени его смугловатое лицо было бледным и землистым. Он часто моргал – свет явно резал ему глаза. Его набрякшие веки дрожали, а от уголков глаз разбегались «гусиные лапки».

Лениста, до крайности разочарованная, разглядывала его со скорбным любопытством.

-?Сеньора,- продолжал приезжий,- очень сожалею, что вы изволили ожидать меня к ужину, но злополучная мигрень лишает меня возможности насладиться вашим обществом. Позвольте мне удалиться.

И он тяжелой поступью отправился в свою комнату, звеня шпорами и оставляя на паркете мокрые следы грязных сапог. Полковник последовал за ним.

Лениста ушла к себе в спальню, со стуком затворила окна и раздраженно сказала зашедшему к ней позже полковнику, что ужинать не станет, как тот ни уговаривал ее отведать хоть крылышко цыпленка, ломтик ветчины или, на худой конец, какой-нибудь десерт.

Ожесточенно сорвав с платья две красивые розы, она швырнула их на пол, растоптала и начала быстро раздеваться, в неистовстве отрывая пуговицы и крючки.

Резким движением скинув туфельки, отлетевшие в другой конец комнаты, она бросилась на кровать, свернулась калачиком и, кусая руки, разразилась судорожными рыданиями.

Плакала она долго. Нервная разрядка принесла ей облегчение. Успокоившись и утешившись, она углубилась в размышления.

Создать идеал, думала она, пестовать его, как мать пестует дитя, нянчить, одевать во все самое лучшее - а действительность вдруг оказывается уничтожающе грубой, прозаической, зверски скучной! Измыслить охотника, словно сошедшего со страниц Купера, или подобного Нимроду сильного зверолова пред Господом[5], мускулистого, словно античный герой, атлета - и оказаться лицом к лицу с неказистым, грязным, пожилым, лохматым, седобородым субъектом, похожим на погонщика и не слишком-то любезно обошедшимся с ней! В довершении всего она готова была поклясться, что от него жутко разлило спиртным.

Но, в конце концов, что ей за дело до этого человека, с которым она ни разу не беседовала, никогда прежде не видела и вообще недавно узнала о его существовании? И не она ли не так давно отказывала целой туче назойливых искателей ее руки? Так может быть, оно и к лучшему, что все так вышло? У нее нет ни родителей, ни братьев, ни сестер. Она сама себе госпожа, ни от кого не зависит, богатая, красивая, умная, образованная. Ей достаточно показаться в городе, а еще лучше - в Сан-Паулу, в светском обществе, появляться на званых вечерах, позволять любоваться собою, чтобы властвовать, чтобы принимать знаки поклонения, чтобы упиваться фимиамом лести. Не на фазенде же ей оставаться!

Если такова уж физиология, ее снедающая потребность в мужчине, то отчего бы ей не выбрать среди тысячи претендентов сильного, энергичного, властного, способного удовлетворить и насытить ее? А если не хватит одного, то отчего не пренебречь смехотворными предрассудками и не завести десять, двадцать, сто любовников, чтобы они утолили ее вожделение и удовлетворили органическую потребность? Что ей за дело до общества с его глупыми моральными предписаниями?

Ох уж это землистое лицо Мануэла Барбозы, его бегающие глаза, нестриженные волосы, мерзкая борода, мокрая одежда! А как разлило от него спиртным!

Она не могла его простить, ненавидела его. Ей хотелось надавать ему пощечин, плюнуть в лицо.

Но это было бы безрассудством. Без конца она повторяла себе, что такое ничтожество, такое заурядное существо не стоит не только ненависти, но даже и того, чтобы о нем вообще думали.

Надо вернуться в город... А оттуда - в Сан-Паулу, остаться там навсегда, купить большой участок в аристократическом квартале - например, в Санта-Эфижениа, или в Ша, или на улице Руа-Алегри,- построить пышный, роскошный, элегантный особняк на восточный манер, который превзойдет и посрамит все эти уродливые, безвкусные кирпичные бараки, сооруженные на деревенский лад. Строительство возглавит Рамус Азеведу, а оформителями станут Аурелиу ди Фигейреду и Алмейда Жуниор. Лениа обставит особняк полированной мебелью из черного дерева, украшенной изящной резьбой. На парижских ventes[6] она, с помощью надежных агентов, приобретет письменные столы и ломберные столики от Буля.

У нее будут кордовская тисненая кожа, персидские ковры и гобелены, японские фукузы. На консолях, на полочках, на этажерках, в витринах, в резных шкафах черного дерева - повсюду она щедро расставит фарфор - белый и кремовый китайский, расписанный радостными, живыми красками, алый и золотистый из Японии, чудесный, вызывающий, роскошный, восхитительный; работы из сацумского песчаника, арабские по стилю, но почти европейские по верности рисунка. Она будет коллекционировать вазы и тарелки из севрского фарфора, расписанные Буше, Арманом, Шаво-отцом и обоими Сиу; с ними будет соседствовать фарфор

Берлинской королевской и Венской императорской фабрик – те берлинской лазури, эти цвета меди; а рядом будут саксонские фарфоровые фигурки – тонкой, идеальной работы. Взор ее будет находить отдохновение на маслянистой патине японской бронзы, на реалистичных, человеческих формах греческих статуй, с математической точностью отлитых в бронзе Кола и Барбедьеном. У нее будут мраморные изваяния Фальконе, терракотовые Клодиона, старинные миниатюрные резные нэцкэ. Смотреться она станет в венецианские зеркала, а духи хранить во флаконах из граненого богемского хрусталя. Шкатулки она наполнит старинными драгоценностями, хризолитами и бриллиантами, оправленными в серебро, золотыми ковчежцами из Порту.

На породистых конях, запряженных в роскошную карету, выписанную из Парижа, она будет ездить в Понте-Гранде, в Пенью, в Вила-Мариана. Все будут обращать внимание на ее элегантные, изысканные и даже слегка рискованные наряды.

Она объездит всю Европу, лето проведет в Санкт-Петербурге, зиму в Ницце, поднимется на Юнгфрау, будет играть в Монте-Карло. Вернувшись, она станет устраивать банкеты, чтобы шокировать вкусы тех, кто привык к говяжьей тушенке да свиной поджарке. Столы будут ломиться от копченой сельди, икры, жареных рябчиков и жаворонков с потрохами и всего, что изобрели утонченные гастрономы старого света. Пить ее гости станут самые дорогие и изысканные вина – иоганнесбургское, токайское, констанцское, Лакрима-Кристи, Шато-Икем.

У нее будут любовники – почему бы и нет? Какое ей дело до сплетен и пересудов в лицемерном и злоречивом бразильском свете? Она молода, чувственна, богата – отчего не воспользоваться этим? Кому угодно возмущаться – пускай возмущаются!

Потом уж, постарев, омещанившись и возымев желание жить как все, она выйдет замуж. Это нетрудно – деньги у нее есть, так что от претендентов отбою не будет, любой покорно примет сладостное супружеское иго. Выбор останется за ней.

Глава VIII

Дожди перестали, наступили погожие дни. По голубому небу без единого облачка разливался ослепительный солнечный свет и золотил прозрачайший воздух. Природа радовалась и веселилась, точно выздоравливающий больной.

Ленита проснулась в добром здравии, но недовольная и раздраженная. Воспоминания о Мануэле Барбозе не давали ей покоя. Видеть его ежечасно, за столом, в комнате, глядеть, как он разгуливает по дому, по двору, раскачивается в кресле-качалке – лохматый, седобородый... Это казалось ей нестерпимым.

Когда ее позвали завтракать, недовольство многократно возросло. Она небрежно поправила волосы и столь же небрежно накинула шаль. В корсет затягиваться не стала. На ногах у нее были домашние туфли.

На веранду вышла, опутив глаза, стараясь не глядеть на докучного сотрапезника.

За столом сидел полковник.

–?Доброе утро, Ленита! Как ты нынче? Что, не понравился мальчик? Оно, может, и к лучшему. На рассвете он в город уехал. Говорил, у него дело какое-то срочное, вот он и собрался ни свет

ни заря. У него всегда так: ввечеру на стену лезть готов от мигрени, а соснет часок – и все как рукой снимет.

–?Рада, что ему лучше,– сухо отозвалась Ленита, а про себя подумала: чтобы ему когда-нибудь заснуть и не проснуться! Чем скорее эта скотина подохнет, тем лучше. Мир – для сильных и красивых, ибо красота – это, в конце концов, тоже сила. Борода! Борода! Черт бы ее побрал вместе с ее обладателем.

Ленита была несказанно рада, что хоть сегодня ей не придется лицезреть Мануэла Барбозу и пребывать в его обществе.

Она твердо решила не задерживаться на фазенде, а поскорее уехать в город, а оттуда – в Сан-Паулу.

С аппетитом позавтракав, она поиграла на фортепьяно, долго гуляла пешком и до самого ужина думала о Мануэле Барбозе всего лишь два или три раза – уже без возмущения, без обиды, почти что равнодушно, и готова была посмеяться сама над собой за то, что в долгом припадке истерической фантазии воображала его героем. Он оказался жалким, хилым, старообразным, неотесанным. На охоту он ездил ради самой охоты, словно какая-нибудь деревенщина – без всякого поэтического порыва. К тому же не дурак выпить. Правда, он побывал в Европе, но, как говорится, ворон за море летал – умней не стал. Он оказался таким, каким и следовало ожидать, – невзрачным, ничтожным, ниже среднего уровня.

С наступлением темноты Ленита уединилась у себя в спальне и принялась упаковывать свои бронзовые, мраморные и фарфоровые безделушки. Любовно, со тщанием она заворачивала их в шелковую бумагу, складывала на дно огромного американского чемодана, прокладывала смятыми старыми газетами, салфетками, платками, тряпочками. Она заботилась о них, как мать или как страстно влюбленная. Иной раз она самозабвенно, упоенно рассматривала северскую вазочку и в порыве умиления целовала ее.

Поздно ночью, уже в постели, Ленита услышала цоканье копыт, топот сапог и звяканье шпор.

«Явился, мужлан», – проворчала она про себя и вновь принялась думать о предстоящем переезде в город, а оттуда – в Сан-Паулу.

Погода выдалась хорошая: ясную, холодную, звездную ночь сменило столь же светлое, радостное утро, как и накануне.

Ленита встала рано, выпила стакан молока, погуляла по лугу. На обратном пути она зашла в сад посмотреть на поспевающий инжир и наливающиеся виноградные гроздья.

С одного раскидистого апельсинового дерева, ветви которого, покрытые сочными листьями, стелились по земле, внезапно вспорхнула тико-тико[7].

«У нее там гнездо», – подумала Ленита и стала его искать, раздвигая руками ветки.

Остановившись и принявшись, она ощутила приятный запах мыла Легран и гаванской сигары.

Обогнув апельсиновое дерево, она лицом к лицу столкнулась с Мануэлом Барбозой, который любезно улыбнулся и учтиво поклонился, держа в правой руке шляпу, а в левой – роскошную, душистую алую гвоздику.

От брошенной неподалеку сигары поднималась легкая, спиралевидная струйка дыма.

Вчерашний Барбоза словно преобразился. Теперь это был истинный джентльмен, в полном смысле слова.

Высокий, открытый, без единой морщинки лоб; волосы тщательно подстрижены и элегантно причесаны на пробор, и лишь кое-где виднелись серебряные нити; безукоризненно выбритое лицо с классически правильными чертами. Вчерашняя бледность сменилась румянцем и здоровым загаром. Добродушно улыбающиеся нордические губы, над которыми красовались тщательно подстриженные, с легкой проседью усы, обнажали крепкие, белые, ровные зубы. Статная фигура, ноги, обутые в щегольские сапоги небольшого размера, аристократические руки с отполированными ногтями.

На нем был свободно сидящий светлый кашемировый костюм, кремовый галстук, белоснежная рубашка с отложным воротничком, открывающим крепкую, мускулистую шею. К лацкану пиджака была приколотая душистая роза.

Изящно и галантно приблизился он к Ленине.

-?Сеньора, я чрезвычайно сожалею, что позавчера вы изволили составить неверное мнение обо мне. Когда у меня мигрень, я похож на медведя или гиппопотама, а не на человека. Не окажете ли мне честь принять эту гвоздичку? Не смущайтесь - я ведь старик, в отцы вам гождусь.

И он непринужденно воткнул цветок девушке в волосы.

Потом, отойдя на пару шагов, поглядел на нее и, с видом знатока наклонив голову набок, произнес:

-?Как идет этот красный цветок к вашим черным волосам! До чего красиво!

Взгляд Барбозы из-под полуопущенных век был таким ласковым, таким отеческим, а речь - такой мягкой, что Ленине не шелухнулась, чтобы воспрепятствовать дерзости. Она улыбнулась и спросила:

-?Значит, вы отлично себя чувствуете, успели отдохнуть с дороги, и головные боли вас не беспокоят?

-?Да нет! Дорога меня не утомляет, а мигрень прошла, и я забыл о ней. Хотите взять меня под руку? Прогуляемся по саду до завтрака?

Ленина согласилась.

Моментально, словно под воздействием электрического разряда, ее чувства переменялись - от мечтаний об идеальном мужчине до истеричного каприза, от антипатии к реальному позавчерашнему человеку, оказавшемуся в неблагоприятных условиях, до внезапно нахлынувшего теплого и спокойного чувства к Барбозе. Он показался ей необычайно добрым и родным, чем-то похожим на Лопеса Матозу.

Они долго гуляли и много беседовали. Говорили в основном о ботанике. Барбоза сказал, что в старом и новом свете природа различна, критически оценивал ту и другую, поделился собственными наблюдениями. Механической смене времен года в Европе он противопоставлял единообразное течение нескончаемой бразильской весны. Объяснил, что там преобладают

леса, состоящие из какого-нибудь одного вида деревьев, что есть леса, где растут одни дубы, или одни каштаны, или одни тополя, тогда как здесь на небольшом пространстве соседствуют сотни семейств разнообразнейших деревьев, и часто две особи одного вида отдалены друг от друга на сотни метров. Уточнил, что в провинциях Минас-Жерайс и Парана исключение составляет лишь араукария бразильская, а также тропические пальмы, которых он перечислил целую тьму. Ленига слушала его с неподдельным интересом, проявляя глубокое понимание предмета и задавая дельные вопросы. Она цитировала одних ученых – таких, как Гарсиа д’Орта, Бротеро и Марций, и критиковала других, среди которых – Коррейя ди Мелу и Каминьоа, а также призналась, что по вопросу происхождения видов она – пламенная сторонница Дарвина, чьи радикальные взгляды разделяли оба собеседника.

–?А! – произнес полковник с порога, увидев, как они шествуют под руку.– Доброе утро вам! К черту печали! Этого, мои хорошие, я от вас и ожидал. Ну, пошли, пошли в дом, а то все остынет. Уж полчаса, как подали завтрак.

–?А! – произнес полковник с порога, увидев, как они шествуют под руку.– Доброе утро вам! К черту печали! Этого, мои хорошие, я от вас и ожидал. Ну, пошли, пошли в дом, а то все остынет. Уж полчаса, как подали завтрак.

–?Да, отец! Сеньора донна Елена стала для меня сюрпризом, прямо-таки откровением. Я знал, что она хорошо воспитана и образованна, но думал, что так, как большинство барышень, особенно у нас, в Бразилии,– играет на фортепьяно, поет, немножко говорит по-французски и по-английски, чуть-чуть разбирается в географии – только и всего. Так вот, я ошибся – у сеньоры донны Елены обширнейшие познания, поразительная эрудиция и глубочайший, удивительно развитый ум.

–?Вы слишком добры ко мне, сеньор Мануэл Барбоза,– откликнулась Ленига, не скрывая, что польщена.

–?Послушайте, что я вам скажу. К чему все эти сеньоры да донны? Давайте попросту – Ленига, Мандука... Проще надо быть! Церемонии – это только для церкви, а мне на нервы действует, да и ревматизм от них разыгрывается. Пойдемте завтракать.

С этого времени Ленига и Барбоза не расставались – вместе читали, вместе размышляли, вместе гуляли, играли на фортепьяно в четыре руки.

В полковничьей гостиной они оборудовали электротехнический кабинет.

Четверка старых, неровных, покоробившихся стен стала пристанищем новейших приборов и инструментов, у которых яркий блеск полированной латуни сочетался с темнотой черных деталей, кристальной прозрачностью разнообразных стеклянных трубок, глянец деревянных рукояток и яркой шелковой зеленью катушек.

Громадные лейденские банки, выстроенные в длинный ряд, машины Рамсдена и Холтеца, батареи Крюкшенка и Волланстона, батареи Гроува, Бунсена, Даниэля, Лекланше; изящные батарейки из бихромата калия, катушки Румкопфа, трубки Гесслера, регуляторы Фуко и Дюбока, свечи Яблочкова, лампочки Эдисона, телефонные и телеграфные аппараты – все это принимало причудливые формы и было одновременно тусклым, прозрачным и сверкающим и многоразличными способами то поглощало, то преломляло, то отражало свет.

Потрескивал электрический ток, повсюду мелькали голубоватые искры, раздавались сухие хлопки и мелодичный звон колокольчиков.

Воздух пропитался острым, резким запахом азотной кислоты и озона.

Барбоза и Лени́та, с головой ушедшие в научные занятия, самозабвенно ставили опыты, обменивались немногословными репликами, словно бывалые коллеги. Давали друг другу решительные указания. Случалось, что один из них внезапно топал ногой, хмурился, замахивался, лицо у него искажалось – что-то было не в порядке, и виновный карался легким толчком. Полковник наблюдал за ними, стоя в дверях.

-?Не комната у вас, а капище какое-то языческое,- говорил он.- Ударит когда-нибудь молния да испепелит всю эту вашу нечисть.

На настойчивые приглашения сына и Лени́ты увидеть воочию электрический свет в вакууме или разноцветное сияние в трубе Гесслера полковник неизменно отвечал решительным отказом. Его, мол, туда калачом не заманишь – пару раз ударило его током на телеграфной станции, и хватит с него.

На замечание, что электричество может сослужить хорошую службу при лечении ревматизма, полковник отвечал, что пусть лечится тот, кому охота, а ему такая медицина не подходит.

Когда научная любознательность Лени́ты касательно электротехники, прежде знакомой ей чисто теоретически, оказалась удовлетворена, они с Барбозой переключились на химию и физиологию. Потом увлеклись лингвистикой, занялись языками, особенное внимание уделяя греческому и латыни, переводили фрагменты Эпикура и «О природе вещей» Лукреция.

За учеными занятиями и беседами, за долгими прогулками время летело быстро. Вставали они чуть свет, а вечерами засиживались допоздна. Однажды негритенок, сходяв за почтой, принес запечатанную сургучом посылку, содержащую толстую книгу. Это оказалось изложение эволюционных теорий Дарвина и Геккеля, которое предпринял Виана ди Лима – бразилец, писавший по-французски. Лени́та безумно обрадовалась такой приятной неожиданности. Они с Барбозой принялись за чтение тотчас после ужина, да так увлеклись, что не заметили, как солнце взошло.

Лишь когда пламя свеч померкло при первых лучах восхода, они опомнились. Вдосталь насмеявшись, они разошлись по своим комнатам, но спать им не хотелось. Позавтракав, они продолжили чтение.

Поздно вечером, пожелав спокойной ночи Барбозе, Лени́та вошла к себе в спальню и стала раздеваться. Собравшись с мыслями и проанализировав свое душевное состояние, она сочла себя вполне счастливой, заметила, что испытывает добрые, нежные чувства ко всему, что ее окружает, что природа заиграла перед нею новыми красками. С некоторыми угрызениями совести почувствовала она, что понемногу забывает отца. Ночь казалась ей нескончаемой, до того она хотела снова увидеть Барбозу.

Она легла в постель, долго ворочалась, пыталась заснуть, перебирая в мозгу то, что узнала за день. Наконец она погрузилась в сон.

Проснулась она на заре, с петухами, весело и радостно вскочила с постели, тщательно почистила зубы, полюбовалась собой в зеркале, широко раскрыла рот и растянула губы, чтобы осмотреть десны, освежила бюст, неторопливо оросив его холодной водой, увлажнила волосы фиалковыми духами, аккуратно причесалась, сменила ночную рубашку на тончайшую батистовую сорочку, затянулась в корсет, нарядно оделась, отшлифовала, почистила, заострила и накрасила ногти.

При этом она не переставала думать о Барбозе, предвкушая мгновение, когда она увидит его, услышит его нежный и радостный голос, желающий ей доброго утра, пожмет ему руку и ощутит его теплое прикосновение.

Барбоза был уже немолод, спать подолгу ему не хотелось – достаточно было нескольких часов.

Он лег, решил почитать, но тщетно. Образ Ленины вставал между ним и раскрытой страницей. Он видел ее подле себя, самозабвенно созерцал ее в полубреду, говорил с нею громким, отчаявшимся голосом, откладывал книгу или газету, потягивался всем телом, переворачивался с боку на бок, засыпал, потом просыпался, чиркал спичкой, смотрел на часы, убеждался, что еще глубокая ночь, снова засыпал, снова пробуждался – и так до самого рассвета, пока не пришла пора вставать.

«Что же такое со мной творится?» – думал он. Восхищение талантами девушки, бесспорно превосходящими женскую натуру? Возможно. Но в Париже он долго работал с мадам Брюне, блистательно переводившей сочинения Гексли. С нею он анатомировал сотни трупов, с нею углублял свои познания в эмбриологии, уважал ее, восхищался ею, но никогда не чувствовал с ней того, что чувствовал рядом с Лениной. Хотя некрасивой мадам Брюне тоже не назовешь – скорее, даже наоборот. Нет, это не было простым восхищением. А чем же, черт побери? Истинной любовью, имеющей целью соитие, это тоже не было – рядом с Лениной он не ощущал ни малейшего вожделения, ни искры похоти. Когда-то ему суждено было пережить страсть, приведшую к нелепешему браку, – но это все в прошлом. Он разошелся с женщиной, чей гений не давал ему спокойно жить. В определенном смысле он был довольно целомудренным человеком – к соитию стремился лишь тогда, когда ощущал, что неумолимая физиологическая потребность мужского организма грозит его здоровью. Этому он придавал не больше значения, чем отправлению любой другой органической функции. Так что же он чувствовал к Ленине? Дружбой в истинном смысле слова, как у мужчины с мужчиной или женщины с женщиной, это не было – дружбы между людьми разных полов не бывает, если только они не перестали ощущать себя мужчинами и женщинами. Может быть, это идеальная, романтическая, платоническая любовь? Наверняка. Господи Боже, ведь это же курам на смех! Сентиментальные излияния в сорок лет, когда умственное развитие уже не допускает фантазий, когда борьба за существование умерщвляет иллюзии?

Все дело в том, что ему было невозможно находиться вдали от этой девушки. Только возле нее он жил, мыслил, трудился и ощущал себя мужчиной. Он был в плену, он был повержен.

Глава IX

В Сантусе прогорел один крупный торговый дом. Полковник потерял на этом тысяч тридцать.

–?Это была сплошная обираловка, – сказал он, узнав новость. – С плантатора там последнюю рубаху готовы были содрать. Пришлешь, бывало, им хорошего, отборного кофе – а они его смешают черт знает с чем, а потом продают по дешевке. Мошенники, одно слово!

И покупателей дурят, и поставщика морочат, фальшивые счета подсовывают – а ты знай стой да глазами хлопай, все равно ни черта не поймешь! И не только поставщика обманывали, а и посредника, и за перевоз по железной дороге недоплачивали, и правительству налоги тоже не целиком платили, и извозчиков надували, и маклеров, и комиссионеров, и экспортеров! Вот и доигрались – хотели себе навару, а сами прогорели, потому что нашлись честные люди, которые вывели их на чистую воду.

Решили, что на другой день Барбоза поедет в Сантус, дабы попытаться хоть что-нибудь спасти.

После завтрака он долго беседовал с отцом, спорил, уточнял счета и условия переговоров, а потом сел на коня и отправился на фазенду к ближайшему соседу – майору Силве, с которым необходимо было договориться, поскольку и тот был заинтересован.

Решили, что на другой день Барбоза поедет в Сантус, дабы попытаться хоть что-нибудь спасти. После завтрака он долго беседовал с отцом, спорил, уточнял счета и условия переговоров, а потом сел на коня и отправился на фазенду к ближайшему соседу – майору Силве, с которым необходимо было договориться, поскольку и тот был заинтересован.

Попрощавшись с Барбозой, Ленита ощутила вокруг себя пустоту, хотя знала, что разлука продлится от силы до полудня. Ее терзала мысль о другой разлуке – когда он поедет в Сантус.

Чтобы разогнать тоску, она решила сама собрать чемодан Барбозе, под предлогом, что рабыня это сделает кое-как.

Вслед за негритяжкой, нагруженной бельем, она впервые вошла в спальню к Барбозе.

В глубине стояла узкая холостяцкая кровать, застеленная белоснежными простынями. В изголовье были положены подушки в белоснежных наволочках. Рядом с кроватью – ночной столик с мраморной столешницей, а на нем – серебряный подсвечник с огарком стеариновой свечи, серебряная спичечница и номер газеты «Диариу Меркантил». Рукою можно было дотянуться до обитого зеленою тканью письменного стола, на котором лежало несколько книг, письменные принадлежности, два револьвера, японский кинжал и фотография Сары Бернар. В изножье кровати стояла вешалка для одежды. По стенам, между умывальником и огромным комодом, висели бутылки в ивовой оплетке, охотничьи ножи и разнокалиберные ружья, морские пейзажи работы Пипера, Габермана, Гринера и Фрювирта. Шкаф, кресло-качалка и несколько жестких стульев дополняли обстановку.

Войдя, Ленита ощутила необъяснимое замешательство. Ее обуревал стыд, ей казалось, что она вдыхает непристойность в этих мужских апартаментах.

Покраснев от смущения, запинаящимся голосом спросила она негритянку, где белье Барбозы.

Негритянка открыла комод, достала и сложила на кровати белые глаженные рубашки, потом мягкие фланелевые ночные сорочки, белоснежные льняные кальсоны, полотенца, разноцветные шелковые платки, шотландские носки.

Ненадолго отлучившись, Ленита поставила возле кровати большой, пузатый английский чемодан, на черной коже которого красовалась бумажная наклейка с надписью «Tamar, cabin». Расстегнув ремешки, она открыла чемодан.

Проложив одно из отделений тончайшим хлопчатобумажным полотенцем с бахромой и тщательно, как это умеют лишь юные девушки, Ленита принялась укладывать вещь за вещь, опрыскивая каждую духами «Виктория».

Среди белизны белья резко выделялись кроваво-красные и небесно-голубые шелковые платки, золотистые, бутылочно-зеленые и черные носки.

Негритянка вышла в соседнюю комнату за кашемировым костюмом, как ей велел Барбоза.

Ленита осталась в одиночестве. Снимая последнюю рубашку с кровати, она заметила на аккуратно застеленной постели чуть заметное углубление, а на подушке – едва заметную

вмятину. После того, как кровать была застлана, Барбоза явно отдыхал на ней.

Бессознательно, машинально Ленита порывисто положила руки на мягкую перину, наклонилась и приникла к ней головой.

От подушки, смешиваясь с легким ароматом одеколona, исходил приятный, чистый, животный запах человеческого тела.

Ленита, вдыхая это легкое испарение, ощутила нечто подобное удару электрическим током. Ее терзала смутная тоска и жажда острых ощущений. В полуобморочном состоянии она ничком бросилась на кровать, зарылась лицом в подушку, стала жадно и торопливо вдыхать мужской запах и тереться грудями о жесткий бумазейный тюфяк.

Она ощутила почти то же самое, что в воображаемых гладиаторских играх, – пронзительное, бредовое, жестокое наслаждение, пробуждавшее сладостные воспоминания. И все же чего-то ей не хватало.

Она впиалась зубами в батистовую наволочку, застонала, завизжала и судорожно забилась.

–?Ох! – вскрикнула вошедшая негритянка. – У вас припадок, хозяйюшка!

Бросив на стул принесенные вещи, она подбежала к Ленике, заключила в объятья и сильно встряхнула.

Ленита тут же пришла в себя. Она побледнела, дрожа всем телом, глаза у нее блестели, изо рта текла слюна, говорила она с трудом.

–?Ничего страшного, – сказала она. – Просто голова закружилась. Уже прошло. Принеси стакан воды.

–?Хозяйюшка, – откликнулась негритянка, – это, верно, от свежевыглаженного белья у вас голова закружилась. Бедняжечка! У меня тоже такое бывает.

С этими словами она вышла.

Когда к вечеру Барбоза вернулся с фазенды майора Силвы, он едва узнал Ленику. Она не искала его, не разговаривали с ним, односложно отвечала на его многочисленные и настойчивые вопросы.

Вопреки обыкновению, она пошла рано спать, не дождавшись ужина и сославшись на нездоровье.

Барбоза пожелал спокойной ночи отцу и матери. Уехать он рассчитывал на рассвете, и ему не хотелось лишний раз беспокоить родителей.

Он пошел к себе, но заснуть не мог. Намеченная поездка не давала ему покоя. Он не представлял, как перенесет разлуку с Леникой. Несколько часов, проведенных на фазенде у майора Силвы, показались ему вечностью. Как он спешил домой! А тут девушка на него волком смотрит...

Он застегнул чемодан.

–?Да, – произнес он, – хорошо его собрала Марсиана. Замечательно – прямо-таки со вкусом. Но какого черта она все опрыскала духами? Мильрейсов пять она заслужила, не меньше.

Достав из шкафа бутылку коньяку, он выпил рюмку и закурил сигару.

Потом задумался.

«Что с Ленитой творится? Заболела, что ли? Скорее всего, менструация. *Tota mulier in utero*[8], как говаривал Ван Гельмонт. Но неужели я и впрямь влюбился в эту девчонку? Кто бы мог подумать!»

Он глубоко затянулся и вновь погрузился в думы.

Ведь он женатый человек, почти старик. Куда его все это заведет?.. Не так уж он был самодоволен, чтобы предположить, что девушка могла увлечься его солидной персоной... А впрочем, почему бы и нет? Многие старцы внушали страсть. И не такой уж он, Барбоза, старик - просто зрелый мужчина, только и всего. Но раз уж то, что происходит между ним и Ленитой, - это не просто товарищеские отношения, не обычное взаимоуважение, то что ему делать? Жениться на Лените ему нельзя - ведь он женат. Взять ее в любовницы? Ни в коем случае! У него-то предрассудков не было - брак он считал эгоистическим, лицемерным, глубоко безнравственным и в высшей степени глупым делом. Однако это старинное, тысячелетнее установление, и нет ничего опаснее, чем идти наперекор многовековым предрассудкам. Ясно, что они обречены на падение, но не сразу, не молниеносно, а так же постепенно, как складывались их отношения. Общество клеймит свободную любовь, не освященную браком, и нужна недюжинная сила, чтобы смириться с этим противоестественным общественным предписанием. Кроме того, его отцу Лопес Матозу был вместо сына, а Лениита - вместо внучки. Если выйдет скандал, то он глубоко ранит, а может быть, и убьет полковника.

Барбоза сел за стол, стряхнул в пепельницу пепел с сигары, уперся левым локтем в колено, обхватил голову рукой и углубился в размышления, делая затяжку за затяжкой.

Сидел он довольно долго. Потом поднялся, бросил окурочек сигары и стал нервно расхаживать из стороны в сторону.

-?Нет! - вдруг воскликнул он.- С этим нужно кончать. И чем скорее, тем лучше.

Он лег, но заснуть ему не удалось.

В три часа ночи он встал, позвал грума, велел седлать лошадей, умылся, оделся, обул сапоги, натянул печатки, накинул плащ, выпил на скорую руку чашку кофе, которую принесла негритянка, забрался на коня и, в сопровождении слуги, отправился в путь.

Лените тоже не спалось.

Мужской запах, исходивший от подушки, на которой спал Барбоза, подействовал ей на нервы, словно яд. Она вновь почувствовала себя на грани истерического припадка. Снова она ощущала томление и желание, предмет которых был на сей раз ясным и определенным. Она вождеделела Барбозу.

Перед ее глазами без конца представал Барбоза - ее воплощенный идеал. Его сильное тело, тонкая душа и незаурядный ум поработили Лениту.

Гордая, высокомерная, убежденная в собственном превосходстве самка нашла самца, достойного себя. Госпожа превратилась в рабыню.

Услыхав топот копыт, Лениита отворила ставни, подняла окно и проводила взглядом двух

верховых, затерявшихся в предрассветном тумане.

Она заметила, что всадники неоднократно останавливались, и тот, что ехал впереди, несколько раз обернулся. Его яркий плащ резко выделялся на фоне утренней дымки.

Отчего же они останавливались? Быть может, Барбоза хотел напоследок посмотреть на дом, где оставалась Ленита? Ему, наверное, хотелось проститься?

Зная, что никто ее не видит, Ленита все же закрыла окно и, вся пылая, бросилась на кровать, точно безумная, и зашлась в судорожных рыданиях.

Взошло солнце, возвещая начало радостного, лучезарного дня.

Ленита встала, наспех оделась и вышла прогуляться в сад, оставив нетронутыми стакан молока и чашку кофе, которые принесла ей служанка.

Зная, что никто ее не видит, Ленита все же закрыла окно и, вся пылая, бросилась на кровать, точно безумная, и зашлась в судорожных рыданиях.

Взошло солнце, возвещая начало радостного, лучезарного дня.

Ленита встала, наспех оделась и вышла прогуляться в сад, оставив нетронутыми стакан молока и чашку кофе, которые принесла ей служанка.

Чистейший утренний воздух, насыщенный бальзамическими испарениями деревьев, вызвал у нее удушье. Ей казалось, что она вдыхает свинец.

Солнечный свет, золотивший мягкую зелень полей, резал ей глаза. И в растительности, и во всем остальном ей чудилось нечто враждебное.

Ей была ненавистна неподвижность близлежащих холмов и вырисовывавшихся вдали гор. Землетрясение, которое сравняло бы с землей горные цепи или обрушило бы их на равнины, запрудило бы реки и разрушило бы все, что поддается разрушению, больше соответствовало бы состоянию ее духа, чем спокойствие дикой, глупой природы.

Ей мерещилось, что ее окружает гладкая стальная стена, которая непрестанно сужается. Все говорило ей о Барбозе, все напоминало о нем.

Вот апельсиновое дерево, возле которого она встретила его – преобразившегося, улыбчивого, искреннего, общительного. В этот момент он сразу произвел на нее неизгладимое впечатление.

Вот стайка сливовых деревьев, послужившая темой лекции по садоводству. Он прекрасно все помнила: индийская слива и канадская слива суть неверные названия, ибо они никак не связаны с упомянутыми странами. Дерево родом из Китая и Японии, где встречается в дикорастущем состоянии, именуется эриботрия японская. Ей уготована важная роль в будущем, когда эта страна станет индустриальной. Из его плодов можно варить желе, не имеющее себе равных, и гнать водку, которая затмит знаменитый киршвассер.

А вон высаженные в рядок ананасы, о которых Барбоза прочел ей блистательную, но понятную лекцию, рассеявшую многие ее сомнения. Она накрепко запомнила его объяснение, что ананас принадлежит к семейству бромелиевых; листья у него колючезубчатые, твердые, ломкие,

мясистые, широколинейные; цветок красный или лиловый, возникающий из плотной чашечки кроваво-красного цвета; черенки листа длинные – от двадцати до тридцати сантиметров; соплодие очень приятное на вид, похоже на шишку, состоит из множества завязей, сросшихся с прицветниками и осью соцветия, обычно золотисто-желтого, а иногда зеленого, красного или белесоватого цвета, увенчано зеленой короной из листьев. Этот великолепный плод, который испанский король Фердинанд Католик объявил в 1514 году первейшим фруктом в мире, на южноамериканском континенте приобрел названия абакаши, нана, макамбура, оноре, уака, ашупала, нана-иакуа. Его описали в своих трудах Гонсало Эрнандес, Лери, Бенцони; нынешнее имя дал ему Христофор Акоста. Ананас насчитывает, по меньшей мере, восемь видов; он получил распространение в Африке до самых берегов Конго и в Азии до самого сердца Китая; великолепные ананасы выращивают в Пернамбуку, но наиболее совершенной, прямо-таки божественной формы, аромата и вкуса он достиг в провинции Пара.

А вон там, еще дальше, растет дынное дерево...

Ленита встряхнула головой, силясь отделаться от обуревавших ее мыслей. Воспоминания об эрудиции Барбозы, его познания, которые она усваивала, усугубляли ее тоску.

Ей не верилось, что его нет. Наверняка сейчас он в полковничьей гостиной чинит вышедший из строя электрический прибор. Или на веранде – ищет в пухлых словарях греческие или санскритские корни. Да, он явно дома и занимается своими обычными делами. Не пойти ли помочь ему?

И она бросилась в дом. У самой входной двери остановилась. Глупости! Барбоза далеко – она сама видела, как он уезжал.

К этому часу он, должно быть, отъехал на целых две лиги, шесть тысяч сажений, тринадцать тысяч двести метров. Каждую минуту он отдалялся от нее на сто десять метров. Завтра вечером, ровно в десять минут седьмого, он наверняка уже прибудет в Сантус, что в сорока пяти лигах, в трехстах километрах, в трехстах тысячах метров отсюда!

Подавленная, вошла она в дом. Позавтракала без аппетита, к обеду почти не притронулась.

К вечеру, когда заходящее солнце проливало на землю потоки мягкого золотисто-желтого света, а животные, деревья, дома и холмы отбрасывали гигантские тени, Ленита, с болью в груди, тяжело дыша, пошла посидеть под тузовыми деревьями, которые росли над обрывом у полноводного ручья.

Укрывшись в густой листве, она могла обозревать широкие просторы. На бархатной зелени луга резкими пятнами выделялись черные как смоль коровы с белыми пятнами.

Вдали мычал и рыл копытом землю рыжий андалузский бык. Беспокойная отара черноногих овец то там, то сям щипала траву.

У самых ног Ленины, под обрывом, где росли тутовые деревья, широко разливался ручей, образуя неглубокую заводь, устланную белой галькой. Бережок окаймляла узкая полоска редколесья.

Ленита созерцала панораму, отрешенная, рассеянная, погруженная в раздумья. Смотрела она невидящим взглядом. Раздавшееся поблизости неистовое мычание вернуло ее к реальности.

Бык подошел к необычайно жирной корове, вдали от которой паслась ее телка, уже отвыкшая от вымени.

Приблизившись, бык с вожделием обнюхал корове сначала морду, а потом все тело. Он поднял голову, шумно вдыхая воздух. Сладострастно отвисшая губа обнажала беззубые верхние десны. Бык сдавленно заревел.

Тут-то его и услышала Ленита.

Бык полизал коровью вульву шершавым, слюнявым языком. Потом, сопя, с округлившимися, налитыми кровью глазами, непреклонный в яростном вожделии, он поднял передние ноги, забрался на корову и покрыл ее, свесив голову налево и расплющив подгрудок о ее позвоночник.

Корова слегка раздвинула задние ноги, нагнулась и собрала в складки шкуру на боках, чтобы принять семя. Его принятию предшествовали быстро и точно наносимые удары алого клинка.

Впервые Ленита увидела, как крупные животные совершали физиологический акт, посредством которого воспроизводится живая природа.

Обладая возвышенным духом, Ленита сочла это действие не безнравственным и грязным, как это делает лицемерное общество, а величественным и благородным в своей естественной простоте.

Нежный и томный свист, послышавшийся с ручья, заставил Ленину повернуться в ту сторону. Посмотрев туда, она увидела Руфину – молодую креолку с твердыми, торчащими грудями и ослепительно белыми зубами.

Руфина плескалась на мелководье, высоко подняв голову, с веселой улыбкой задирая юбки до самого лобка, оголяя полные, мускулистые, лиловато-смуглые матовые ляжки.

Не прекращая свистеть, она зашла в ручей поглубже, задрала юбки еще выше, заткнула их за пояс, наклонилась, погрузила ягодицы в журчащую воду и с наслаждением начала подмываться.

Выйдя из ручья и не оправляя юбок, она направилась в прибрежный лесок, покуда вода струйками стекала по ее смуглым, матовым, крепким ногам.

При этом она не переставала посвистывать.

Вскоре послышался ответный свист.

С обрыва на противоположном берегу сбежал молодой, сильный негр, быстро пересек ручей и побежал в лесок следом за Руфиной.

Свист прекратился.

Ленита услышала неясное бормотание сбивчивых голосов, увидела, как шевелятся ветки, а в промежутке между стволами смутно различила недолгую борьбу, завершившуюся глухим звуком одновременного падения двух тел на песчаную почву под деревьями.

Ленита не столько видела, сколько догадывалась. Это был такой же акт воспроизводства, что она созерцала несколько минут назад, но только на более высоком уровне. Инстинктивное, грубое, хищное спаривание жвачных животных сменилось обдуманым, сладострастным, нежным, неторопливым человеческим соитием.

Потрясенная до глубины души, с нервами, до предела напряженными от созерцания этих откровенно натуралистических сцен, терзаемая зовом плоти, обуреваемая неведомыми, смутно воображаемыми ощущениями, Ленига побрела домой, шатаясь, совершенно разбитая.

Полковник плохо провел ночь из-за приступа ревматизма. Весь день он пролежал в постели.

Ленига зашла к нему ненадолго, потом уединилась у себя в спальне и затворилась изнутри.

Глава X

Сгустились сумерки. Вечер был ясным, хоть и безлунным. В темной прозрачности тропического неба звезды образовывали невероятно густое скопление, словно горсти муки, разбросанные по иссиня-черной ткани.

На чисто подметенном дворе, напротив хижин, где жили рабы, весело потрескивал костер, разгоняя темень раскаленными добела углями и беспокойными, многообразными языками пламени.

Негры в тот день закончили уборку сахарного тростника, и полковник позволил им отдохнуть, к тому же приказав управляющему, чтобы он щедро выделил им водки.

Под звуки самодельных музыкальных инструментов – двух барабанов и нескольких квадратных бубнов – негры пустились в пляс.

Присев на корточки, зажав барабаны между колен и склоняясь над ними всем телом, двое старых, но еще крепких африканцев обеими руками ударяли по сильно натянутой коже, выбивая быстрый, нервный, дикий, необузданный ритм.

Негры и негритянки, встав в широкий круг, раскачивались, слаженно хлопали в ладоши в такт бубнам. Посередине хора один молодой негр кричал, вертелся, приседал, снова поднимался, выгибал руки, вращал головой, мелко тряс бедрами, выбивал дробь ногами в неопишемом исступлении – с такой расточительностью в движениях, с таким нервным и мышечным напряжением, что белый человек на его месте выдохся бы минут за пять.

Он пел:

Эй, лети сюда, голубка,
Эй, лети сюда скорей!
Отнеси привет горячий
Ты зазнобушке моей!
Эй, голубка, эй!

И толпа хором откликалась:

Эй, голубка, эй!

Свежий, звучный, ясный, приятного тембра голос певца навевал беспредельную нежность и

невыразимое очарование.

Кто послушал бы эту песню, закрыв глаза, тот не поверил бы, что столь чистые звуки способны исходить из горла грязного, неопрятного, порочного, омерзительного негра.

Ответ хора, нестройный, но ритмичный речитатив, наводящий щемящую грусть, отдавался в лесах среди ночной тишины, исполненный странного, меланхолического величия.

Слова ничего не значили – все заключалось в музыке.

Шумно гремели барабаны, отчаянно звенели бубны.

Танцор исступленно плясал, не прекращая петь, двигался вдоль круга, не останавливаясь ни на минуту, чтобы перевести дух, и не проявляя ни малейшего признака усталости. На его матовом лбу не поблескивало ни капли пота.

Вдруг, увидев горящую головню в руке у товарища, он выхватил ее и принялся выписывать в воздухе причудливые фигуры, круги, эллипсы, восьмерки. Когда он ударил головней оземь, от нее во все стороны брызнули тысячи искр... Все обезумели от восторга.

Размахнувшись, танцор кинул головню вдаль. Движения его стали более сдержанными. Он приблизился к одному из круга, покачиваясь и гримасничая, словно предлагая поплясать вместе с ним.

Тот принял вызов, пошел навстречу и тоже, вихля бедрами, пустился в пляс.

-?Эй, голубка, эй! – стонал хор.

Оба танцора принялись кружить один вокруг другого, то наступая друг на друга, то разлетаясь врозь, точно две влюбленные бабочки. Они то отступали, то наступали друг на друга, словно желая сразиться. Они опустили руки, запрокинули головы, подобрали животы, артистически выбивая ногами звучную дробь, которую слышно было издалека.

-?Эй, голубка, эй! – продолжал стонать хор.

Первый танцор просочился сквозь толпу товарищей, покинул круг и исчез, оставив напарника одного, – а тот продолжал отплясывать с прежней удалью.

Те, которые не плясали, не принимали участие в самбе, сбивались в группы, подталкивая друг друга локтями; молча, самозабвенно, затаив дух, наблюдали они за происходящим.

От земли, по которой нещадно ударяли столько ног, поднималось облако пыли, которое при свете костра казалось красным.

Бутылка водки переходила из рук в руки. Стаканов не было, все пили из горлышка.

К запаху утопанной земли, водки, табака-самосада примешивался резкий, пряный запах человеческого тела, терпкий аромат мускуса. Смутная африканская песня, которая терзала слух и нервы, помрачала ум, захватывала дух.

Пока во дворе плясали, Жоакин Камбинда, восьмидесятилетний раб, негодный для работы, одиноко сидел на чурбане подле огня в старом, заброшенном амбаре, который по его просьбе выделили ему под жилье.

Ужасно выглядел этот негр – лысый, губастый, с отвисшей челюстью. На черном лице сверкали глаза с желтыми белками и полопавшимися сосудами. Сгорбленный от старости, вялый, хромой, когда он вставал и, закутавшись в бурое шерстяное одеяло, делал несколько шагов, то походил на бурую, медлительную, трусливую, свирепую, отвратительную гиену. Руки у него были иссохшие, узловатые; на скрюченных, омерзительных пальцах на ногах ногтей уже не было видно.

Старый амбар представлял собою обширное глинобитное строение квадратной формы. В углу стояли нары, грубо сколоченные из круглых деревяшек, а на них – рогожа, черная, лоснящаяся от грязи подушка и ветхое тряпье – таково было ложе африканца. Под нарами, в темноте белым пятном выделялся старый, с отбитыми краями урыльник, зловонное дно которого было густо покрыто инкрустацией из застарелого осадка мочи. Подле нар стоял сосновый сундук, на трухлявой, закопченной поверхности которого блестел новый, покрытый лаком замок. В другом углу, напротив нар, на колченогом столе стоял ветхий киот с ржавыми петлями, сильно засаленный и в нескольких местах изгрызенный мышами. По стенам были развешаны завязанные мешочки, корзины для рыбы, кисеты, бычьи рога, старинные цилиндры, рединготы с двумя вырезами на лацканах, какие носили еще тогда, когда Бразилия была колонией. По всему полу были разбросаны тыквы, спелые огурцы, кукурузные початки, рукоятки земледельческих орудий, чурбаки, яичная скорлупа, капустные кочерыжки и прочий мусор.

Неплотно закрытая дверь отворилась, и вошла негритянка – еще молодая, худая, невысокая, с глубоко посаженными глазами и лихорадочным взглядом. Одета она была ярко и безвкусно – желтая юбка, красная кофта. Она подошла под благословение к Жоакину Камбинде и молча села к огню.

Один за другим приходили негры и негритянки. Входили, почтительно кланялись старику и молча усаживались на чурбаки возле огня. Всего их было десятеро.

Когда все собрались, Жоакин Камбинда произнес:

-?Закрой дверь.

Негритянка, пришедшая первой, поднялась, выполнила приказание и вернулась на место.

Надолго воцарилось молчание.

Слышно было, как хор повторяет в ночи:

-?Эй, голубка, эй!

Жоакин Камбинда закурил трубку с длинным чубуком, как будто не замечая окружающих. Около получаса сидел он, погруженный в свои мысли, с зажмуренными глазами, как будто дремал, глубоко и неторопливо затягиваясь табачным дымом.

Докурив, он тщательно выбил пепел, продул чубук и прислонил трубку к стене. Потом медленно встал и, шатаясь, направился к киоту, широко распахнул его створки, вынул оттуда две восковых свечи в латунных подсвечниках, чиркнул спичкой, зажег их, осветил внутренность киота, выложенную тусклой серебряной бумагой.

Два божества помещались в этом скудном и грязноватом святилище – гипсовый архангел Михаил, кривоногий, приземистый, крайне уродливый, засиженный мухами, и идол, сотканный из волокон эмбиры, омерзительный, странный, но удивительно точно воспроизводящий анатомические детали.

Все негры благоговейно встали.

-?Жерониму,- сказал Жоакин Камбинда,- ты хорошо подумал над тем, что хочешь сделать, парень?

-?Хорошо подумал, мганга[9] .

-?Значит, ты хочешь вступить в братство Архангела Михаила?

-?Хочу, мганга.

На ломаном языке Жоакин Камбинда принялся объяснять, что очень хорошо, когда чернокожий принадлежит к братству Архангела Михаила, но это опасно, хотя волков бояться - в лес не ходить; что белые пороли негров, чтобы выведать тайну братства Архангела Михаила, но те из негров, которые выдавали тайну, вскоре умирали неизвестно от чего.

Он заставил новопосвященного поцеловать ноги Архангела Михаила, рога поверженного им сатаны и половые органы идола; заставил его повторить торжественные клятвы, угрожая страшными карами за разглашение. Взял с него тридцать мильрейсов денег - шесть бумажек по пять мильрейсов, которые тот достал из кармана штанов, завернутые в грязный носовой платок. Завершив поучения, Жоакин Камбинда принялся открывать ему тайны колдовства и целительства, ядов и противоядий. Рассказал, что семя клещевины (*datura stramonium*), размолотое и размоченное в водке, вызывает слепоту, безумие, а через несколько часов причиняет смерть; что кость покойника, на которой все мясо уже сгнило, измельченная и добавленная в любую пищу, вызывает неизлечимую желтую лихорадку; что если в девственном лесу поймать зеленую жабу, посадить в новую кастрюлю с крышкой и томить на медленном огне, то, умирая, она будет выделять белую пену, и если эту пену развести водой, то она вызовет водянку со смертельным исходом; что если листьями дерева жаборанди (*pilacarpus pinnatifolius*), измельченными и превращенными в кашу, натереть подмышки, то начнутся слюнотечение и испарина, излечивающие многие недуги; что гвинейский корень (*marra graveolens*) и ньандирова (*feuillea cordifolia*) - мощнейшее противоядие, способное к тому же снимать порчу.

Он изложил бесчисленное множество поверий - то жутковатых, то смехотворных: что высушенная ручка некрещеного младенца предохраняет от несчастной любви; что похищенный из церкви осколок камня из алтарной части делает тело неуязвимым для огнестрельных ранений и для холодного оружия; что кофе, сваренный на воде, в которой стирали женскую сорочку или мужские кальсоны, служит приворотным зельем; что веревка повешенного приносит удачу в игре; что корень руты, выкопанный в страстную пятницу, - лучшее средство от порчи и сглаза; что для того, чтобы обезвредить, лишит силы колдуна, нужно хлестнуть его закопченным прутом и разбить о его голову три тухлых яйца.

Потом он принялся исцелять неопита, делать его тело нечувствительным к физическим наказаниям: велел ему раздеться и встать по-звериному на четвереньки. Бормоча бессвязные слова и бессмысленные фразы, он смазал его прогорклой мазью, хранившейся в ржавой жестянке, и окропил водой из висевшего на стене сосуда. Сказал, что это действие следует совершать каждую пятницу шесть недель кряду, чтобы чары сделались необратимыми, а тело - полностью неуязвимым.

Чтобы наглядно показать свою власть, действенность своих чар, он подозвал худенькую негрятянку - ту, что пришла первой. Она подошла с довольным и радостным видом.

Произошла ужасающая сцена.

Жоакин Камбинда достал из киота длинную, толстую стальную иглу, какую зашивают мешки, и, взяв негритянку за руку, насквозь пронзил ей предплечье в нескольких местах. Не выступило ни единой капельки крови. Негритянка с любопытством глядела на свою руку, не выказывая ни малейшего признака боли.

Жоакин Камбинда отложил иглу, немного отодвинулся, наклонил голову, пристально посмотрел на негритянку исподлобья. Глаза у него блестели, но были неподвижны, как у змеи или ящерицы.

Девушка громко вскрикнула и поднесла обе руки к груди.

-?Давит! Давит! Дышать нечем! - воскликнула она.

С закатившимися глазами и искривившимися губами она рухнула наземь. Все тело у нее извивалось в страшных судорогах.

Руки у нее метались, кулаки сжимались, ногти впивались в ладони; язык высунулся изо рта, по нему стекли потоки пенистой слюны.

Она билась в корчах, точно разрубленная змея.

Вдруг с губ у нее сорвалось сдавленное, гортанное, хриплое рычание, в котором не угадывалось ничего человеческого. Она вздрогнула всем телом, запрокинула голову, прогнулась, словно натянутый лук, и застыла в немыслимой позе, опираясь об землю лбом и кончиками пальцев слегка разведенных ног.

Кулаки у нее оставались сжатыми, а руки вытянутыми вдоль тела. Она заоченела, словно труп или, скорее, мраморная статуя или бронзовое изваяние.

Губы Жоакина Камбинды скривились в зловещей усмешке.

С ловкостью, столь не вяжущейся с его обычной медлительностью - никто и не подозревал в нем такой прыти, - он одним прыжком приблизился к девушке, изогнувшейся и застывшей, точно горбатый мост.

Глаза у него метали молнии, отражавшиеся, казалось, на блестящей черной лысине. Желтые зубы обнажились в дьявольском оскале. Он принялся прыгать, топтать ногами грудь, живот и лобок припадочной.

Та не двигалась, не шевелилась под ударами ног, под тяжестью чудовища - она застыла, словно каменная арка.

Жоакин Камбинда слез с нее, взял стоящий в углу черенок мотыги и стал колотить ее по груди и животу.

Посыпались удары. Звук от них был глухой, едва слышный, как будто пинали мешок с тряпьем.

Внезапно припадок прекратился, и к несчастной вернулась гибкость. Она вновь упала на пол, и все члены у нее расслабились.

По лицу у нее струился пот.

Все присутствующие замерли.

Жуткий распорядитель этих страшных действий быстро задул свечи, затворил киот и снова уселся на чурбан, молча раздувая огонь.

Девушка спала глубоким сном и похрапывала.

На дворе продолжали отплясывать самбу. Слышался грохот барабанов и топот ног. Раздавался звучный, меланхоличный, раздирающий душу припев:

-?Эй, голубка, эй!

Глава XI

Вот уж немало минуло дней, как Барбоза уехал, и за это время написал лишь одно письмо полковнику, где сообщал о своих делах и выражал надежду, что процентов тридцать от убытка все же удастся спасти.

Вначале Ленита каждый день посылала негритенка в город за почтой. Поджидала его в дверях задолго до возвращения. Когда на вершине холма возникала его фигурка в белой хлопковой рубашке, трясущаяся на старом сером ослике, выделяющаяся бледным, подвижным пятном на матовой желтизне дороги, она мчалась к воротам встречать его.

Дрожащей рукой хватала она кожаную сумку для корреспонденции, открывала ее и, поскольку оттуда сыпались одни газеты, она тревожным, пресекающимся голосом спрашивала, лелея остатки надежды:

-?А письма-то где?

Неописуемым бывало ее разочарование и даже гнев, когда негритенок нежным, певучим, но совершенно безучастным голосом отвечал:

-?Писем нет.

В конце концов, ей это надоело. Больше она не посылала мальчишку в город за почтой, а когда он ездил туда сам и привозил газеты, она раздраженно говорила ему:

-?Положи на стол.

И вот однажды, принимая толстую кипу газет «Жорнал ду Комерсиу», она обнаружила объемистое письмо. Кровь прилила ей к сердцу, как только она узнала почерк Барбозы на конверте из веленовой бумаги:

Милостивой Государыне

Сеньоре Доне Элене Матозу.

Город ***, провинция Сан-Паулу.

Резким движением выхватила она письмо из рук у негритенка, уронив наземь газеты и не потрудившись их поднять. Уединившись в спальне, она крепко прижала письмо к сердцу.

Она заперлась на ключ и прикрыла окна, оставив столько света, сколько необходимо было для чтения. Ей не хотелось, чтобы кто-нибудь увидел ее или потревожил.

Дрожащими руками она в каком-то исступлении, чуть ли не в ожесточении разорвала конверт.

Письмо состояло из многих страниц тончайшей бумаги – *pelure d'oignon*, – с обеих сторон исписанных каллиграфическим почерком и аккуратно пронумерованных.

Ленита стала читать:

Сантус, 22 января 1887 г.

Милая моя единомышленница!

Впервые в жизни довелось мне побывать в морском порту нашей провинции – в Сантусе. Места здесь жаркие, влажные, удушливые, очаровавшие, однако, Мартина Афонсу, который предпочел этот край пленительному заливу Гуанабара. Преподобные Киддер и Флетчер, опубликовав книгу о Бразилии, пришли в ярость, узнав о причинах такого обожания, и... признались в собственном невежестве. Со мною происходит то же самое.

Действительно, почему Мартин Афонсу вообразил, что здесь лучше, чем в Рио-де-Жанейро? Казалось, все должно было быть наоборот. Какое гениальное озарение, какой удивительный внутренний голос поведал португальскому колонизатору о несомненном превосходстве этого края, где преобладает чернозем и где климат идеален для земледелия, над прибрежным пограничьем, где краснозем засушлив и бесплоден? Видимой причины здесь нет, нет и никаких разумных доводов – это было просто предпочтение, то самое, что создало первую провинцию Бразилии и, быть может, первое из свободных государств в мире.

Я не располагаю всеми необходимыми данными, но постараюсь представить, как изменится климат на этой прибрежной полосе. Нужно найти, с чем ее сравнить.

О Сенегале говорят, что там жарче, чем у нас, но не такая духота. Воздух там – как огонь, но дышать можно. Здесь дышать вообще нечем. Воздух тяжелый, маслянистый; кажется, что в нем чего-то недостает – но лишь тогда, когда не дует мощный ветер, который местные жители именуют норд-вест: когда он поднимается, когда воцаряется этот африканский самум, этот злобный ураган, Сантус становится подобием ада – представьте себе тайфун, поднявшийся в печи.

Дни здесь ужасны: если не идет дождь, что случается редко, то солнце печет и земля раскалена так, что на мостовой можно жарить яичницу. Однако ночи еще ужаснее, чем дни. Атмосфера становится безжизненной. Неподвижны вымпелы кораблей; неподвижны купы деревьев; неподвижны листья пальм. Люди, задыхающиеся в этом мертвом воздухе, напоминают мамонтов, которых и сейчас еще находят в вечной мерзлоте Сибири, или насекомых, застывших несколько тысяч лет назад в золотисто-желтом янтаре. Печальная картина приводит в отчаяние, лишает мужества, доводит до слез и напоминает ужасы из стихотворения Байрона «Тьма».

Здесь жизнь – это полное отрицание физиологии, это поистине чудо: нет полноценного кровообразования, пищеварение затруднено, испарина – как на второй стадии легочного туберкулеза или при перемежающейся лихорадке. Если бы меня приговорили к ссылке в Сантус – не то что к пожизненной, а хотя бы на год-другой, – я бы точно наложил на себя руки.

Зато какая здесь рыба! Какие чудесные моллюски! Какой вкусный желтый мерлан! Какой божественный окунь! Во Франции я ел канкальских, меренских и остендских устриц; ел

средиземноморскую розовую устрицу, корсиканскую пластинчатую устрицу; но ни одна из них не может сравниться с устрицей, которую ловят в Сантусе. Нежная, мягкая, необыкновенно вкусная, бледно-зеленая, столь ценимая утонченными гурманами. Мокэн Тандон, Валенсьен, Бору де Сен-Висан, Тэйон, Пристли, Бергло разработали множество фантастических теорий, чтобы объяснить этот феномен, - и все же, скорее всего, это симптом болезни, нездоровое состояние, водянка, которой страдает моллюск.

Насколько отвратительны почва и климат в Сантусе, настолько восхитительна рыба, а тем более человек: плохие условия дают хорошие результаты. Парадоксально, но факт - никуда от этого не денешься.

Насколько отвратительны почва и климат в Сантусе, настолько восхитительна рыба, а тем более человек: плохие условия дают хорошие результаты. Парадоксально, но факт - никуда от этого не денешься.

Народ в Сантусе вежливый, учтивый, любезный, искренний. Богатство, доставляемое ему коммерцией в городе, делает его благородным и даже щедрым. А еще этот народ энергичен и смел - лишь он, как мне кажется, способен совершить революцию в этой мирной провинции. Когда начались перебои с водоснабжением, он себя показал...

В Сантусе мне очень по душе и рыба, и люди.

Нужно лишь немного поучиться, чтобы не утратить наших обычаев, чтобы вернуться к нашему *marrote*, то есть к своим корням.

Бразильское побережье, как нередко замечает граф Лаур в своем сочинении о нашей стране, от острова Мараньян до Санта-Катарины имеет отличительное свойство: на всем протяжении оно ограждено двумя высокими рифами, как естественной дамбой, от волн, поднимающихся во время южноамериканского атлантического шторма.

Один из этих рифов, ближайший к берегу, подобен поясу из скал, опоясывающему побережье. Кое-где он прерывается, уходя под воду; кое-где возвышается, но не достигает поверхности, и лишь местами с нею сравнивается; а кое-где сильно поднимается над уровнем моря.

Это обломки скалистой гряды, которые образуют все фарватеры, все бухты, все порты, все гавани бразильского побережья.

Другой риф, подобный, в отличие от первого, башенным зубцам, находится на расстоянии от восьми до сорока километров от берега - как правило, на небольшой глубине.

Выступающие из воды участки образуют острова, порой довольно возвышенные. Острова Кеймадас, Алкатразес, Монте-де-Тригу - это части внешнего рифа, а острова Энгуа-Гуасу или Сантус, Гуаибе или Санту Амару, Моэла, очаровательный остров Палмас - части внутренней гряды.

Эти два каменных пояса - не что иное, как начало Южно-Атлантического хребта, который здесь называют Кубатан или Паранапиакаба. Этот хребет возникает из океанских бездн, появляется, показывается, резко возвышается, закрывает горизонт своим гордым обликом, которое виднеется в глубине, подобно покрытым облаками зубцам гигантского замка.

Поразмыслим немного - пусть разум дополнит то, что остается недоступно чувствам за короткую человеческую жизнь.

Давным-давно море омывало подножие горного хребта, и вольные ветры, проникая в промежутки между горами, вызывали сильнейшие приливы на равнинах, где ныне, тяжело дыша, мчится паровоз.

Наводнения, сбегаящие с гор потоки, земляные наносы, горы гальки, борясь с океанскими приливами и цунами, производили отложения, накапливая продукты распада и гниения вокруг скалистых гор Гуаибе и Монсеррат. На протяжении тысяч веков дно поднималось, волны мельчали, и у основания горной цепи образовались равнины. Рыхлый ил стал превращаться в топи, болота, потом эти равнины начали покрываться болотной растительностью, а несколько позже – и более благородными растениями. Так возникла твердая земля, изрезанная множеством речек.

Равнина в провинции Сантус, как и на всем бразильском побережье, обязана своим рождением горной цепи.

И формирование этой равнины незаметно продолжается – днем и ночью, ежечасно и ежесекундно. Процесс этот невидим для глаза, но длится бесконечно – в борьбе земли с морем перемирий нет.

Берега речек все больше сближаются друг с другом, ибо дно поднимается. По проливу Бертиога проплывал когда-то флот Мартина Афонсу, еще недавно проходил пароход «Итамбе», а теперь это удастся разве что небольшому буксирчику «Порша», да и тот ежеминутно рискует сесть на мель.

В Сантусе, рядом с городом, нет моря в строгом смысле слова – есть лишь широкое устье реки с солоноватой водой, которое с каждым днем уменьшается и мелеет. Препятствовать этому ни к чему. Пресловутая набережная, которую уже долго строят и все никак достроить не могут, улучшит работу порта на пару лет, а потом станет бесполезной. Дно одерживает победу за победой и когда-нибудь победит окончательно – прошлое определяет будущее. Тщетно теснимый океан сосредоточивает силы и атакует Сан-Висенте. Его победа на самом деле мнимая. Одолев старый город Мартина Афонсу, он посягает на новый. Но там-то и окопался его враг – гора, которая задержит и отразит его лавинами камней и илистыми дюнами.

И тому есть недавние примеры в географии Старого Света: французский король Людовик IX дважды отплыл из Эг-Мора в крестовый поход – в 1248 и 1269 годах. Эг-Мор расположен ныне в шести километрах от моря. Город Адрия на канале Бьянко, отведенном от реки По, ныне отстоит на тридцать километров от Адриатического моря, а когда-то стоял на его берегу и даже дал ему имя.

В таких условиях не вызывают удивления ни норд-вест, ни жара в Сантусе.

Вольный юго-восточный ветер проникает между хребтами Санту-Амару и Монсеррат, овеивает равнину, возвращается к хребту и оттуда, отраженный, отброшенный, возвращается, но не один. Он соединяется, смешивается с горячим ветром внутренней зоны, нагретым на восточном красноземе, на обширном плато Пиратининга. Это и есть знаменитый, внушающий страх и ужас норд-вест.

Если еще добавить химическое тепло, производимое брожением неисчислимых масс органических отходов на обширнейшей равнине, ограниченной, почти что замкнутой горами; если принять во внимание, что это тепло лишь в минимальной степени поглощается горными склонами, что оно отражается и концентрируется в Сантусе; если учесть, что соседство моря всегда повышает температуру воздуха, то станет ясно, почему это одна из самых жарких точек

земного шара, уступающая лишь Абиссинии, Калькутте, Ямайке и Сенегалу.

Сантус – очень интересный город. Он неповторим.

Почти все строения каменные, с порогами и наличниками из обработанного гранита.

Воздух, насыщенный морскими испарениями, разъедает и подтачивает камень. Нигде невозможно найти гладких поверхностей – все шершавое, потрескавшееся, облупленное.

Над большинством крыш раскинулись мощные, радостные купы высоких деревьев.

Если смотреть на город с моря, с устья реки, то он кажется черным. Англичане прозвали его black town[10].

Огромные немецкие трансатлантические лайнеры, диковинные, пузатые австрийские сухогрузы, безобразные английские и американские барки с бортами, окрашенными белой краской, тысячи судов из разных стран входят в реку, приближаются к берегу, чуть не садятся на мель, увязают килями в черном иле, кишашем устричными раковинами, костями, битой посудой, бутылками, консервными банками, железным ломом – всевозможными отбросами, извергаемыми городом. С судов на берег сходят по гладким доскам или специально оборудованным сходням.

На улицах снуют, встречаются, сталкиваются люди всех классов и разных цветов кожи и таскают с собой квитанции, счета, чеки, страховые полисы, баночки с образцами товаров. Громадные четырехколесные колымаги, запряженные сильными мулами, везут с железнодорожного вокзала на склады, а оттуда – на пристань холщовые мешки, до отказа набитые кофе. Портовые грузчики, силачи, большею частью португальцы, несут их на борт на головах – иногда поодиночке, иногда вдвоем, – передвигаясь быстрым шагом, часто под ритмичную, монотонную песню, которая служит сигналом к началу работ, словно звук горна.

На цементном полу складов, орудуя изношенными деревянными лопатами, просеивают кофе, складывают его в кучи и при этом тоже поют.

Не лишена какого-то дикого изящества их манера повязывать на голову пустой мешок наподобие тюрбана – видимо, это своеобразный атавизм, осознание арабских корней.

На самом берегу, в нескольких метрах от воды – нечто вроде городского рынка. На крепких мраморных столах аккуратно разложена отливающая сталью, серебром и золотом восхитительная морская и речная рыба: жирные тупорылые кефали; другие кефали, помельче; плоские бурые скаты; тонкие, изящные морские петухи; зубастые, толстогубые лещи; огромные, золотистые глубоководные мерланы; тонкие, косоглазые морские языки; громадные, плоские, мягкие камбалы; окуни цвета ржавчины, с вытаращенными глазами – изысканнейший деликатес; небольшие белые, серебристые мерланы, украшенные зеленовато-желтой полосой по бокам; гладкие, безобразные, пучеглазые сомы; белые и розоватые длинноусые креветки, разложенные кругами в корзинах из ивовых прутьев; голые, медлительные крабы, ударяющие друг друга клешнями по звонкому панцирю; синеватые рачки.

Вокруг дома, в тени под крышей, под матерчатými навесами на свежем воздухе – горы апельсинов, ананасов, арбузов, гуав, кокосов, связки бананов, тысяча разновидностей фруктов в навязчивом, удручающем изобилии, издающих тошнотворный запах перезрелости; крупы, зелень, овощи, корешки, пряности, помидоры, перец; птицы и четвероногие, домашние и дикие, поросята, индюки, туканы; ракушки, морские улитки, циновки, веревки, скобяные изделия – настоящая вавилонская башня, сложенная из старого хлама.

В три часа движение идет на убыль - народ перемещается в Сан-Висенте и в Барру. К вечеру город делается безмолвным, пустынным, мертвым. День за днем, шаг за шагом все движется к маразму - и это наводит неизбывную печаль.

Я поднялся на гору Монсеррат.

Это гора высотой в сто шестьдесят пять метров, почти отвесная, увенчанная белой церковкой, чрезвычайно живописная, величественная, очаровательная. Правда, дорога туда утомительная.

То, что предстает перед глазами при восхождении, просто чудесно. Вдали простирается долина, разровненная самой природой, устланная ковром из прибрежной зелени. У подошвы горы раскинулся город, разделенный на кварталы в виде правильных параллелограммов, с бурыми прожилками улиц и зелеными пятнами деревьев - в основном это стройные пальмы. В глубине с обеих сторон - горные хребты Санту-Амару. Якорная стоянка, заводь Канеу и другие заводи речного устья отливают сталью, как неказистые понтоны и стоящие на якоре корабли. Люди и шлюпки сплывают, точно легкокрылые насекомые; одинокий парус белеет на металлическом фоне темной водной поверхности, а солнце все озаряет нежным золотистым светом.

Рукава реки утопают в пышной зелени. Один из них, очень извилистый, теряется вдали, огибает конический холм, именуемый Монте-Кабран, затем вновь появляется и, отражая солнечный свет, снова пропадает. Это пролив Бертиога.

Справа до самой линии горизонта простирается синяя беспредельность. Становясь на дыбы, она подается вперед в приливе, целует берег и умирает, превращаясь в белоснежную, кружевную, шуршащую пену... Радуйся, океан, alma mater, лаборатория земной и водной жизни, населяющей планету!

Ах, Ленига! Представьте себе: океан - это жизнь, наступление; земля - это твердость, сопротивление; воздух - это кровообращение; солнце - это тепло, свет, плодородие; всё состязается в щедрости, в созидании, в украшении обширного ландшафта, на фоне которого разворачивается struggle for life, борьба за существование, когда дерутся, убегают, преследуют, убивают и пожирают друг друга все животные твари - простейшие, моллюски, насекомые, позвоночные!

Здесь, на этих высотах, под беспредельностью неба, нависшей над беспредельностью вод, какую гордость ощущает говорящее человекообразное существо, извлекающее губку из бездны, укрощающее богатырскую силу китов, настигающее ласточку в поднебесье, покоряющее океан, поработавшее молнию, разрывающее покровы пространства, разгадывающее тайны бесконечности!

О, как бы мне хотелось, чтобы Вы были здесь, со мною; как бы мне хотелось прочесть в Вашем сосредоточенном взгляде и побледневшем лице всю глубину впечатления, которое столь величественное зрелище произвело бы на столь возвышенный дух, как Ваш!

....

....

Paulo minoris sanamus[11] ; спустимся с небес на землю.

Это письмо несколько погрешит против хронологии. Я изменил последовательность событий -

начал с конца, рассказал о Сантусе, умолчав о дороге. Приношу amende honorable[12] , сейчас исправлю ошибку.

До самой столицы ничего не было для меня внове – мне давно известны все железные и проселочные дороги, которые связывают ее с глубинкой. Я хорошо и даже с интересом изучил Восточную железную дорогу, которую почему-то называют Северной, – ведь я ее акционер.

А вот о городе Сантусе я не знал решительно ничего, оттого-то и занялся его тщательным изучением.

Знаменитые поля Пиратининга составляют плато, которое плавно скользит по склонам невысоких холмов. Справа оно окаймлено отдаленными вершинами хребта Кубатан, а слева – голубыми маковками горной цепи Кантарейра и зеленоватыми пиками Жарагуа.

С востока на запад и немного на север города течет река Тьете – глубокая, черная, тихая, образуя очень широкую и протяженную долину.

Нынешние очертания этой долины, торфяные болота, составляющие большую ее часть, ежегодно наблюдаемый разлив – все указывает на то, что когда-то она была огромным, извилистым озером, усеянным островами, неким пресноводным морем, простиравшимся, быть может, до Можи-дас-Крузес.

Хребет Кантарейра и северный склон хребта Кубатан развязали войну против пресноводного средиземноморья, победили и закупорили его. Трофеем стала долина Тьете. Непрерывные потоки воды сливались воедино, вырывали себе ложа, образовывали реки, пересекающие ныне равнину.

Мельком видел я помпезное здание, которое возводят в память о дне независимости, вернее... к чему умалчивать об этом? – в память о кризисе, из-за которого герцог дон Педру Браганский остановился здесь в четыре часа пополудни 7 сентября 1822 года[13] .

Во время остановок мне не довелось полюбоваться чудесной флорой, столь характерной для западных провинций, где растут перобы, огромные батальи, жекитибы, у которых ствол пять метров в диаметре. Здесь деревья какие-то недоразвитые, низенькие, почти карликовые. Сплошных лесов тут нет, есть лишь отдельные рощи, чащи, заросли, островки зелени среди желтовато-бурой бескрайности полей.

Этот район слывет бесплодным, неплодородным. Ничего подобного! На самом деле здесь не выгодно выращивать кофе, сахарный тростник здесь хуже, чем в Капивари и даже в Сантусе, а хлопок не сравнится с тем, что производят в Сорокабе. Но, видит Бог – свет клином не сошелся на кофе, сахаре и хлопке.

Здесь великолепно растет виноград. Если его правильно возделывать и вовремя подрезать, то можно снимать урожай в начале декабря, пока январские дожди не залили ягоды и не побили гроздья. В Сан-Каэтану, на землях, которые когда-то в грош не ставили, поскольку думали, что они бесплодны, ныне есть чудные виноградники, посаженные итальянцами. Их симметрия радует глаз, а сердце радуется, предвкушая всеобщее процветание в недалеком будущем для самых отдаленных уголков нашего... нашей провинции – чуть было не написал штата[14] .

Овощи здесь огромного размера. Как-то видел я громадный кочан капусты, привезенный из Сан-Паулу, – листья у него сантиметров по пятьдесят в диаметре, а кочерыжка длиной метра в два.

А почему бы не выращивать здесь пшеницу? Прежде этим занимались успешно - в Сан-Паулу ели пшеничный хлеб местного производства. Все знают, что сделала агрономия из бесплодных желудей пробкового дуба в Гаскони. Так разве можно сравнить плодородные земли Пиратининги с гасконскими желудями?

А животноводство? Оно тоже сулит немалую прибыль.

За Сан-Бернарду равнина меняет облик. Островки зелени уступают место густому, непроходимому темно-зеленому лесу. Тут и там по склону горы или холма змеится красная дорога, похожая на кровотокающую ссадину. На равнине, уровень которой постоянно повышается, видно колосающееся поле и заросли невысоких растений с темными листьями и огромными лиловыми цветами.

По обе стороны железной дороги начинают сгущаться тени - первые признаки горного хребта. Кое-где обнажается вымытый дождевыми потоками гранит, иссеченный кирками шахтеров и каменотесов.

Все деревья обвиты растениями-паразитами с алыми цветами и глянцевыми листьями.

Паровоз пыхтит и мчится с головокружительной скоростью, таща за собою длинную вереницу вагонов, торжествующе гудит, взбирается на гору, а потом катится вниз по склону и едет по равнине. Воздух становится чище и влажнее, а свет - живее и ярче.

Слева внезапно поднимаются горные вершины, пики, кручи - части горной цепи.

Справа, в амфитеатре, образованном горными склонами, уютятся нищенские лачуги; на возвышении - возведенная кое-как сельская церквушка в три окошка, с двумя неказистыми колоколенками, выделяющимися белым пятном в небесной синеве и лесной зелени.

Это самая высокая часть горной цепи.

Впереди, в нескольких десятках метров - громадный просвет, открывающий необъятный горизонт, на линии которого горы сливаются с небом.

Здесь начинаются равнины, где, благодаря развитию железных дорог, кипит жизнь современного Сан-Паулу, а вагоны перевозят пассажиров и товары.

Когда поезд спускается по склону и выезжает в долину, пейзаж становится грандиозным, величественным.

С одной стороны, совсем рядом, чуть ли не на расстоянии вытянутой руки - заслоняющие небо неизмеримые высоты с усеченными маковками, поросшие лишайниками и мхами. С утесов шумно катятся белоснежные, пенные каскады - одни тонкие, словно ниточки, другие льются толстыми струями, третьи низвергаются сплошной массой, напоминая мокрое полотенце.

С другой стороны, вдали, виднеется горный хребет во всем своем первозданном великолепии.

Горы, касающиеся неба, служат фоном для гор меньшей высоты. Одни - с отвесными кручами, другие - с закругленными маковками, третьи - в форме правильной пирамиды, и все они поражают, подавляют воображение своей мощью. Как будто здесь гиганты пытались взять приступом небо, как будто здесь завязалась ожесточенная схватка, в которой сыны неба оборонялись всевозможным оружием, метали молнии, низвергали скалы, дабы подавить восстание сынов земли.

Горы, касающиеся неба, служат фоном для гор меньшей высоты. Одни – с отвесными кручами, другие – с закругленными маковками, третьи – в форме правильной пирамиды, и все они поражают, подавляют воображение своей мощью. Как будто здесь гиганты пытались взять приступом небо, как будто здесь завязалась ожесточенная схватка, в которой сыны неба оборонялись всевозможным оружием, метали молнии, низвергали скалы, дабы подавить восстание сынов земли.

У подошвы этих грозных громад простирается глубочайшая долина, а в ней – наводящие ужас водопады, головокружительные пропасти, смертоносные кручи.

Влажная, густая, обильная, непроходимая, непролазная растительность укутывает горы. Голых вершин, как в старом свете, здесь нет – все покрыто матовым темно-зеленым ковром, который издали кажется травой, а на поверку оказывается лесной чащей.

Среди этой густой зелени различимы яркие, радостные желтые полосы – это цветет дерево ипе. В невероятном, прямо-таки чудовищном изобилии растут пальмы – на фоне бесформенной массы выделяются их звездные кupy.

Вдали, над едва различимым лазурным гребнем белеют хлопья тумана, словно покров колоссальной ураниды, изорванный и измятый в сладостном насилии любовной борьбы.

Неподалеку, на расстоянии брошенного камня, покачивают ветвями стройные деревья, убранные белыми и лиловыми цветами с мясистыми, атласными лепестками. Эмбаува с темной листвой и красными почками дерзко вздымает стройный, белесоватый ствол.

Солнечные лучи играют всеми красками на купах ближних деревьев и бросают горсти алмазов в каскады, бесследно теряясь вдали.

В конце четвертого склона – или первого, если считать сверху, – угадывается виадук Грота-Фунда, победа мужества над безмерностью, стали над бездной, мозговой клетки над дикой природой.

Представьте себе, Ленита, глубокий овраг; даже не глубокий овраг, а огромную пропасть; даже не огромную пропасть, а жуткую бездну, края которой соединены мостом, который кажется воздушным, покоящимся на высоких-высоких опорах – таких тоненьких, что издали они кажутся не толще проволочек.

Стоя на мосту и созерцая окружающую беспредельность, чувствуешь, как звенит в ушах, как шумит в голове, как подступает головокружение, – и хочется исчезнуть, достичь нирваны, вознестись в небеса. В тайниках человеческой души возникает и крепнет бессознательная воля к самоубийству.

По мере того, как мы спускаемся по склону, природа меняется. Воздух становится густым, тяжелым, жарким, пропитанным солоноватыми испарениями. Появляется прибрежная растительность, по обочинам раскинулись банановые плантации.

Излом горной цепи образует как бы локоть на поверхности равнины. На сгибе этого локтя – фрагмент незабываемого пейзажа. Открывается этот пейзаж внезапно, неожиданно. Между гор, возвышающихся с обеих сторон, словно гигантские кулисы, простирается, теряясь в запредельности, плоская, гладкая, бурая долина. От двух холмов справа, симметричных, округлых, нежных, похожих друг на друга, напоминающих груди юной девушки, тянется темная, блестящая горизонтальная линия. Это море, это океан, вид на который дал название горной цепи – Паранапиакаба.

Нечто вроде борозды тянется по равнине, пересекая то здесь, то там зеркальную поверхность спокойной воды. По этой борозде движется туда-сюда огромная, съежившаяся, плоская штука, похожая на безобразного глиптодонта[15]. Она быстро скользит, извергая дым. Борозда – это железная дорога, а глиптодонт – паровоз.

Внизу, где начинается равнина, видно скопление вагонов – как будто стадо гиппопотамов задремало на солнце.

Когда человек останавливается и созерцает с высоты горную цепь, долину, перерезанную оврагами, побережье, границу моря, сливающуюся с небом; когда размышляет о громадных силах, которые действуют в недрах Земли, в воде, которая ее омывает, в воздухе, который ее окутывает, в свете, который ее озаряет, в жизни, которая ее разъедает; когда он обобщает картины, представляя себе всю планету; когда он мысленно переносится на другие планеты, на Солнце – центр Солнечной системы; когда он заключает, с помощью безотказной логики, что Солнце, центр системы, в свою очередь подобно Луне – оно лишь скромный спутник какого-нибудь светила чудовищной величины, затерянного в беспредельности и вовеки непознаваемого; когда он думает, что это светило вращается вокруг другого светила, а то – вокруг какого-то еще; когда человек осознаёт, что все это – малюсенькая сцена во вселенской драме, и что роковым образом непостижимый театр нескончаемой эволюции – это лишь малая крупинка необъятных просторов, тогда-то он ощущает себя ничтожеством, песчинкой, атомом, побежденным, подавленным беспредельностью, и утешается только идеей небытия, идеей самоуничтожения.

...

Английская железная дорога из Сантуса в Жундиай – это величественный памятник современной промышленности.

Из Сантуса в Сан-Паулу она покрывает расстояние в 76 километров.

Все работы на равнинной местности завершились. Они безупречны.

Расстояние до подошвы хребта – 21 километр. Есть три моста, один из которых замечателен во всех отношениях, – через морскую бухту, именуемую Каскадейро. Длина моста 152 метра, у него десять равных пролетов, он покоится на трех прочных устоях.

Расстояние от подошвы хребта до его самой высшей точки – восемь километров, высота которой 793 метра. Стало быть, наклон составляет порядка десяти процентов.

Как же преодолеваются эти головокружительные ущелья и пропасти?

Очень просто.

Подъем на гору делится на четыре отрезка по два километра каждый. Для разметки использовалась система, применявшаяся в некоторых английских угольных шахтах. Мощные машины наматывают прочнейшие стальные тросы. К концам троса крепятся два фуникулера – один поднимается, другой опускается. Стрелка с математической точностью показывает местонахождение фуникулеров и момент их встречи. Резкое торможение позволяет им остановиться почти мгновенно, а электрический прибор поддерживает непрерывную связь фуникулеров с машинами, приводящими их в движение. Трос, охлажденный струей воды, скользит по блокам, вращающимся с головокружительной скоростью, с монотонным металлическим шумом – иногда громким, а порою чуть слышным.

Такая система служит исправно, и на протяжении долгого пути для подъема и спуска не нужно ничего, кроме пары рельсов. Линия действует уже двадцать один год, и за это время не произошло ни одной аварии. Удивительно, правда?

На каждой из четырех остановок, где установлены машины, имеется пять паровых генераторов, три из которых непрерывно действуют. Огромные катушки, на которые наматывается трос, стальные шатуны, приводящие их в движение, бронзовые рукоятки, эксцентрики, где стальные части трутся о бронзовые, – все тщательно смазано, лучится чистотой и работает слаженно, как здоровый организм. Громадные, видные издали кирпичные трубы выбрасывают в воздух клубы густого дыма.

Дождевые воды стекают по водостокам, выложенным камнем, кирпичом или досками. Есть и подземные гранитные водостоки с железными решетками, напоминающие темницы в подвалах средневековых замков.

В горах Сантуса творения рук человеческих пребывают в полной гармонии с землей, на коей они возведены. Осмотрительная сила человека представляется достойной грозного величия природы.

Виадук Грота-Фунда – это просто чудо. Его длина 715 английских футов, то есть примерно 215 метров. У него десять пролетов по 66 футов и один в 45 между двумя каменными устоями. Он покоится на стальных опорах, а сверху у него арка. Самая высокая опора насчитывает, начиная от основания, 185 футов, то есть 56 или 57 метров. Наклон обычный – процентов десять, может быть, немного меньше. Это чудо техники было заложено 2 июля 1863 года; к марту 1865 года были завершены устои. 2 ноября того же года по мосту прошел первый поезд. 2 ноября – это день поминовения усопших, но англичане не суеверны.

Железнодорожная компания – поистине hors ligne [16].

Результат превзошел все самые оптимистические прогнозы. Правительство страны гарантировало лишь пять процентов прибыли от капитала, вложенного в строительство, а правительство провинции – два. Однако компания, презрев все гарантии, давно уже получает баснословные дивиденды.

Много денег получают англичане, они теперь богаты, как Крез, – и заслуживают того. Умопомрачительный прогресс Сан-Паулу, промышленная инициатива его нынешних жителей; сеть железных дорог, несущая жизнь, торговлю и цивилизацию в Ботукату, в Сан-Мигель, в Жау, в Жагеру, – все это благодаря Saint Paul Rail Road, железной дороге из Сантуса в Жундиаи.

Rule, Britannia! Hurrah for the English! [17] Наше-то правительство никуда не годится.

Длинное получилось письмо – пора заканчивать.

Дело-то все в том, что пока я пишу, мне кажется, что Вы рядом со мною, и хочется, чтобы это видение не исчезало как можно дольше...

Дело-то все в том, что пока я пишу, мне кажется, что Вы рядом со мною, и хочется, чтобы это видение не исчезало как можно дольше...

Я стар, а ни один старик не лишен властности и педантизма. И вот Вы, Ленита, снизошли к моему возрасту, слушали меня, уделяли мне внимание, разговаривали со мной... В том, что письмо

получилось такое сухое и, может быть, докучное, виноваты Вы.

У меня нет ностальгии по нашим встречам и беседам на фазенде – в слове ностальгия слишком много поэзии и слишком мало правды. Я просто ощущаю необходимость, подобную голоду и жажде, быть в обществе того, кто меня понимает и заставляет мыслить... В Вашем обществе.

Представьте себе, что я каждый Божий день с утра до вечера говорю о кофе – о продаже, погрузке, упаковке, скидках... И горе мне, если я заговорю о чем-нибудь другом! Здесь всякого, кто уклоняется от этой темы, кто не желает обсуждать торговлю кофе, считают идиотом.

И в заключение – необходимое пояснение. Я, быть может, слишком подробно описал горы, равнины, деятельность английской компании. Как же, черт побери, удалось мне сделать столько наблюдений, собрать столько данных? Во время головокружительно быстрой поездки на поезде? Быть того не может. Вдохновение, внезапное озарение? Ничего подобного. Скромно признаюсь, что ничего сверхъестественного здесь нет: тайное знание было привилегией апостолов, святого Фомы Аквинского, святого Вентуры, а в наши дни – аббата Муаньо да бразильского императора. Я не берусь оспаривать эту привилегию у сих святых мужей. Не могу похвалиться и тем, что владею техникой гипноза. До таких высот я не поднимаюсь, а все делаю по-простому. Однажды от нечего делать я забрался на гору и, спускаясь с нее пешком, все смотрел, наблюдал, исследовал, вот и все.

С нетерпением ожидаю дня, когда смогу крепко, по-английски пожать Вашу руку.

Мануэл Барбоза.

Лените не терпелось поскорее прочесть письмо. Точные данные и педантичные научные выкладки Барбозы о Сантусе раздражали ее. Все это она пробежала глазами быстро, не вникая, словно листала какой-нибудь каталог. Она выискивала, что он пишет о ней, что могло бы выдать чувства Барбозы.

Неторопливо вчитывалась она в последние строки. Ей доставляли живейшее, несказанное наслаждение слова, где Барбоза признавался, что воображает ее возле себя и рад этому. Эти фразы она читала чуть ли не по складам, сосредоточившись и зажмурив левый глаз. Ей необычайно понравилась внезапность, с которой заканчивалось письмо.

Эротический полубормок, приключившийся с нею в спальне Барбозы, рассеял все сомнения. Она поняла, что безумно и самозабвенно любит этого человека.

Перед неизбежностью факта, ощутив сладостное и терпкое томление плоти, она дала волю гордости и, в последнем порыве сопротивления, уклонилась от прощания с Барбозой перед отъездом.

Бессонные ночи, бесконечная пустота, образовавшаяся вокруг нее после отъезда Барбозы, внезапно наступившее понимание, что жить без него она уже не может, сжигающее ее вождение, глубокая нежность, превосходящая любовь к отцу, Лопесу Матозу, – все это убедило ее, что обратного хода нет и что противиться бесполезно.

Не раздумывая, она склонилась под ярмо, отдалась страсти и признала собственное поражение.

Последнее оказалось труднее всего

Ей было стыдно признать себя побежденной – то, что подумают о ней другие, ее ничуть не

волновало.

Если бы она любила, но не ощущала себя до конца побежденной, то боролась бы, сопротивлялась бы до самой смерти тому, чего желала, страдала бы, запершись у себя в спальне, подальше от любопытных глаз. Но раз она признала свое окончательное поражение, то скандалы ей будут ничем, общественное мнение – безразлично, и она будет готова отдаться во власть победителю принародно, хоть на площади, как проститутки из Гайд-парка.

В том, что она любила Барбозу, сомнений у нее не оставалось. Она готова была признаться ему в этом при всем честном народе.

И она возмущалась, считала его малодушным, хотела, чтобы он угадал ее любовь, чтобы ответил на ее чувство, чтобы и он признался, что пленен ею. Неужели Ленита не увидит мужчину, которого любит, униженным и поработанным у своих ног? Да быть того не может!

Она перечитала письмо, на сей раз внимательно, вдумчиво. Оригинальные взгляды Барбозы, его необычные суждения, настойчивое желание делиться своими мыслями – все это оживало, сквозило сквозь строки письма, и Ленисте казалось, что он рядом, что она слышит его голос и чувствует его дыхание.

Теории образования равнины в Сантусе и разливов реки Тьете заставили ее задуматься и предаться воспоминаниям. Однажды ей довелось побывать в Сан-Висенте на морских купаниях. Сантус был ей знаком, и горный хребет тоже. Факты Барбоза излагал точно и объяснял убедительно.

Ленита все больше восхищалась гибкостью его ума, который все взвешивал, для всего находил критерий и всегда принимал верные решения.

Благоговение перед высочайшими умственными способностями Барбозы плавно и естественно перешло в восхищение и его внешностью, в жажду плотского обладания, которая сводила ее с ума, выводила из себя.

Ей теперь стало понятно библейское повествование о жене Потифара. Проницательность еврея-раба Иосифа, его административные способности, непреклонность, энергия, скромность привлекли внимание прекрасной египтянки. Глядя на его стройное, статное юношеское тело, она сдалась в плен и, восплавав необоримой страстью, пыталась совратить, соблазнить его.

Ленита пришла в восторг от этой женщины – столь порицаемой во все времена и вместе с тем такой привлекательно-чувственной, такой человеческой, такой искренней. Она ее понимала, оправдывала, видела себя в ней.

Глава XII

Чернокожий управляющий сообщил Ленисте, что в близлежащем лесу, в зарослях жабутикабы развелось много птицы.

Девушка распорядилась проложить туда тропинку, почистить свое ружье, приготовила двести патронов и на другой день рано утром в сопровождении служанки отправилась на охоту.

Роса еще не сошла, стоял густой туман. Дорога, покрытая бархатистым слоем мелкого желтого песка, вся пропиталась влагой от этого тумана, который покрывал землю. Черная чаща

становилась почти непроглядной. Отдельно стоящие в поле деревья виднелись в тумане, словно гигантские призраки. Чувствовался острый, бодрящий холодок.

Вдруг Ленита заметила что-то движущееся по влажному песку дороги метрах в двадцати от себя. Остановившись, она вскинула ружье и, почти не целясь, спустила курок.

-?Кого подстрелили, дона Ленита? - спросила мулатка.

-?Поди да посмотри - вроде еще шевелится,- откликнулась девушка, перезаряжая ружье.

Действительно, какое-то животное билось в корчах, далеко разбрасывая песок.

Служанка с опаской приблизилась, вытягивая шею.

-?Зайчик! - радостно вскрикнула она и, нагнувшись, подобрала великолепного зайца. Он был ранен в голову, но все еще жив.

Ленита взяла из рук служанки пушистого зверька, осмотрела его гордым взглядом заядлой и удачливой охотницы, погладила по шелковистой шерстке, потом положила в ягдташ и протянула мулатке.

Светало. Туман рассеивался. Неясная чернота леса преобразалась в зелень. Виднелись бамбуковые заросли, пальмовые ветви, подобные пышным плюмажам, роскошные кроны пайны, убранные розовым ковром ранних цветов.

Пронзительный аромат душистых орхидей, освеженных утренним бризом, услаждал обоняние, не раздражая, но и не усыпляя нервы.

Слышались птичьи трели и жужжание насекомых, приветствующих праздничным гимном наступление дня.

Ленита со служанкой углубились в лес. Там царил непроглядный мрак. Обильная роса, выпавшая за ночь, скопилась на листьях и тихо, с глухим звуком капала на слежавшийся на земле слой сухих опавших листьев.

Ленита всей грудью вдыхала чистейший кислород, выделяемый буйной растительностью.

Две девушки шли по широкой дороге, пока не приблизились к зарослям высокой перобы, где начиналась тропинка, ведущая в лес налево. По ней-то они и пошли, пока не остановились у стройного коричневого дерева.

Кругом царило безмолвие, изредка нарушаемое тихими звуками падающих росинок.

Ленита велела служанке отойти и посидеть под каким-нибудь другим деревом. Она посмотрела вверх.

Листва коричневого дерева смутно вырисовывалась на темном небе. Вдруг ее очертания стали более резкими, местами она пожелтела, словно ее опрыскали потоками жидкого золота,- это ее поцеловал первый солнечный луч занимавшегося утра.

Сверху - уже свет и жизнь; внизу - еще темнота и тайна.

Черная тень быстро пересекала пространство - это была птица жаку. Она села, покачиваясь, на один из нижних сучьев. Усаживаясь, она неторопливо сложила крылья, закрыла великолепный

веер длинного хвоста, вытянула шею и стала пугливо озираться по сторонам.

Оглядевшись, она вспорхнула с ветки, затерялась в листве, потом снова появилась на верхушке дерева, вся залитая солнцем. Она весело потряхивала пунцовой бородкой.

Ленита, бледная, с прерывающимся от волнения дыханием, с напряженными нервами, с подкашивающимися ногами, восторженно наблюдала за нарядной птицей.

Сделав над собой усилие, она взвела курок, медленно подняла ружье и прицелилась.

Выстрелить ей не хватило духу – она опустила ружье и снова принялась рассматривать птицу.

Вдруг глаза у нее блеснули, точно черная молния, черты лица исказились, белые зубы закусили алую губу – и, хладнокровная, решительная, она снова вскинула ружье, прицелилась и спустила курок.

Настигнутая пулей птица опрокинулась, сорвалась с ветки и с глухим стуком упала на землю.

Прыгнув, словно кошка, Ленита вцепилась в добычу, дрожа от жестокого наслаждения, поднесла ее к лицу, подула на рябые перья на птичьей грудке, стремясь увидеть след от пули. С несказанным сладострастием ощущала она, как ее пальцы увлажняются теплой кровью жертвы.

Ружье оставалось незаряженным, когда послышалось громкое хлопанье крыльев.

Ленита подняла глаза.

На том же суку, с которого только что свалилась птица жаку, восседал великолепный голубь. Перья на его изящной шее переливались на солнце всеми цветами радуги.

Ленита снова взяла ружье, зарядила, прицелилась, выстрелила – и новая жертва упала на землю, отчаянно забившись в предсмертных мучениях.

Служанка, с блеском в глазах и с широкой восторженной улыбкой, подбежала, чтобы сложить убитых птиц в ягдташ.

-?Голубь и жаку, донна Ленита! – воскликнула она, сияя от радости.

-?Тише ты!

На роковой сук только что уселся тукан, поводя во все стороны огромным губчатым клювом. Черные перья у него на спине чудесным образом контрастировали с оранжевым горлышком и ярко-красной грудкой. Под жарким тропическим солнцем его оперение переливалось всеми красками, и казалось, что это какое-то фантастическое существо, живой, наделенный душой цветок, появившийся на этом дереве из неведомых краев.

Меткий выстрел Лениды сразил и эту птицу, потом другую, третью... Это было настоящее кровопролитие, настоящее побоище.

Было почти десять часов. Солнце поднималось к зениту, изливая потоки света, покрывая огненными поцелуями широкую листву каэте и сердцевидные листья перипаробы. По ярко-синему небу разбросаны были белоснежные облака, и среди праздника разнообразных красок одинокой точкой чернел затерявшийся в беспредельности ворон.

Наступала жара.

-?Давно пора бы позавтракать,- сказала Ленита.- Пойдем-ка отсюда. Завтра снова придем.

-?Славно вы поохотились, дона Ленита! Девятнадцать крупных птиц и один заяц. Ни разу не промахнулись!

-?Я всегда стреляю метко,- самодовольно ответила девушка.

-?Я тоже всегда стреляю метко,- раздался голос у них за спиной.

Это был Барбоза.

Ружье выпало из рук у Лениты. Она побледнела, сердце у нее замерло, кровь застыла в жилах, все поплыло перед глазами. Чтобы удержаться на ногах, ей пришлось опереться о гладкий ствол коричневого дерева.

-?Что такое, сеньора? Что случилось, Ленита? - встревожился Барбоза, торопясь подхватить ее.

-?Я так испугалась...- пробормотала девушка, приходя в себя.

-?Простите, я поступил неблагоразумно. Мне так хотелось видеть вас и устроить вам сюрприз... Ведь вы простите меня, да?

Она взял ее похолодевшие руки и крепко сжал в своих.

-?Прощу ли? Да я вам бесконечно благодарна, что вижу вас раньше, чем думала. Как вам удалось приехать так рано?

-?Я ехал на лошади, чтобы выиграть несколько часов. Всю ночь скакал. Вчера приехал в Жундаи и не успел на поезд. Ждать пришлось бы целые сутки, а у меня терпения не хватило бы.

-?Вы не написали, не сообщили, когда приедете...

-?Я не ожидал, что к позавчерашнему дню закончу свои дела. Народ там упрямый, они все время настаивают на своем. А вчера нежданно-негаданно пошли на попятный, приняли мои условия - и дело с концом.

-?И вы довольны?

-?Я такого даже не ожидал.

-?От души вас поздравляю.

-?Благодарю вас. Но сколько вы настреляли, Господи помилуй! У вас тут птиц целый косяк. Черт возьми! Арасари, туканы, голуби, сабиа, жаку и серелепе... Нет, это не серелепе, это заяц, да какой жирный! Да, сеньора, вы настоящая Диана!

С видом знатока и ценителя он разглядывал трофеи.

-?Скажите,- произнесла девушка,- как называются эти зеленые птицы с закругленным клювом?

-?Сабиа.

-?Отряд попугаев представлен в Бразилии только арами и собственно попугаями?

-?В Сан-Паулу, по крайней мере, да.

-?Сколько у нас видов попугаев?

-?Насколько я знаю, шесть: туины, волнистые попугайчики, кую, сабиа – вот один из них, байтаки и попугаи обыкновенные.

-?А сколько видов ар?

-?Четыре: тиривы, арагуари, мараканьяны и араара.

-?Всего, значит, десять?

-?Это те, которых я знаю. В сертане[18], должно быть, их больше.

-?Ну вот, я снова села на своего конька! Хватит на этом орнитологии. Вы, небось, устали ужасно и помираете с голоду.

-?Не скажу, что устал, а вот аппетит разыгрался.

-?Тогда пойдемте, позавтракаем.

-?Признаюсь, что позавтракал бы с нескрываемым удовольствием.

И они отправились домой.

Ленита была необычайно рада и очень благодарна Барбозе за его неожиданное появление в лесу, за то, что он не стал дожидаться ее дома. Это польстило ее женскому самолюбию. Более того – Барбоза забыл или сделал вид, что забыл о произошедшей неоправданной размолвке накануне его отъезда. Она любила и убедилась, что ей отвечают взаимностью.

Какое бесчисленное множество сладостных мгновений ожидало ее, пока они шли по тропинке! Здесь нужно было перелезть через сгнившее поваленное дерево; там – не поцарапаться о колючую ветку; а тут – подняться по крутому, скользкому склону. Когда возникали подобные препятствия, Барбоза помогал Ленисте, брал у нее ружье, подавал руку. Она не противилась, принимала его помощь – не потому, что ощущала себя слабой и без помощи ей было не обойтись, а для того, чтобы он почувствовал себя ее защитником. Ей доставляло несказанное удовольствие казаться женственной перед лицом мужественного Барбозы. Его тихий, но твердый голос ласкал ей слух, обжигал мозг, окутывал атмосферой гармонии и любви.

Они и не заметили, как пришли домой.

Полковник поджидал их в дверях.

-?Ну что, нашел-таки Ленисту? – воскликнул он. И, увидев туго набитый ягдташ, добавил: – Покажи-ка, девочка! Вот это да! В лесу, поди, и птиц-то не осталось! Ай да умница! Мужчиной бы тебе родиться... А может, ты мужчина и есть?

Ленита покраснела до ушей. Полковник и не заметил, что сморозил глупость.

-?Пошли завтракать! У Мандуки, небось, кишка кишке бьет по башке. Надо же, всю ночь на коне скакал, как сумасшедший! Пойдем, пойдем!

Завтрак прошел хорошо, но закончился неприятностью. Когда подали кофе с молоком – непременно завершение сельского завтрака в провинции Сан-Паулу, – в комнату вошла старая негритянка с перепуганным лицом.

-?Помогите, хозяин! – сказала она. – Мария Богра умирает!

-?Где она? Что с ней? – изумленно спросил полковник.

-?Что с ней, не знаю. Она в передней, я велела принести ее туда.

Полковник встал и, прихрамывая, пошел посмотреть. Вид у него был встревоженный. Барбоза и Ленига последовали за ним.

В передней на обитой кожей кушетке, откинувшись головой на выгоревшую красную сафьяновую подушку, лежала молодая еще негритянка.

Дыхание у нее было хриплое, лицо опухшее, шея напряжена. Глаза вылезали из орбит, а зрачки настолько расширились, что не видно было радужной оболочки. Из уголков перекошенного рта текли мутные, липкие струйки слюны.

Полковник приблизился к больной, пощупал ей пульс.

-?Глянь-ка, Мандука! Что это, по-твоему?

Барбоза в свою очередь подошел к страдальце и приложил ей ко лбу тыльную сторону ладони. Лоб был холодный. Он пощупал ей пульс, который оказался слабым, редким, едва ощутимым. Он ущипнул ее, но та, похоже, ничего не почувствовала.

-?Как это началось? – спросил Барбоза негритянку, которая сообщила новость.

-?Ох, хозяин! Мария была на току, молотила, все было в порядке. Вдруг пожаловалась на слабость, встала, пошла, насилу передвигая ноги, начала выкрикивать какую-то чушь. Стала биться головой, изо рта пена пошла, чуть меня не покусала – совсем обезумела. Потом упала, лишилась чувств – вот как теперь. Я велела принести ее сюда да вас позвать.

-?Да... Давно?

-?Только что.

-?Она что-нибудь ела или пила?

-?Поела часа два назад.

-?А что пила?

-?Полчашки кофе выпила.

-?А кофе откуда?

-?Из хижины папаши Жоакина.

-?Жоакина Камбинды, что ли?

-?Да, хозяин.

Барбоза пошел к себе в комнату и вскоре вернулся с флакончиком, до половины наполненным бесцветной, как вода, жидкостью. Попросил ложку – ему принесли. Он крикнул больной в самое ухо:

-?Мария!

Негритянка не отозвалась.

-?Мария! – крикнул он еще громче.

Негритянка попыталась выйти из полубморочного состояния, в котором пребывала, и поднять голову, но не смогла. Голова у нее снова откинулась на подушку, и несчастная произнесла какие-то бессвязные, нечленораздельные звуки. Из-под ее платья исходил отвратительный запах нечистот.

-?Мария!

Негритянка не отозвалась.

-?Мария! – крикнул он еще громче.

Негритянка попыталась выйти из полубморочного состояния, в котором пребывала, и поднять голову, но не смогла. Голова у нее снова откинулась на подушку, и несчастная произнесла какие-то бессвязные, нечленораздельные звуки. Из-под ее платья исходил отвратительный запах нечистот.

Барбоза, поняв, что так ему ничего не добиться, протянул флакончик полковнику.

-?Я разожму ей рот ложкой, а вы влейте туда содержимое.

-?Всё?

-?Всё. Это сильная доза рвотного. Сейчас ее вырвет.

Не без труда он просунул ей черенок ложки между зубами и, орудуя им, как рычагом, разжал челюсти.

-?Давайте, отец!

Полковник вылил ей в рот содержимое пузырька.

-?Глотай! – крикнул Барбоза.

Негритянка с силой оттолкнула ложку, которая далеко отлетела, а жидкость разлилась по кушетке и потекла на пол. Проглотить ее она так и не смогла.

-?Не послать ли за доктором Гимараэнсом?

-?Ни к чему, отец. Теперь уже ничего не поделать.

-?Ну, все-таки...

-?Доктор Гимараэнс может приехать только к вечеру, а через час негритянка наверняка умрет.

-?Слушай, Мандука...

-?Я знаю, что говорю, отец. Тут действительно ничего не поделаешь.

Опечаленный, полковник вернулся в столовую. За ним побрели Ленита и Барбоза.

В расстроенных чувствах сели они у окна. Болезнь негритянки повергла их в глубокое отчаяние, лишней раз подтверждая, как много вокруг неведомых напастей.

Они переглядывались, не решаясь произнести ни слова.

Но и молчание, эта гробовая тишина, казалась им невыносимой.

Ее нарушил Барбоза.

-?Отец, Мария Бугра умирает, а знаете, отчего?

-?Боюсь даже предположить.

-?Вижу, вы меня поняли. Она умирает от того же, от чего умерли несколько рабов на фазенде. Ее отравили.

-?Наверно.

-?Не наверно, а точно. Помните, как умирали Карлус, Шикю Каррейру, мулат Антониу, Мария Байана?

-?Отлично помню!

-?Не те же ли были у них симптомы, как теперь у Марии Бугры?

-?Ну конечно! Те же самые.

-?Резкое, но скоропреходящее возбуждение, бред, потом почти полный паралич, опухшее лицо, вытаращенные, налитые кровью глаза, расширенные зрачки, невозможность глотать, слабый пульс, озноб, недержание мочи и кала?

-?Точно.

-?Ну так я и не сомневаюсь, что все это – действие сильного и очень распространенного здесь яда – атропина.

-?Очень распространенного здесь яда – атропина?

-?Да. Именно.

-?Атропин добывают из белладонны?

-?И из белладонны тоже.

-?Где же тут взять белладонну? В Бразилии она растет разве что в ботаническом саду.

-?А там знаете что растет? - И Барбоза показал пальцем на обширную равнину, покрытую темным низкорослым кустарником с мелкими листьями и белыми воронкообразными цветами.

-?Знаю,- ответил полковник.- Это адская смоковница, или дикая клещевина,- страшный яд, говорят. Но ты-то говорил об атропине.

-?Научное название адской смоковницы - *datura stramonium*. Из нее добывают крайне ядовитый алкалоид под названием *doturina*. Так вот, недавно Ладенбург и Шмидт доказали, что датурин - это тот же самый атропин, который добывают из белладонны.

-?Так ты считаешь, что...

-?Что Марию Бугру отравили крепчайшим отваром семян датуры, то есть тем же атропином.

-?Ты не догадываешься, кто бы мог ее отравить?

-?Не догадываюсь, а знаю.

-?И кто же это, по-твоему?

-?Жоакин Камбинда.

Услышав столь точное и категоричное обвинение, полковник потупился. Он решил, что Барбоза прав. На фазенде несколько рабов умерли от неведомой хвори, сопровождающейся одними и теми же симптомами. И началось это, когда появился Жоакин Камбинда. Этого негра, в числе других, полковник получил в наследство от тетки. Жоакин Камбинда был уже стар и не способен ни к какому труду. Полковник не заставлял его работать и отдал ему под жилье заброшенный амбар в глубине двора. Когда-то на фазенде умер белый управляющий. Вдова, заходясь в душераздирающих рыданиях, утверждала, что мужа отравили и что виноват не кто иной, как Жоакин Камбинда. Полковник не принял всерьез обвинения, ныне прозвучавшего вновь из уст его сына - человека умного, образованного и очень рассудительного.

-?На каком основании обвиняешь ты старого негра? - поразмыслив несколько минут, спросил полковник.

-?Оснований хватает. Во-первых, факты отравления налицо, и начались они лет десять назад - с тех пор как на фазенде появился Жоакин Камбинда. Меня тогда здесь не было, но мне обо всем подробно рассказали. Во-вторых, по всей округе он слывет колдуном - об этом поведали мне люди, заслуживающие всяческого доверия. Потом, на днях я сам видел, как он высушивает змеиные головы, корни цикуты, семена датуры. А еще... с Марией Бугрой у него были свои счеты...

Барбоза подчеркнул последние слова, глядя на Лениту.

-?Это верно. Нужно было мне принять предосторожности. Но ведь это только подозрения...

-?...Которые в совокупности порождают уверенность.

-?Все это надо еще выяснить.

-?Я так считаю: все слишком серьезно, нельзя это пускать на самотек.

Предсказания Барбозы оправдались - полуобморочное состояние Марии Бугры перешло в

кому, после чего наступила смерть.

К вечеру, когда стало смеркаться, полковник, почитав журнал, велел позвать Жоакина Камбинду.

Страхолюдный негр припнулся, с трудом переставляя ноги, опираясь на посох и волоча по земле неизменную бурую накидку.

Войдя в переднюю, он поставил посох в угол.

Посреди передней стояла кушетка, на которой лежал заоченевший труп Марии Бугры, покрытый тонкой простыней, обрисовывающей ее угловатое тело. Четыре восковых свечи угрюмо освещали его, сочетая свой огонь с угасающим светом дня.

Среди острого запаха уксусной эссенции и тошнотворной вони жженой лаванды ощущался смрад истлевающей плоти, трупного разложения.

Жоакин Камбинда вошел, равнодушно поглядел на покойницу и направился к полковнику, который ожидал его вместе с Барбозой.

-?Храни вас Христос, хозяин. Вы звали старого негра, и старый негр пришел,- произнес он на своем варварском, диком, ужасном наречии, воспроизвести которое невозможно.

-?Ты был знаком с покойницей, Жоакин?

-?Был. Это Мария Бугра.

-?А знаешь, от чего она померла?

-?Болела, вот и померла.

-?Чем болела-то?

-?Я почем знаю. Доктор я, что ли?

-?Значит, не знаешь? А от чего померли Мария Байана, Антониу, Карлус, Шикю Каррейру? Тоже не знаешь?

-?А почем мне знать?

-?Если ты во всем не признаешься, я велю тебя выпороть, колдун ты чертов!

-?Ах, хозяин! Старому негру-колдуну давно пора держать ответ перед Богом за фасоль, которую съел!

-?Полно тебе сказки рассказывать да чушь молоть! Давай, выкладывай! Как ты убил Марию Бугру?

-?Да не убивал я ее, хозяин. Как я могу признаться в том, чего не делал?

-?Делал или не делал, сейчас узнаем. Педру, Жуан! Подите-ка сюда да скрутите этого негодяя.

Столпившиеся у дверей любопытные негры расталкивали друг друга локтями и вытягивали шеи, чтобы было лучше видно.

Двое негров, которых подозвал полковник, расчистили себе путь, расталкивая товарищей, и вошли в переднюю.

-?Возьмите этого мошенника да отведите в арестантскую. Я тоже сейчас пойду туда. Захватите плеть да рассолу покрепче.

-?Что вы со мной сделаете? – тут же спросил Жоакин Камбинда.

-?Увидишь.

-?Хозяин, Жоакина Камбинду никогда не пороли.

-?Значит, это будет впервые.

И тут Жоакина Камбинду точно подменили. Он далеко отшвырнул заношенное покрывало, распрямил плечи, вскинул голову, сжал кулаки и уставился на полковника. Глаза у него сверкали, зубы ощерились.

-?Ах, так! Ну, если хочешь знать – скажу: я убил Марию Бугру.

-?За что ты ее?

-?Брала у меня деньги, а сама гуляла с молодыми креолами.

-?Остальных? Карлуса, Марию Байану, Шику Коррейру, мулата Антониу?

-?И их я всех погубил.

-?За что же?

-?Марию Байану за то же, за что Марию Бугру. Остальных – чтоб тебе насолить, хозяин.

-?Чтобы мне насолить? Да за что же? Разве ты не живешь, как свободный человек? Разве я заставляю тебя работать? Разве я не даю тебе жилья, одежды, еды? За что это ты меня невлюбил?

-?Раз уж я начал, так доскажу до конца. Ты, хозяин, меня не обижал, это верно. Но ты белый, а черный всегда должен вредить белому, когда только может.

-?Ты пятерых моих рабов погубил!

-?Пятерых? Да я одних креолов на тот свет отправил семнадцать! А сколько негров – не перечить! Мануэл Педрейру, Томас Симеон, Либерату, Жервазиу, Карапина, Жозе Большой, Жозе Малый, Китерия, Жасинта, Маргариды – от чего они все померли? Я их погубил.

Среди негров поднялся ропот. Послышались крики и ругань.

-?Опять ты врешь! Жозе Малый умер от укуса змеи.

-?Какой там змеи! Его неядовитая змея укусила. А помер он от пойла, которое я ему дал, – будто бы для лечения.

-?Так ведь все эти бедняги были черные, как и ты! Зачем же ты их погубил?

-?Чтобы тебя, хозяин, разорить. Хотелось поглядеть, как ты сам на себя будешь работать.

-?А меня ты не собирался погубить?

-?Убить - нет, только помучить.

-?Значит, ты все время хотел сделать мне подлость?

-?Хотел? Да я уж и сделал.

-?Сделал? Что же ты мне сделал?

-?А ревматизм твой, хозяин, откуда? А хозяйка с постели не встает - это отчего?

И негр дико расхохотался.

Полковник оторопел от ужаса.

-?Уберите, уберите отсюда этого мерзавца! - вскричал Барбоза.- Посадите его в колодки, не хочу его больше видеть. Завтра же отправлю его в город.

Негры схватили не оказавшего ни малейшего сопротивления Жоакина Камбинду и пинками загнали на середину двора.

-?Так это ты погубил моего отца! - кричал один.

-?И мою мать! - вторил другой.

-?И моих трех деточек! Такие хорошенькие были! Головки да животики у них заболели, потом опухли все, пожелтели да померли, а ножки тоненькие стали, как у лягушат! - запричитала одна негрятка и, подобрала с земли обломок черепицы, бросила в лицо колдуну.

Это стало сигналом для расправы.

Все негры кинулись к Жоакину Камбинде. Одни били его кулаками, другие плевали в лицо, третьи бросали песок ему в глаза.

-?Зараза чертова! Подонок!

-?Колдун поганый!

-?Повесить сейчас же этого гада!

-?Лучше сжечь!

-?Сжечь его! Сжечь его!

И под этот всеобщий гвалт злодея схватили и поволокли.

Возле амбара была насыпана куча сухой мякины, а рядом валялась старая, сломанная, полусгнившая телега с единственным колесом.

Колдуна мгновенно привязали к телеге, хотя тот и оказывал теперь отчаянное сопротивление - отбивался, брыкался и даже кусался.

Принесли мякины и насыпали под телегу.

-?Керосину! - раздался голос.- Принесите керосину!

Один негритенок помчался на сахароварню и вскоре вернулся с жестяной банкой, почти до краев наполненной керосином.

Кто-то из негров взял ее, залез на телегу и вылил содержимое на Жоакина Камбинду. Жидкость потекла ясной, прозрачной струей с синеватыми переливами по волосатой груди негра, по лоснящейся лысине, впитываясь в грязную одежду, смешиваясь с потом, который лился с него ручьями. Несчастный неистово вращал налитыми кровью глазами, скрежетал зубами и пыхтел.

-?Спички! Спички! У кого есть спички? - крикнул негр, опорожнив жестянку и осыпая Жоакина Камбинду мякиной.

-?У меня! - откликнулась негритянка, подавшая сигнал к расправе, и протянула коробок спичек.

Негр соскочил с телеги, взял коробок, наклонился, чиркнул спичкой, прикрывая пламя полусогнутой ладонью, и поднес ее к куче мякины, запалив ее у самой земли.

Поднялся густой столб дыма - сверху голубой, снизу цвета ржавчины. Пламя вспыхнуло длинными, прожорливыми языками, стало лизать телегу, охватило кучу мякины и добралось до тела негра. Его одежда, пропитанная керосином, моментально воспламенилась. Он хрипло, сдавленно замычал и отчаянно забился в корчах...

Все исчезло в туманном вихре огня и дыма.

Далеко разлетались искры. Ветер повсюду разносил обугленную мякину.

По воздуху разливался резкий, тошнотворный запах горелого жира и паленого мяса.

Глава XIII

До 1887 года глубинка провинции Сан-Паулу жила при подлинном феодализме.

Тамошняя фазенда ничем, по сути, не отличалась от средневекового замка. У ее владельца имелась собственная тюрьма, он мог судить своим судом, был неограниченным властителем. Управляя подданными, он руководствовался единственным законом - своим собственным усмотрением. Действительно, для правосудия он был недостижим, закон против него оказывался бессильным.

Во всех случаях он рассчитывал на снисхождение со стороны правительства, и даже когда в редчайших случаях ему приходилось предстать перед судом за какое-нибудь чудовищное злоупотребление властью, он с уверенностью мог ожидать оправдательного приговора.

Его господство простиралось до того, что иногда он приказывал убивать свободных горожан, выказывал неуважение представителям конституционной власти, мог надавать им пощечин при исполнении ими служебных обязанностей - и все же... бывал оправдан.

Чтобы сохранить за хозяином фазенды привычные привилегии, судебные разбирательства

проводились беспринципно и юридически безграмотно. В Кампинасе, к примеру, на любое преступление, совершенное рабами при каких бы то ни было обстоятельствах, как правило, смотрели сквозь пальцы. Если же наказание все же назначалось, то оно бывало сравнительно мягким и сводилось к порке, после которой преступника препровождали к хозяину, который волен был поступать с ним по своему усмотрению.

Страшное событие – жестокое сожжение колдуна, совершенное рабами с фазенды, – огласке предано не было, а если и достигло до ушей отцов города, то те и пальцем не шевельнули.

Полковник – человек добрый и сострадательный – поначалу ужаснулся происшествию, которому не смог воспрепятствовать, но потом решил, что все разрешилось само собой и что это может послужить хорошим уроком для злоумышленников. Барбоза, хоть и провел почти полжизни в человеколюбивом Альбионе, но все же был сыном хозяина фазенды и получил соответствующее воспитание. Поэтому происшествие его не удивило – более того, его вполне устроила развязка этого трудного и запутанного дела.

Тоскливая, печальная атмосфера, которую всегда порождает трагическое событие, мало-помалу рассеивалась.

Жизнь на фазенде вскоре вошла в обычную колею. Поговаривали даже, что наступило облегчение, что стало легче дышать. Жоакин Камбинда внушал страх, никто против него слова сказать не смел – и все же, кроме небольшого числа его последователей, все его ненавидели. Его смерть, как и смерть любого тирана, вызвала всеобщее ликование, и все вздохнули полной грудью. Исчезла страшная и невидимая опасность, которая ежеминутно угрожала каждому.

В зарослях жабутикабы по-прежнему в изобилии водились различные птицы, зайцы и даже ежи.

По утрам Ленига ходила охотиться. Ее сопровождал Барбоза, который всю радость от охоты оставлял ей, а трудную работу приберегал для себя. Он подбирал убитых птиц и гонялся за подранками. Обнаружив неподалеку от коричневого дерева протоптанную охотничью тропу, он выбрал место, показавшееся ему подходящим для засады, очистил его и рассыпал кукурузу – сделал приманку. На третий день он с несказанным удовольствием убедился, что место выбрано действительно удачно, потому что кукуруза оказалась съеденной. Пришлось заготовить новую приманку. Он понял, что пора устраивать засаду. Соорудил четырехугольный шалаш, достаточно просторный для двоих, накрыл пальмовыми ветками, внутри устроил сиденье из палок, в землю воткнул сошки, чтобы ставить ружья, а в стенах сделал отверстия, чтобы выслеживать дичь. Он предвкушал, какой приятный сюрприз это будет для Лениги, в каком она будет восторге, когда ей впервые удастся выйти на охоту на долгий срок.

Он подождал несколько дней, пока дичь привыкнет к шалашу. Решив, что прошло достаточно времени, он велел разбудить Ленигу еще затемно – гораздо раньше, чем обычно. Все отправились в путь.

Чтобы не сбиться с дороги, Барбозе все время приходилось зажигать спички – темно было, как в чернильнице. Темные кроны деревьев сливались с чернотой неба. Ленига не выспалась и без конца зевала. Служанка ежилась и куталась в шаль.

–?Не рано ли мы вышли – целый час придется ждать, – заметила Ленига.

–?Придем вовремя, – отозвался Барбоза.

–?Птицы еще не проснулись.

-?Проснутся, когда проснутся. Мы здесь не из-за птиц.

-?А из-за кого?

-?Увидите. Марсиана, останься здесь. Садись и не шуми. А вы, донна Ленита, идите со мной.

-?Куда мы идем?

-?Увидите. Имейте терпение.

Девушка, до крайности заинтригованная, молча и безропотно последовала за Барбозой. Тот шел впереди, показывая дорогу. То он подавал ей руку, то отводил ветку, чтоб она не хлестнула Ленину по лицу. Наконец они подошли к шалашу.

-?Входите, Ленита,- произнес Барбоза, любезно распахивая перед ней дверцу, словно приглашая свою спутницу в буфет в аристократическом салоне после изысканного котильона.

Ленита решительно вошла в темное помещение, где ничего не было видно.

Барбоза вошел следом, чиркнул спичкой, показал Ленине скамейку, усадил ее, установил ружье на сошку, навел его на приманку и уселся рядом с девушкой.

-?Так что же это такое, в конце концов?

-?Засада. Тише! Будем ждать.

В шалаше, густо покрытом еще зелеными пальмовыми ветками, было довольно уютно. Ленита, в шерстяных перчатках, закутанная в непромокаемый плащ из плотного кашемира, ощущала сладостное тепло, исходящее от тела Барбозы. Ей было хорошо. Полной грудью вдыхала она чистый, свежий лесной воздух, терпкий запах пальмовых листьев, сладостно убаюкивающий мозг. С наслаждением внимала она, как роса ритмично каплет на слежавшуюся прошлогоднюю листву. Время шло незаметно.

Рассвело. Свет озарил лес, обрисовывая стволы, расцветивая кроны и освещая бурую землю, на которой ярко-желтым пятном выделялась рассыпанная приманка.

Вдруг Барбоза толкнул Ленину коленом.

Маленький, изящный зверек показался из леса и осторожно, вытягивая тонкое тельце, приблизился к рассыпанной кукурузе, побежал назад, спрятался, потом вернулся, выгнув спинку и осторожно, опасливо принялся за еду. Страх у него мало-помалу проходил. Он сел на задние лапки, поднял передние и, хватая ими, как руками, кукурузу, принялся жадно грызть ее.

Ленита, бледная, с бешено бьющимся сердцем, почти бессознательно, повинувшись охотничьему инстинкту, поправила ружье, прицелилась и спустила курок.

Выстрел прокатился по лесу, глухо отдаваясь вдали. Поляна заволочлась дымом.

Ленита и Барбоза выбежали из укрытия, чтобы посмотреть, удачным ли оказался выстрел.

Возле рассыпанной кукурузы лежал зверек с взъерошенной, чуть волнистой шерсткой, наповал сраженный смертоносным свинцом.

Это был агути.

Когда Ленита увидела его на последнем издыхании, простертого на земле, истекающего кровью, ею овладела такая радость, что ноги подкосились, и она рухнула на колени, устремив на Барбозу полный признательности взгляд.

Она встала, положила ружье, дрожащими руками схватила агути, прикинула, сколько в нем весу. Чуть не обезумев от торжества, она зашлась нервным смехом.

-?Пойдемте в укрытие. Наверняка будет еще дичь,- предложил Барбоза, затапывая кровь и оставшиеся на земле шерстинки. Потом он протянул Лените ружье и хотел было взять у нее агути.

-?Понесите лучше мое ружье, а агути я понесу сама,- возразила девушка.

Они снова укрылись в засаде. Ленита зарядила ружье, села, положила перед собой агути, попирая ногами его пушистое тельце, и устремила на приманку бдительный, алчный, нетерпеливый взгляд.

Долго ждать не пришлось. Послышался хруст ломаемых веток, и один за другим из чащи вышли два кабана. Безбоязненно, неторопливо, величественно подошли они к рассыпанной кукурузе, хрюкая и ощеривая зубы. Остановившись, они принялись спокойно и беззаботно есть.

Ленита взвела курок и собиралась прицелиться. Решительным жестом Барбоза остановил ее.

-?Не двигайтесь,- шепнул он ей на ухо.- Это опасно.

-?Опасно?

Оба кабана продолжали с оглушительным чавканьем лакомиться кукурузой, не подозревая о присутствии людей.

Десять минут ожидания показались Лените десятью веками.

Медленно, осторожно, бесшумно, точно тень, Барбоза взял у Лениты ружье и протянул свою двустволку фирмы «Пипер» двенадцатого калибра, с нарезными стволами.

-?Стреляйте из этого,- шепнул он так тихо, что Ленита едва расслышала.- Не бойтесь, отдачи не будет.

Ленита зарядила оба ствола, придерживая курки во избежание случайного выстрела, подняла ружье и, почти не целясь, выстрелила два раза.

Грохот мощнейших разрядов грозно раздался по всему лесу. Дым окутал все, включая место, где была рассыпана приманка. Сильно запахло сульфидом калия - пороховым дымом.

Проявляя нетерпение, не в силах сдерживать себя, Ленита хотела поскорее выбраться из засады. Барбоза удержал ее.

-?Осторожно! - произнес он.- Подождем, пока дым рассеется. Дело-то серьезное. Это кабаны-секачи.

-?Значит, я стреляла в секачей?

-?Именно так. К счастью, их только двое, а не целое стадо.

-?А если бы было стадо?

-?Мы бы тогда пропали.

-?Неужели это так опасно?

-?Если в лесу их целое стадо, то они опаснее ягуара. Чтобы не было сомнений, дайте мне, пожалуйста, ружье. Я его заряджу.

Дым постепенно рассеивался. Барбоза и Ленига вышли из укрытия. Возле рассыпанной кукурузы земля была изрыта и залита кровью. Неподалеку, из лесной чащи, слышалось жалобное похрюкивание.

Барбоза велел Лениге подождать и, с заряженной двустволкой, в любое мгновение готовый выстрелить, углубился в чащу, откуда доносилось хрюканье. Долго идти не пришлось - неподалеку лежали рядышком оба кабана, сраженные меткими выстрелами Лениги. Один был уже мертв, другой издавал предсмертные хрипы.

-?Albo notanda dies lapillo![19] Идите сюда, Ленига! Смотрите! - крикнул Барбоза.

Ленига помчалась, не замечая, что ветви хлещут ее по лицу, а колючки рвут платье. Увидев свои трофеи, она совсем потеряла голову. Все поплыло у нее перед глазами. Она громко закричала, кинулась к Барбозе и повисла у него на шее. Придя в себя, она смутилась и отбежала к кабанам.

Склонившись над мертвым кабаном, она долго и пристально разглядывала его: острые копыта, длинная и грубая щетина, стоячие уши, гладкое рыло, маленькие, налитые кровью глаза, скошенные клыки, белая нижняя челюсть. Сорвав перчатки, она с силой сжала ему яички, и выделилась зловонная молочно-белая жидкость.

-?Повезло вам, - улыбаясь, сказал Барбоза. - Такой удачей и бывалый охотник похвастается.

-?Этим я всецело обязана вам! Спасибо!

Эту фразу Ленига произнесла с таким чувством, с такою нежностью, что у Барбозы мурашки побежали по спине. Он едва сдержался, чтобы не броситься к девушке и не осыпать ее поцелуями.

-?Ну что, - спросил он, - вернемся в засаду и подождем еще дичи?

-?Нет, - ответила Ленига. - Секачи вряд ли еще появятся, так что мы только день потеряем. А как мы этих-то монстров унесем?

-?Пошлю негра, пусть привезет их на муле.

-?Хотя бы агути я хочу взять.

-?Агути возьмем.

-?Тот кабан, что поменьше, еще жив. Добить его, что ли?

-?Ни к чему, все равно скоро издохнет. Рана явно смертельная.

-?Значит, это секачи?

-?Притом превосходные экземпляры.

-?Хорошее у них мясо?

-?Отличное. Лучше, чем у обычного кабана.

-?А чем секач отличается от обычного кабана?

-?Секач, *dicotylus torquatus*, водится только в девственном лесу, он крупнее и свирепее, чем обычный кабан, *dicotylus labiatus*, который мельче и водится обычно в редколесье. К тому же у секача, как вы видите, белая нижняя челюсть.

-?И в этом вся разница?

-?Только в этом. Ну что, пойдете?

-?По правде говоря, неохота мне расставаться со своими царскими трофеями. Но надо идти - ничего не поделаешь.

И они ушли.

Приманку долго никто не трогал. Внезапно появилась крохотная мышь - казалось, ей придавало смелости осознание собственного ничтожества. Не церемонясь, она принялась грызть кукурузные зерна. Потом подросла еще мышь, и еще одна, покуда не собралась целая стая. Солнечный луч, просачиваясь сквозь листву, золотил рассыпанные зерна и обглоданные початки.

То и дело останавливаясь и прислушиваясь, к приманке подползла огромная змея. Спина у нее была тусклая, лишенная блеска, испещренная темными, почти черными ромбами. Голова была плоская, морда тупая, словно срезанная, с двумя углублениями, напоминающими ноздри. От каждого глаза тянулась полоса, заканчивающаяся на шее. Хвост завершался погребушкой, похожей на маленькие четки с роговыми полыми, приплюснутыми косточками, которые при движении их обладательницы издавали тихий, почти неслышный звук, как от трения пергамента.

Змея приползла, увидела мышей, застыла и свилась в кольца, над которыми воздымалась страшная голова, пристально следящая за тем, что происходит вокруг. Черный, ледяной, блестящий взгляд наводил оторопь. Темный, длинный, тонкий, раздвоенный язык то высывался, то тут же исчезал.

Один из грызунов заметил рептилию, остолбенел, съежился, свернулся в клубочек. Шерстка на нем поднялась дыбом, и он жалобно запищал. Гипноз подействовал.

Несчастливая мышь дрожала. Она стала резко дергаться и нелепо подпрыгивать, не удаляясь от змеи, а, наоборот, приближаясь к ней, покуда не оказалась к ней вплотную. Коварный завиток мгновенно развернулся, подобно часовой пружине, вырвавшейся из механизма, и бросился на жертву. Пораженный смертоносным укусом, зверек упал кверху лапками. Через минуту он был уже мертв.

Змея снова развернулась, выпрямилась, разинула огромную, зияющую пасть и стала заглатывать добычу, отчаянно работая челюстями, чтобы лучше проходила довольно крупная

пожива...

Насытившись, с чудовищно раздувшимся брюхом, медленно и лениво поползла она искать убежища, пока не достигла шалаша, где свернулась в спираль под деревянной скамейкой и погрузилась в долгий и глубокий сон, дабы переварить содержимое желудка.

Ленита радовалась целый день, вспоминая свои охотничьи подвиги. Она закрывала глаза - и ей виделись секачи, польстившиеся на приманку.

Обед прошел весело.

Гвоздем программы было розоватое, покрытое дольками лимона, аппетитное, соблазнительное филе одного из секачей. На огромном блюде посреди стола красовалась величественная, царственная, роскошная, несравненная кабанья голова - французы называют ее *la hure*, - умело приготовленная Барбозой, который, подобно Дюма-отцу, был искусным кулинаром.

-?Объемся я нынче до смерти - и все из-за тебя, Ленита,- повторял полковник, уписывая кусок за куском.- Сколько уж лет я не ел кабаньего мяса! А голова - просто чудо! Впрочем, и филе тоже...

-?Объемся я нынче до смерти - и все из-за тебя, Ленита,- повторял полковник, уписывая кусок за куском.- Сколько уж лет я не ел кабаньего мяса! А голова - просто чудо! Впрочем, и филе тоже...

Тотчас после кофе Ленита, Барбоза и служанка снова отправились на охоту.

Хотя день выдался жаркий, в лесной чаще всегда прохладно. Солнечный свет не режет глаза, как на открытой местности, а преломляется, ослабевает, придавая предметам нежные, мягкие, как будто бархатистые очертания. Звуки смягчаются и напоминают ласковый шепот. В любое время лес притягивает своей невыразимой таинственностью.

Вдыхая целебноносный, подобный бальзаму воздух, Ленита ощущала себя на вершине блаженства. Отменное самочувствие и бодрое настроение, которое всегда дает сытная и здоровая пища, сопровождалось радостным осознанием того, что ее любовь к Барбозе не осталась без отклика, и торжеством нежданной победы над двумя грозными животными. Какая разница, что сразила она их вероломным выстрелом из засады! В смертном бою все средства хороши. Когда человек идет на носорога, он заряжает ружье разрывной пулей - неужели он откажется от того, чтобы показать свое мужество? К диким зверям близко не подойти - они убегают, стоит им почувствовать запах человека. Человек может их настичь, только спрятавшись, затаившись. Неужели, чтобы быть честным, человек должен криками выдавать свое присутствие? Сила - это сокращение мышечных волокон, а мысль - раздражение нервных клеток; отчего же не использовать одно против другого? Какое бы оружие не применялось в борьбе за существование, главное - не потерпеть поражение: победитель всегда прав. Секачи убиты. Ленита торжествует - мозг снова победил мышцу. Таковы факты, остальное в расчет не идет.

Барбоза задержался у коричневого дерева и принялся рассматривать его источенную червями кору.

-?Секачи больше не придут? - спросила его Ленита.

-?Теперь уже нет. Возьмите с собой Марсиану для услуг. Опасность миновала - здесь было

только двое секачей. Они отбились от стада пару месяцев назад. Их видел управляющий, когда ходил за дровами.

-?Тогда до скорого свидания.

-?До свидания. Я скоро приду.

Ленита с Марсианой прошли немного. Потом Ленита велела Марсиане посидеть под деревом - дескать, если нужно, она ее позовет,- а сама отправилась к месту, где была рассыпана приманка. Там никого не было.

Ленита спряталась в шалаше, села, зарядила ружье и стала ждать.

Прилетела стая Уру[20] - два раза слышала Ленита их мелодичное, звучное воркование.

Вот они показались, вот заметили приманку. Их было двенадцать. Одни беспечно разлеглись на земле и стали отряхиваться и чистить перья, а другие принялись жадно клевать кукурузу.

Ленита сделала движение, чтобы подняться, и наступила на что-то мягкое, спружинившее у нее под ногой. В тот же миг ей почудилось, будто кто-то хлестнул ее плетью по икрам, а подъем левой ноги что-то слегка обожгло.

В разбросанных по полу пальмовых листьях послышался шелест, как от колыхаемых ветром сухих стручков.

В углу шалаша приготовилась к новому нападению гремучая змея. Крошечные, неподвижные, сверкающие глазки, подобные черным алмазам, казалось, метали ледяные молнии. Вертикально поднятый кончик хвоста дрожал, как язычок электрического звонка или как прорвавшаяся струйка пара.

Ленита поняла, что змея ее укусила, и осознала всю опасность своего положения. Одним прыжком она выскочила из шалаша и устремилась туда, где была рассыпана приманка.

Птицы уру в страхе разлетелись кто куда.

Не растерявшись, Ленита села на землю, приподняла платье, сняла башмачок и чулок.

На белоснежной коже подъема ноги виднелись две параллельных царапинки - маленьких, чуть больше сантиметра в длину.

Ленита выдавила из них липкую желтоватую массу, развязала ленту, вплетенную в косу, и туго обмотала ногу выше лодыжки. Потом громко окликнула служанку и велела как можно скорее позвать Барбозу.

Барбоза тотчас явился.

Увидев Ленину, бледную, сидящую на земле, без ружья, с босой ногой, он от изумления не знал, что и подумать.

-?Что такое, Ленита? Что случилось? - тревожно спросил он, приближаясь к ней.

-?Меня укусила змея.

-?Не шутите так страшно.

-?Мне не до шуток.

-?Куда она вас укусила?

-?Вот сюда, в ногу.

-?Какая змея-то?

-?Гремучая.

Ошеломленный Барбоза побледнел. Однако к нему тут же вернулось самообладание. Он опустился на колени, взялся за ногу Ленины и тщательно ее осмотрел.

-?Ну, ничего,- заключил он.- Ни одна вена не затронута. Хорошо, что вы наложили жгут из ленты. Теперь не стесняйтесь и предоставьте все мне. Я знаю, как поступать в таких случаях.

Он достал из кармана сигару, разжевал ее, измельчил зубами, обильно смочил слюной, снова взялся за Ленину ногу и бережно, почти благоговейно, неторопливыми движениями принялся высасывать яд из ранки.

Сплюнув, он снова сделал табачную кашу и опять стал высасывать яд.

-?Вот интересно! - сказала Ленина.- Я совершенно ничего не чувствую, словно змея меня и не кусала.

-?Так вы уверены, что это была змея, да еще гремучая?

-?Конечно! Послушайте-ка. Слышите?

Из шалаша доносилось отвратительное шипение.

Барбоза схватил ружье, взвел курок, подошел к шалашу, заглянул в дверь, прицелился и выстрелил. Потом вошел и тут же вышел, держа за хвост убитую змею. Это жирное страшилище имело шесть или семь пядей в длину.

-?Ленина! - сказал Барбоза, бросая пресмыкающееся наземь.- Не скрою: дело тут нешуточное. И все же принятые нами меры вселяют надежду. С помощью жгута вы вовремя приостановили кровообращение и, следовательно, распространение яда. Я высосал яд из ранки, насколько это представилось возможным. Как вы себя чувствуете?

-?Перед глазами все плывет.

-?Пойдемте домой. Там продолжим лечение. Надеюсь скоро увидеть вас такой же веселой и радостной, как прежде. А потом снова на охоту пойдем. Ни в коем случае не снимайте жгут с ноги.

И они отправились домой. У Ленины сильно кружилась голова, два раза она чуть не упала. Когда приходилось преодолевать крутые подъемы, Барбоза нес ее на руках. Следом семенила Марсиана и несла оба ружья.

Наконец они пришли. Ленина разделась и легла. Ее знобило, клонило в сон.

Барбоза пошел к себе в комнату и вернулся с бутылкой рома, налил большую рюмку и заставил Ленину выпить до дна.

-?Так, полдела сделано. Значит, будете во всем меня слушаться, так ведь?

Ленита покорно кивнула.

Барбоза присел на краешек ее постели, деликатно приподнял одеяло, взял в руки укушенную Ленинину ногу и развязал жгут. Чуть выше лодыжки виднелось круглое белое пятнышко. Нога распухла.

Барбоза потер ей ногу, восстанавливая кровообращение, и снова наложил жгут.

Взгляд у Ленины был тревожен и опечален.

-?Голова болит. В глазах темно. Мысли путаются.

-?Выпейте еще рюмку рома. Так нужно.

-?Выпью. Только скажите правду: я умру?

-?Нет, не умрете. За вашу жизнь я отвечаю.

-?Не умру? Это вы говорите, чтобы меня утешить. Я-то знаю, что такое змеиный яд.

-?Я тоже знаю, потому-то и уверен, что вы не умрете.

-?Пусть будет по-вашему. Во всяком случае, хочу вам кое-что сказать. Пододвиньтесь поближе.

Барбоза наклонился к самому лицу девушки.

-?Наверняка я умру. Не хочу уносить в могилу свою тайну.

-?Говорите, Ленита. Говорите, что хотите. Доверьтесь мне. Я же ваш друг.

-?Я люблю вас, Барбоза, я очень люблю вас...

Барбоза был потрясен. Овладев собою, он наклонился и запечатлел на лбу Ленины чистый, отеческий поцелуй.

-?Бедная девочка!.. Вы все-таки не умрете. Выпейте еще рюмку рома, ладно?

-?Я и так уже пьяная.

-?Все равно надо выпить.

Ленита привстала, с трудом выпила рюмку и тяжело откинулась на подушку.

-?Спать хочется... Я, пожалуй, подремлю...

И она смежила глаза.

Почти всю ночь бодрствовал Барбоза у ее изголовья. Каждые полчаса он развязывал жгут у нее на ноге и, восстановив кровообращение, снова его накладывал. Девушка не просыпалась. В бессознательном, полусонном состоянии, бормоча бессвязные слова, она выпила еще две рюмки рома, которые Барбоза влил ей в рот чуть ли не насильно.

На заре Ленита пробудилась и позвала служанку. Барбоза деликатно удалился. Вскоре Ленита

опять заснула.

Когда рассвело, Барбоза спросил служанку:

-?Дона Ленига ходила по малой нужде?

-?Так точно, ходила.

-?Ты вынесла мочу?

-?Нет, хозяин. Она в горшке возле тумбочки.

-?Поди принеси.

Служанка принесла горшок. Моча в нем была темная, с кроваво-красным оттенком.

-?У доны Лениги была испарина?

-?Не заметила.

-?Поди посмотри. Если была, перемени ей белье и принеси сюда мокрую рубашку.

Через десять минут служанка вернулась с ночной рубашкой, которую сняла с Лениги. Рубашка была влажная, кое-где тронутая розоватыми пятнами.

Через десять минут служанка вернулась с ночной рубашкой, которую сняла с Лениги. Рубашка была влажная, кое-где тронутая розоватыми пятнами.

В полдень девушка проснулась свежей и в хорошем настроении. У нее разыгрался аппетит.

Барбоза велел принести чашку наваристого, крепкого куриного бульона и бокал старого вина.

Полковник, узнав о происшествии, места себе не находил.

-?Вегеталин, отчего ты не дал ей вегеталин? Это же отличное лекарство!

-?Алкоголь еще лучше,- возразил Барбоза.- Такие снадобья, как вегеталин, приносят облегчение только тогда, когда они на спирту.

-?Так ведь вегеталин многих вернул с того света.

-?А как его принимают?

-?С крепкой кашасой, в двадцать четыре градуса.

-?То-то и есть! Ленига вегеталина не принимала, но я считаю, что она вне опасности.

-?Что, змея не сильно укусила? Маленькая, что ли, была?

-?Огромная.

-?И ты считаешь, что Ленига вне опасности?

-?Она не растерялась и наложила на ногу жгут. А я высосал яд из ранки, так что в кровь

попало совсем немного.

-?Ты высосал яд? Табак-то хоть перед этим разжевал? А не было ли у тебя какой-нибудь язвочки на деснах или царапины на языке?

-?К счастью, во рту у меня все в порядке.

-?А чем ты ее напоил?

-?Отличным ямайским ромом.

-?И только?

-?Только.

-?Ну, не знаю...

-?Я применил на практике то, что перенял от Поля Бера - это учение Клода Бернара. Вы же представляете, что такое кровообращение. Из легких кровь поступает по легочной вене в левое предсердие, выходит оттуда по аорте и расходится по артериям, оживляет весь организм, достигает капилляров, течет обратно по венам, поступает в правое предсердие, обогащается восстанавливающими элементами, поступающими по подключичным венам, проходит в соответствующий желудочек, снова очищается и обогащается кислородом в легких - и так все время. Так вот. Если в кровь попадает яд - например, от змеиного укуса, - обязательно сменяют друг друга три фазы, три этапа. Первый: яд, попавший в ранку, растворяется в органических жидкостях. Второй: яд проникает в вены и доходит до сердца. Третий: яд соприкасается с органами тела благодаря артериальному кровообращению. Вам известно, отец, что ядовитость той или иной субстанции определяется не качеством, а количеством. Миллиграмм стрихнина для человека не ядовит - кто его примет, с тем ничего не случится. А вот литр коньяку для человека - отравка: кто его выпьет в один присест, тот может умереть. Яд, который выходит из организма, не причинив ему вреда, - это уже не яд. В случае змеиного укуса, для того, чтобы яд возымел смертоносное действие, нужно, чтобы это произошло прежде, чем яд выйдет из организма, а для этого необходимо накопление в крови. Итак, в ранке яд, но подняться он не может - жгут мешает. Но если это будет долго продолжаться, то может начаться гангрена. Приходится снять жгут, и тогда кровь поднимется, а вместе с ней и яд. Постепенно он, однако, нейтрализуется и не может повлечь летального исхода, если только не поступит новая доза яда. Поэтому жгут снимают, потом снова накладывают - и так несколько раз, пока яд не выйдет из организма, не оказав при этом смертоносного действия. Алкоголь возбуждает нервы и стимулирует кровообращение - а следовательно, способствует очищению организма от яда.

-?И что, были примеры излечения, достигнутого таким способом?

-?Сколько угодно. Клод Бернар спасал, когда хотел, животных, которых сам ранил стрелами, напитанными ядом кураре. В провинции Рио-де-Жанейро одного моего приятеля укусила змея сурукуку, и я его вылечил таким способом.

-?А что же с Лениной?

-?Во второй раз я прибегаю к такому лечению. Сейчас она в такой же безопасности, как вчера, до укуса.

-?Я могу ее навестить?

-?Конечно.

Они вошли в спальню. Ленига сидела на кровати, по-восточному скрестив ноги и укутавшись одеялом. Она лучилась радостью и торжеством – как все, кто оправился от тяжелой хвори. Лоб у нее был повязан белоснежным батистовым платком, напоминающим диадему, из-под которого ярко блестели глаза. Роскошные черные волосы контрастировали с бледными щеками. Широкие складки мокрой шелковой ночной рубашки почти не скрывали очертаний крепких девичьих грудей.

-?Ну, слава Богу! – с облегчением произнес полковник. – Ты еще легко отделалась! Вот до чего доводит охота. Ты ведь на волосок от смерти была!

-?Но ведь я жива.

-?Перепугалась в лесу-то?

-?Да нет. Я получила хороший урок. Стану теперь осторожнее – никогда не буду ступать, не глядя. Хотя я все-таки струхнула. Голова у меня болела, клонило в сон, я чувствовала себя разбитой, но страдать – почти не страдала.

-?Повезло тебе с доктором.

Ленига обратила на Барбозу нежный, благодарный взгляд.

Глава XIV

Похоже, змеиный яд все же оказал пагубное действие на Ленигу.

Снова стали ее одолевать внезапные приступы слабости и меланхолии, как в первые дни ее пребывания на фазенде.

Охотиться она перестала, читать забросила, жажда знаний у нее иссякла.

Часами сидела она в гамаке или в кресле-качалке, погруженная в задумчивость. К еде почти не притрагивалась.

Иногда она подходила к столу, наклонялась, подолгу вертела в руках карандаш, или цветок, или что-нибудь еще, а потом выстукивала какой-то странный ритм. При этом глаза у нее делались неподвижными, лицо ничего не выражало, словно ей ни до чего не было никакого дела.

Барбоза тоже замкнулся в себе. Любовное признание Лениги смутило его.

Сам того не замечая, он попался в ловушку, о которой и не подозревал. Положение у него было весьма затруднительным.

Он безумно, самозабвенно любил Ленигу и знал, что и она его любит – ведь она сама ему открылась. Что же теперь делать? То ли решительно все порвать, собрать чемоданы и отплыть в Европу, то ли открыто стать любовником Лениги. Сентиментальный, платонический флирт в подобном случае был бы просто глуп и смешон.

И Барбоза проводил большую часть времени в разъездах да играх – это притом, что прежде он

никогда не играл и почти не навещал соседей.

Он бродил по лесу с ружьем, которое служило лишь предлогом, ибо он не охотился.

Однажды к вечеру, когда солнце уже садилось, Барбоза, бродивший по девственному лесу, почувствовал усталость и присел под белоствольной смоковницей. Машинально он поднял глаза и увидел огромную носуху[21], следившую за ним с раздвоенного сука и строившую забавные гримасы, двигая длинным носом.

Как будто этого искушения было недостаточно, послышалось громкое хлопанье крыльев, и на смоковницу, как раз над носухой, сел гигантский дрозд. Усевшись на суку, он отряхнулся, почистил перышки, повертел головой и три раза пискнул. Барбоза не обратил внимания ни на птицу, ни на животное. Ружье неподвижно стояло у него между коленей.

Перед его мысленным взором представало неотвязное видение – маленькая, белая, атласная ножка Лениды с прозрачными розовыми ноготками и голубыми жилками.

И ему чудилось, что он целует эту ножку и даже медленно, не отрываясь, сосет, сжимая чудную, округлую розовую пятку, на которой оставались белые следы от прикосновения его пальцев.

Он ощущал вкус нежной, бархатистой кожи, едва избежавшей смерти и полной жизни. Его губы хранили память о ней.

А этот трусливый, отеческий поцелуй, который он запечатлел у нее на лбу, когда она призналась ему в любви! Он и сейчас еще как будто вдыхал естественный аромат ее волос, свежее, здоровое, молочное, как у новорожденного теленка, дыхание.

Зачем отвергать любовь, которая сама просится в руки? Разве его не тянуло к Лениде, разве она не шла ему навстречу, зная, что он женат и заключить законный брак с ней не сможет?

И без всякого притворства, с целомудреннейшим безрассудством, она сделала признание, которое женщины всячески избегают делать первыми. Это была не шутка – с такими вещами не шутят.

Что ужасного случится, если любящие друг друга мужчина и женщина соединятся во взаимном обладании и наслаждении?

Да, жениться на Лениде он не может. Ну и что же? Что такое современный брак, как не общественное установление, подверженное эволюции, как и все сущее, довольно безнравственное и бесконечно смехотворное? В будущем брак перестанет быть нелепым, драконовским договором, основанным на торжественном обещании делать то, что заведомо невыполнимо. Человек – именно в силу того, что он занимает высшую ступень на биологической лестнице, – изменчив и непостоянен. Обещать то, что выполнить никак не удастся, – разве это нравственно? Вечная любовь бывает только в сентиментальных стихах. Брак без возможности свободного, честного, законного развода для обеих сторон – это все равно что паровой котел без предохранительных клапанов. Мужчина напяливает щегольской фрак, женщина прихорашивается, украшает себя фальшивыми цветочками, и оба тащатся в церковь, с необычайной помпой и в сопровождении многолюдной свиты – а зачем? Чтобы заявить при всем честном народе, сколько бы его ни собралось, под колокольный звон и звуки труб, что он хочет совокупляться с ней, а она с ним, что никто против этого не возражает, а родственники страшно рады... Замечательно! И множество badauds[22], старых и молодых, самцов и самок, щурясь и белозубо улыбаясь, лукаво толкают друг друга под локоть и шепчут

на ухо всякие непристойности. Это уже не просто смешно, а пошло и грязно.

Любовь – это дитя роковой, тиранической необходимости воспроизводства. Индусы это называют вернуть долг предкам. Слово любовь – это, по сути, эвфемизм для слова течка. Действительно, с точки зрения физиологии любовь и течка – это одно и то же. Любовь, как утверждают биологи, начинается с избирательного влечения двух разнополых особей, которых можно назвать по-разному наэлектризованными, разнозарядными. Поразительная сложность человеческого организма превращает это примитивное влечение, результатом которого становится рождение ребенка, в войну нервов, которая, будучи сдерживаемой или плохо управляемой, производит гнев Ахилла, разврат Мессалины, экстаз святой Терезы. Противиться любви бесполезно – приходится покоряться. Против природы не попрешь, а любовь – это природа. Древние знали, что делали, когда символически изображали любовь в виде Венеры или Афродиты – прекраснейшей, но неумолимо мстительной богини. Любовь – это прочнейшая связь между живыми существами, их душа, их бытие.

Ленита предлагала себя ему. Что ж, он станет ее любовником.

Барбоза поднялся и ощутил прилив сил, как бывает у тех, кто принял окончательное решение, быстрым шагом пошел домой.

Войдя в комнату, он положил ружье и патронташ, чиркнул спичкой, зажег свечу, вымыл руки.

Потом он вышел.

Идя по коридору в переднюю, он лицом к лицу столкнулся с Ленитой.

-?Ох! – воскликнул он.

Их руки словно искали друг друга в темноте и встретились, пальцы переплелись.

Барбоза привлек Лениту к себе, хотел поцеловать в губы, но не решился и поцеловал в лоб.

Ленита не противилась – напротив, мягко прильнула к нему.

В коридоре было темно. Барбоза не видел черного пламени сладострастия, вихрившегося в глазах у девушки, не видел бледности ее щек, алости губ, смущенно молящих о поцелуе, и несравненного изгиба шеи.

Решительность Барбозы ослабла. Храбрость и мужество отказали ему, он уже не ощущал никаких желаний. Сердце у него беспорядочно колотилось, как у семинариста, впервые оказавшегося наедине с женщиной легкого поведения.

Вдруг он резко отстранил Лениту и позорно ретировался.

Во мраке коридора слышалось неутешное рыдание.

Ужин прошел в крайне напряженной обстановке. Ни Барбоза не глядел на Лениту, ни Ленита на Барбозу. Ели они – вернее, притворялись, что едят, – в полном молчании.

-?Надо бы этой девочке лекарство попринимать, – сказал полковник, заметив полное отсутствие аппетита у Лениты. – После этой истории со змеей ее словно подменили. Попринимала бы вегеталин – все было бы иначе.

Покончив с чаем, Барбоза поднялся, пожелал спокойной ночи отцу, угрюмо попрощался с Ленитой, церемонно назвав ее сеньорой, и удалился к себе.

Ленита еще немного побеседовала с полковником. Она притворилась, что тема разговора ей очень интересна, и задавала множество вопросов. Вдруг у нее непроизвольно вырвалось громкое восклицание, не имевшее ни малейшего отношения к предмету беседы. Опомнившись, она попыталась увязать его с тем, о чем шел разговор, но смешалась и умолкла. Она все время вздрагивала, как будто от внезапных булавочных уколов. Она то краснела, то бледнела, голос у нее срывался и дрожал.

-?Знаешь что, девочка,- сказал полковник,- шла бы ты спать - тебе явно нездоровится. Кабы я не видел, что ты почти не притронулась к еде, то решил бы, что ты съела что-то нехорошее. Поди-ка ляг да попытайся заснуть.

Ленита безропотно повиновалась.

Она удалилась в свою спальню.

Продолжительная теплая ванна не успокоила ей нервы - скорее наоборот. Проводя по телу губкой, она вздрагивала. Теплая вода ее возбуждала, словно прикосновение чужих рук.

Закончив мытье, она вытерлась огромным махровым полотенцем, надела белую ночную рубашку из тончайшего батиста и легла прямо на покрывало, положив руки за голову и закинув ногу на ногу.

Мягкий, полупрозрачный батист обрисовывал точеные формы ее бюста, живота, бедер. Белизну ее тела оттенял ярко-алый шелк покрывала. Время шло.

До комнаты Лениты доносился медленный, размеренный ход маятника старинных французских часов из передней.

Пробило десять, потом одиннадцать, потом полночь. Каждый удар гулко отдавался по всему дому.

Ленита ворочалась с боку на бок - ей не спалось. Неотвязные мысли преследовали ее, сжимая сердце и притупляя разум.

Ее колотил озноб, кожа пошла пупырышками, в ушах звенело.

Высасывая ей змеиный укус, Барбоза удалил один яд, но влил в нее другой. Ленита все еще ощущала тепло губ Барбозы вокруг ранки на подъеме ноги. Ей было не отделаться от этого ощущения, которое росло, усиливалось, умножалось. У нее пробежали мурашки по ногам, животу, грудям, губам.

Она хотела Барбозу, желала Барбозу, вождедела Барбозу.

Нужно дождаться рассвета... Удар! Другой! Третий! Четвертый! Пятый! Шесть часов! Слышалось медленное, размеренное, неспешное, однообразное, беспощадное тиканье - шестьдесят раз в минуту, три тысячи шестьсот в час, двадцать одна тысяча шестьсот за шесть часов, оставшихся до рассвета... Невыносимо!

Она встала и, босая, в одной рубашке, почти не отдавая себе отчета, отворила дверь, пересекла гостиную, отворила другую дверь, вышла в переднюю, проскользнула в коридор, остановилась

у двери, ведшей в спальню Барбозы, и прислушалась.

Ничего не было слышно.

Там царило глубокое безмолвие, нарушаемое лишь неистовым биением ее собственного сердца.

Она прижалась ухом к замочной скважине, но тоже ничего не услышала.

Ее плечо слегка надавило на дверную створку, та подалась и приоткрылась с тихим скрипом.

Поток теплого воздуха, напитанного ароматом гаванской сигары, обдал ей лицо, шею и груди, едва прикрытые рубашкой с глубоким вырезом.

Ленита окончательно потеряла голову, бесшумно вошла на цыпочках и, скользя, точно призрак, подошла к постели Барбозы.

Она нагнулась, оперлась на спинку кровати, склонила голову к груди спящего мужчины, прислушиваясь к его размеренному дыханию, вдыхая запах и ощущая тепло его тела.

Долго оставалась она в забытии.

Вдруг ее рука, опиравшаяся на спинку кровати, соскользнула, и Ленита рухнула на кровать.

Барбоза испуганно вздрогнул, проснулся, сел на кровати, протянув руки и, почувяв тело Ленины, тревожно спросил:

-?Кто здесь? Кто здесь?

Теплая, атласная кожа девушки, мягкость окутывавшего ее батиста, аромат духов *repu d'Espagne*, исходивший от ее тела, не оставлял никаких сомнений, но Барбозе это представлялось невероятным. Присутствие полураздетой Ленины здесь в такое время казалось ему невыносимым, фантастическим, невероятным.

И все же это была она. Он ощущал ее жаркую, крепкую плоть, изнывающую от вожделения, горячее биение сердца.

Множество мыслей роилось и путалось в его разгоряченном мозгу. Рассудок отступил - победило вожделение, восторжествовал зов плоти.

Он быстро сел на край постели, не выпуская девушку, привлек ее к себе, прижал к груди, взял за голову левой рукой, впился в ее мягкие губы, покалывая их своими жесткими усами, впивал ее дыхание. Ленину охватил необъяснимый ужас. Ей захотелось убежать, и она отчаянно пыталась вырваться.

Это был страх перед самцом, ужасный физиологический страх перед первым соитием, присущий всякой женщине, всякой самке.

Но попытка оказалась тщетной.

Ее крепко держали сильные руки Барбозы. Он покрывал ее щеки, глаза, затылок бесчисленными поцелуями. Эти жаркие, жадные поцелуи обжигали ей кожу, кровь у нее становилась подобной раскаленной лаве, нервы напряглись до предела, плоть изнывала.

Осмелев, забыв о всякой сдержанности, он стал целовать ее шею, а потом высокие, твердые, вздымающиеся груди. Сначала он ласкал и целовал их почтительно, благоговейно, со страхом, как будто совершая святотатство, а потом – дерзко, сладострастно, словно сатир. Все более воодушевляясь, он принялся сосать и покусывать затвердевшие кончики ее грудей.

–?Оставьте меня! Оставьте меня! Я так не хочу! – отчаянно молила Ленита прерывающимся голосом, задыхаясь, сиюсь вырваться – и все же ее удерживала неодолима жажда забыться и отдаться.

Вдруг у нее подкосились ноги, руки бессильно упали вдоль тела, голова повисла – и она перестала сопротивляться, сделалась слабой, мягкой, пассивной. Барбоза поднял ее могучими руками, повалил на кровать, лег рядом, обнял, навалился мощным торсом на ее нежные груди, припал губами к ее губам.

Она не противилась и, будучи в бессознательном, полубморочном состоянии, едва отвечала на жаждающие, трепетные поцелуи.

Время шло.

Барбоза не мог поверить в то, что происходит.

Разуверившись в женщинах, расставшись с женой, мизантроп, он оставил мир, уединился со своими книгами и научными приборами в медвежьем углу, на фазенде в сертане. Он покинул общество, изменил привычки, сохранив только, как реликвии прошлого, чистоплотность и опрятность в одежде. Жизнь у него протекала в ученых занятиях и размышлениях. Казалось, вот-вот он достигнет той спокойной ясности духа, о которой говорит Плавт, только при чтении книг – в разговоре с живыми и мертвыми. И вот, волею неисповедимой судьбы, на пути у него появляется молодая, красивая, умная, образованная, благородная, богатая девушка. И эта девушка влюбляется в него, внушает ответное чувство к себе – и вот он пленен и повержен. Мало того – вопреки всем ожиданиям, она совершает невероятный и абсурдный поступок, заявляется к нему в спальню, будит его и отдается ему... Она у него в объятиях – томная, безвольная, снедаемая вожделением, а он ласкает и целует ее... Но больше он ничего не может сделать! Не то чтобы его удерживали предрассудки, которых у него нет, или боязнь последствий, которых он уже не боится. Удерживает его неожиданный нервный срыв, физическая невозможность. Тщетно силится он сконцентрировать волю, чтобы успокоить нервы и подготовить организм...

Она не противилась и, будучи в бессознательном, полубморочном состоянии, едва отвечала на жаждающие, трепетные поцелуи.

Время шло.

Барбоза не мог поверить в то, что происходит.

Разуверившись в женщинах, расставшись с женой, мизантроп, он оставил мир, уединился со своими книгами и научными приборами в медвежьем углу, на фазенде в сертане. Он покинул общество, изменил привычки, сохранив только, как реликвии прошлого, чистоплотность и опрятность в одежде. Жизнь у него протекала в ученых занятиях и размышлениях. Казалось, вот-вот он достигнет той спокойной ясности духа, о которой говорит Плавт, только при чтении книг – в разговоре с живыми и мертвыми. И вот, волею неисповедимой судьбы, на пути у него появляется молодая, красивая, умная, образованная, благородная, богатая девушка. И эта девушка влюбляется в него, внушает ответное чувство к себе – и вот он пленен и повержен.

Мало того – вопреки всем ожиданиям, она совершает невероятный и абсурдный поступок, заявляется к нему в спальню, будит его и отдается ему... Она у него в объятиях – томная, безвольная, снедаемая вожделением, а он ласкает и целует ее... Но больше он ничего не может сделать! Не то чтобы его удерживали предрассудки, которых у него нет, или боязнь последствий, которых он уже не боится. Удерживает его неожиданный нервный срыв, физическая невозможность. Тщетно силится он сконцентрировать волю, чтобы успокоить нервы и подготовить организм...

Ощущая всю нелепость и смехотворность своего положения, он чувствует, как его прошибает пот, что руки у него похолодели, – и раздражается рыданиями. Обезумев, он отталкивает Ленину и впивается себе в грудь ногтями.

–?Не могу! Не могу! – отчаянно стонет он.

Они поменялись ролями. Ленина почувствовала какую-то холодность и отчужденность, но причины она не понимала и даже не подозревала о ней. В исступлении сладострастия, которое изменило ее до неузнаваемости, превратило в бесстыдную вакханку, в похотливую самку, Ленина вцепилась в Барбозу, обхватила его руками и ногами, как осьминог обхватывает жертву. Жадными, горячими губами она тянулась к его губам. В необоримом порыве чувственности она кусала ему губы, целовала гладкую поверхность зубов, сосала язык...

От наслаждения она учащенно, жарко, порывисто дышала. Ее наслаждение было интенсивным, исступленным, но... конечно же, неполным, ущербным.

А Барбозе хотелось встать, взять пистолет и раздробить себе череп.

Но мало-помалу спокойствие восстановилось. Барбоза почувствовал, что кровь спокойнее заструилась по жилам, что сладостное тепло разливается по всему телу, что плотское влечение пробуждается и настойчиво требует своего.

Мигом избавился он от минутной слабости и ощутил себя сильным и мужественным.

В неистовом порыве похотливого самца – более того, мужчины, стремящегося избавиться от унижительной слабости, Барбоза вновь перешел в наступление, сжал девушку в объятиях и зарылся головой в шелковистую и ароматную волну ее распустившихся волос.

–?Ленина!

–?Барбоза!

И победоносный поцелуй подавил жалобный крик девушки, расстающейся с девственностью...

Последовала буря необузданных, хмельных, исступленных ласк. Тела сближались, сплетались, становились единым целым. Плоть входила в плоть. Содрогание отвечало на содрогание, поцелуй на поцелуй, укус на укус.

Посреди этой бури наслаждения то и дело раздавались сдавленные крики, сладострастные стоны, утомленное, учащенное дыхание.

После долгого, глубокого вздоха последовала продолжительная тишина.

За нею вновь началась жаркая, яростная, животная, исступленная борьба...

В оконную щель пробился лучик света.

Настало утро.

-?Пусти меня! Пусти меня, Барбоза! Мне надо идти - светает уже.

-?Нет, нет! Погоди! Это луна светит, а не солнце.

-?Нет, я пойду! Пусти меня, пусти!

Сделав резкое усилие, Ленита высвободилась из объятий Барбозы и встала с постели.

В проеме полуоткрытой двери на мгновение промелькнула неясная тень. Потом и она исчезла.

Барбоза поднялся, быстро оделся, вышел из комнаты, запер дверь и положил ключ в карман.

Ленита у себя в спальне услышала его гулкие, удаляющиеся шаги.

Девушку лихорадило, голова у нее пылала и кружилась. Перед глазами непрерывно возникали светящиеся круги, без конца расширявшиеся и переливавшиеся всеми цветами - от темно-зеленого до медно-красного. Горло горело, губы потрескались.

В пустой комнате Барбозы лучик света, пробивающийся сквозь щель окна, упал на растерзанную постель. На смятых простынях виднелись свежие, влажные, алые пятна крови.

Глава XV

-?Какое чудесное утро! - воскликнул полковник, приближаясь к входной двери.- Погодка замечательная! Эй! Жасинту!

-?Что прикажете, хозяин? - отозвался старый негр.

-?Где народ?

-?Рис собирает, хозяин.

-?А Мандука где?

-?Сынок ваш велел оседлать рыжего коня да в город поскакал.

Полковник всей грудью вдохнул свежий утренний воздух. Он прекрасно выспался, боли ночью его не беспокоили, и потому он пребывал в превосходном расположении духа. Хотелось с кем-нибудь поболтать, пооткровенничать.

-?Только собрался я с кем-нибудь побеседовать - и вот, на тебе: Мандука в город потащился, а Ленита до сих пор бока отлеживает! Ну и ну! Ладно, съезжу-ка я на кофейную плантацию.

И он велел запрячь старую, смирную кобылу и поехал на кофейную плантацию, что делал не так часто - пару раз в год.

Воротился он к полудню. Барбоза еще не приехал, Ленита еще не вставала. Хотелось есть. Он велел накрыть на стол. Пока готовили завтрак, он подошел к спальне Лениты и постучался.

-?Что случилось? - спросил он.- Нездоровится, что ли?

-?Да нет, все в порядке. Просто спать хочется,- ответила девушка.

-?Ты что, все еще спишь?

-?Вы меня разбудили.

-?Знаешь что? Вставай, составь-ка мне компанию. Мандука уехал куда-то. Я еще не завтракал, а завтракать одному неохота.

-?Сейчас иду.

-?Ну, я жду. Иди скорее, а то у меня уж живот подвело.

Через полчаса Ленита вышла. Она была бледная и осунувшаяся. Веки у нее покраснели, под глазами темнели круги. На плечах у нее была шубка. Время от времени она вздрагивала от озноба. Вяло подойдя к столу, она будто нехотя села.

-?Батюшки, да на кого же ты похожа! - вскричал полковник, завидев ее.- Ты словно на кладбище ночевала. Что случилось?

-?Неважно себя почувствовала.

-?Гм! Я это еще вчера вечером заметил. Ах, девушки, девушки! Замуж тебе надо, вот что! Кашки маниоковой с рыбкой хочешь?

-?Нет, благодарю.

-?А салатiku?

-?Нет, спасибо.

-?Кусочек ветчинки?

-?Ветчинки... можно, только маленький, ладно?

Полковник положил ей большой розовый ломоть с прожилками белого жира.

Ленита посолила его и съела с большим аппетитом.

-?Солененького захотелось, да? Вот и ладно... Еще положить?

Ленита ответила утвердительно, велела принести имбирного пива и выпила полный стакан.

С полковником она проговорила с час. Но к концу дня она почувствовала слабость, ее клонило в сон. Она ушла к себе и заснула. Проснулась, когда уже смеркалось. Выходя из комнаты, она чуть не столкнулась с Барбозой, который притворялся, что рассматривает статуэтку на полке.

-?Добрый вечер, Ленита,- произнес он робким, дрожащим, упавшим голосом.

Девушка не ответила. В порыве чувств она обхватила руками его голову, пригнула и стала жадно и торопливо целовать ее, прижимаясь лицом к его коротким, слегка вьющимся волосам.

-?Ленита,- чуть слышно прошептал Барбоза,- не приходи больше в мою спальню, это опасно,

тебя могут увидеть, заметить. Лучше я буду приходить в твою, сюда.

-?У меня служанка рядом спит.

-?Легко найти предлог, чтобы отозвать ее. И двери запереть.

Они пошли в столовую.

Полковник уже распорядился зажечь свет. Он стоял возле стола, читая корреспонденцию, только что привезенную из города.

-?Смотри, Ленига,- сказал он,- вот твои газеты. А еще тебе письмо пришло. Прочитай поскорее письмо - оно тебя заинтересует.

-?Вы-то откуда знаете?

-?На конверте тот же почерк, что на письме, которое я получил вчера. Прочитай.

-?Что же это такое? - произнесла девушка, со скучающим видом разрывая конверт. Развернув лист бумаги, она прочла с полным равнодушием, не выказывая никакого чувства. Потом она отдала вскрытое письмо полковнику.

-?Вот,- безразлично произнесла она.

-?Ну, так что? - спросил полковник.

-?Можете прочесть.

-?Это доктор Мендес Майа написал?

-?Он самый.

-?Ну, и что скажешь?

-?Да что сказать-то? Тут и говорить нечего.

-?Тогда все ясно. Молчание...

-?...Не всегда знак согласия. Напрасно доктор Мендес Майа потратил время, красноречие, бумагу, чернила и почтовую марку. Замуж за него я не пойду.

-?Это что, брачное предложение? - встревоженно спросил Барбоза.

-?С соблюдением всех формальностей.

-?Это что, брачное предложение? - встревоженно спросил Барбоза.

-?С соблюдением всех формальностей.

-?Что это за доктор Мендес Майа?

-?Доктор Мендес Майа - это бакалавр права, северянин. Четыре года как университет окончил. Сейчас он в столице - ждет, когда ему дадут судейскую должность в нашей провинции.

-?А где вы с ним познакомились, Ленита?

-?В Кампинасе. Года три назад мы с ним виделись на балу в одном из клубов. Потанцевали, он ухаживал за мной часа два, а теперь решился сделать предложение.

-?Вы тоже его знаете, отец?

-?Знаю. Они с кузенком бывали в наших краях. Его кузен хотел купить кофейную плантацию. Он привез мне рекомендательное письмо из Сан-Паулу и даже переночевал у нас.

-?Что же это за человек?

-?Довольно типичный бакалавр права. По-моему, неплохой человек. Мне, правда, сильно не нравится, что он с севера. Ну, так что мне ему ответить, Ленита?

-?Хороший вопрос! Ответьте, что замуж я не собираюсь, что благодарю за оказанную мне честь, и все такое.

-?Может, еще подумаешь? Сама знаешь - семь раз отмерь, один отрежь.

-?А тут и думать-то нечего.

-?Знаешь что? Мой старый друг Круус Шавес, от которого я вчера получил письмо, пишет, что этот молодой человек - завидный жених: умный, честный, воспитанный, трудолюбивый, бережливый, добрый католик и прочее. За четыре года после окончания университета он стал общественным обвинителем, а теперь ждет назначения на должность окружного судьи, как ты сама сказала, и наверняка его получит, потому что знаком с бароном Котежипе[23] и пользуется покровительством Макдауэлла. У него и денежки водятся.

-?Может, это и завидная партия, да не для меня.

-?Ты пойми, что это не к спеху - сначала подумай, потом ответишь.

-?Да что тут думать!

-?Эх, молодость! К чему принимать скоропалительные решения, когда есть время подумать, взвесить все за и против?

-?Теперь или через год, ответ у меня будет неизменным: не хочу.

-?Девочка, знаешь, как говорят в народе: не плюй в колодец...

- ...Пригодится воды напиться. И все равно не хочу.

-?Ну, ладно, ладно: не хочешь - как хочешь! Завтра пошлю отказ. Уж не знаю, как это вынесет доктор Мендес Майа.

Глава XVI

Ленита отослала служанку и стала спать одна у себя в комнате. Полковник удивился такому решению. Сказал, что это опасно, что Ленита может заболеть, что ночью у нее может случиться приступ и некому будет прийти ей на помощь.

Нет, ответила Ленига, она уже совершенно здорова и опасаться тут нечего. Кроме того, служанка громко храпит и не дает ей заснуть.

Часов в одиннадцать приходил Барбоза, ступая чуть слышно, входил в комнату и запирает дверь на ключ изнутри.

Дверные петли были тщательно смазаны, поэтому дверь отворялась без малейшего скрипа.

Замок был старинной португальской работы – обе скважины в нем совпадали – и, чтобы никто не мог подглядеть – хотя никто и не ходил мимо этой двери ночью, – Барбоза вешал на ключ свою шляпу.

Пользуясь полной, совершенной свободой, он уже не довольствовался тем, что обладает Ленигой. Его прельщало умственное грех, те самые *mala mentis quada*, о которых говорит Вергилий. Ему хотелось созерцать, пожирать глазами великолепную пластику тела девушки – как во всем блеске волнующей наготы, так и украшенного модными изысками.

Он раздевал ее, придавал ей позу Венеры Милосской, располагая руки так, как, по мнению знатоков, они должны были быть у статуи, выпрямлял ей торс, заставлял выпячивать грудную клетку, чтобы яснее выступали ее вызывающие, крепкие, стоячие груди.

С помощью мощного рефлектора он отражал и направлял белый свет бельгийской лампы, набрасывая на девушку покров из мягких и живых бликов, располагаемых по всем правилам науки.

Он отходил, приближался, снова отходил. Он разглядывал, изучал Ленигу и наслаждался ею, как Пигмалион – Галатеей, а Микеланджело – Моисеем.

Наступал момент, когда ему было не сдержаться. С хриплым, резким, сдавленным криком он бросался на нее, точно похотливый козел, а она бросалась ему навстречу – и оба падали на диван или на пол, сжимая друг друга в объятиях, кусая, пожирая друг друга.

Иногда он заставлял Ленигу завиваться, затягиваться в корсет, украшать себя цветами, натягивать перчатки со всей изысканностью и причудами светской львицы, которая собирается на великосветский бал или на дипломатический раут.

Он помогал ей, беря на себя роль лакея, и лучился гордостью.

Вся эта женская роскошь, элегантность и кокетство – все это было для него, только для него и ни для кого больше.

При этом он осознавал собственную исключительность и испытывал эгоистическое наслаждение, подобно королю Людвигу Баварскому, который сидел в пустом театре и в полном одиночестве слушал оперу Вагнера, поставленную с необычайной пышностью и божественно исполняемую лучшими певцами.

Барбоза обожал теплую, ароматную нежность нагого тела Лениги. Но в порыве утонченного сладострастия он любил сжимать ей руки, затянутые в лайковые перчатки, любил ощущать тепло ее рук сквозь сеточку старомодных митенок, любил чувствовать ее живое тело сквозь чуть жестковатые кружева, сквозь тюлевые цветочки.

Вскоре ему стало не хватать этих ночных сладострастных игр, совершаемых втайне, при закрытых дверях. Ему хотелось расширить рамки для своих живых картин, хотелось более

просторной сцены для эротических представлений, хотелось любви на вольном воздухе, при дневном свете, без всяких ограничений.

Под предлогом охоты он каждый день углублялся в лес вдвоем с Ленитой.

По дороге он шел в нескольких шагах позади нее, чтобы полюбоваться, как она перебирает пяточками, которые то и дело показывались из-под каймы ее легкого платья.

Это непрерывное, соблазнительное колыхание юбок в такт покачиванию бедер странным и необыкновенным образом возбуждало его.

Когда в лесу попадался глубокий овраг, темная пещера, окаймленная бамбуковыми зарослями полянка, он останавливался.

Под старым раскидистым деревом, возле молодой пальмы, расправляющей свои изумрудные веера навстречу снопам солнечного света, располагал он обнаженную девушку – со вкусом, как художник, и со знанием дела, как опытный распутник – так, чтобы свет делал еще белей ее кожу на темно-зеленом фоне тенистого леса.

Ленита соглашалась на все это с податливостью снисходительной царицы или принимавшей жертву богини. Она милостиво позволяла созерцать себя и благоговейно поклоняться своей плоти.

Снова и снова Барбоза любовался Ленитой, обходя ее со всех сторон. Концентрические круги, описываемые им, походили на те, что чертит в небе ястреб, готовый упасть на жертву. Он приближался, вставал на колени и, весь дрожа, затаив дыхание, целовал ей розовые ногти и белоснежные пальчики ног, ласкал груди, гладил округлые бедра, клал голову на гладкий живот, зажмурив глаза, вдыхая и впитывая здоровый, соблазнительный запах возбужденной женской плоти.

Однажды в лесной глуши ему вспомнилась статуя Микеланджело «Утро», которую он когда-то видел на гробнице Медичи. Неровность, покатошь земли навеяли это воспоминание.

Дрожащими руками принялся он раздевать Лениту, не расстегивая, а отрывая пуговицы и крючки. Увидев ее голой, он положил ее на мох, согнул ей левую ногу в колене и опер стопу на выступающий из земли камень. Потом согнул в локте левую руку так, чтобы кончики пальцев слегка касались плеча, а правую руку и ногу расположил так, чтобы они образовали плавную, мягкую линию, контрастирующую с резким, угловатым изгибом правой стороны тела.

Отойдя, он лег на землю ничком и пополз к ней, точно ящерица.

...

Ленита едва не лишилась чувств от наслаждения.

...

Однажды ночью Барбоза не пришел в спальню к Ленисте.

От волнения девушка не сомкнула глаз. На рассвете она встала с постели и, не заботясь, что кто-нибудь может ее увидеть, не предпринимая никаких предосторожностей, направилась в спальню к Барбозе, толкнула дверь и вошла.

Фитиль догоравшей свечи плавал в озерце растаявшего стеарина, накопившегося в чашечке подсвечника. Пламя мерцало и дрожало, то ярко озаряя комнату, то пропадая и оставляя спальню почти полностью погруженной во мрак.

Барбоза лежал на спине, сжимая пальцами виски, и стонал. Ленига склонилась над ним.

-?Что с тобой? Что случилось? – спросила она.

-?Ничего страшного. Обычная мигрень. Иди к себе, а то тебя увидят – светает уже.

-?Да как я могу тебя оставить в такую минуту? Плохо же ты меня знаешь!

-?Хорошо я тебя знаю. Я бы не просил тебя уйти, если бы ты была мне нужна, если бы могла чем-нибудь помочь. Но ты ничего не сможешь сделать. Это не болезнь, а просто плохое самочувствие. Я здоров, просто голова побаливает.

-?Я хочу остаться. Не могу видеть, как ты мучаешься. Со мной тебе станет легче.

-?Не станет. Будет только хуже. Это пройдет. Уходи, прошу тебя, уходи!

-?Не станет. Будет только хуже. Это пройдет. Уходи, прошу тебя, уходи!

Ленига ушла, совершенно расстроенная.

Мигрени у Барбозы были ужасны. Начинались они с тупой головной боли. Мало-помалу несчастному становился не мил весь свет. Он ощущал страшный упадок сил и вялость. Лицо бледнело, правый зрачок расширялся. Малейшее движение причиняло ему муку, ничтожнейшее усилие делалось невозможным. Он не держался на ногах, ему непременно нужно было лечь. По лбу катился холодный, ледяной пот. С правой стороны вздувалась височная артерия, глазное яблоко сжималось, словно на него сильно надавливали, и малейшее прикосновение к нему вызывало нестерпимые страдания. Темя болело так, будто в него вогнали гвоздь. При каждом ударе пульса чудилось, что гвоздь все глубже забивают в череп. Желудок наполнялся желчью. Крайняя слабость вызывала необходимость чем-нибудь подкрепиться, однако сама мысль о еде представлялась ему невыносимой. Перед глазами мелькали искры, огненные мухи. Легчайший шум, словно многократно усиленный адским эхом, казался страшным грохотом, неистово терзавшим ухо. Он не мог думать, ему было не сосредоточиться.

Если бы в такую минуту к Барбозе пришли с вестью, что пожар пожирает его драгоценные книги, что его родители погибли в огне, – он ничего не смог бы сделать и даже пальцем бы не пошевелил – воля у него была полностью парализована.

И это невыносимое страдание, эта бесчеловечная пытка длилась целый день.

* * *

Рассвело.

Как только открылись двери и на фазенде началась жизнь, Ленига вернулась в спальню к Барбозе и села у него в изголовье, раздумывая, чем бы ему помочь и как вообще следует поступать в подобных случаях.

-?Ничего, ничего не надо делать, – нетерпеливо повторял Барбоза, – это все от нервов и со

временем пройдет, к вечеру будет все в порядке.

Ленита с удивительным тактом, словно умелая и опытная сиделка, поправила ему подушки так, что он почувствовал облегчение. Отворив шкаф, среди множества пузырьков она отыскала нужную микстуру и чуть ли не силой заставила его принять две полные столовые ложки.

Ощупав его ледяные ноги, она велела принести бутылку горячей воды, завернула его в полотенце, положила в ноги Барбозе и укутала одеялом, да так, что он почти не ощутил боли, причиняемой движениями.

Стоны Барбозы понемногу стихали, слабели и, наконец, вовсе прекратились – он заснул.

Спал он долго – часа два, не меньше.

Ленита не оставляла его ни на минуту. Она неподвижно сидела в изголовье и молча оберегала сон Барбозы.

Вдруг он проснулся, резко сел и нетерпеливым, раздраженным жестом велел ей уйти.

Ленита не подчинилась.

Барбоза, бледный, с перекошенным лицом, кое-как открыл прикроватную тумбочку, достал ночной горшок, поставил на постель рядом с собой и встал на колени.

Брюшной пресс, желудок, диафрагму и пищевод свела сильнейшая судорога. Скулы резко обозначились у него на бледном, исхудавшем лице. Из рта хлынула струя желтой, пенистой желчи, залив дно и забрызгав стенки горшка.

Приступ рвоты повторился, за ним последовал еще и еще один. Извергаемая безо всякого усилия желчь была уже не желтой и не пенистой, а зеленой, чистой и прозрачной.

Ленита, чье лицо выражало глубокое сострадание, поддерживала Барбозу за взмокший от испарины лоб.

Обессиленный, Барбоза грузно рухнул на подушки, постонал еще немного и снова заснул.

Ленита велела вынести, вымыть и принести назад горшок и опять заняла свой пост у изголовья больного, любовно оберегая его уже спокойный сон.

Когда ее позвали завтракать, она вышла бесшумно, на цыпочках.

Когда она рассказала полковнику о болезни сына, тот ответил, что ничего страшного нет, что мигреням от подвержен с малолетства, что с возрастом он их переносит легче, а приступы бывают все реже.

Ленита вернулась в спальню к Барбозе.

После полудня Барбоза проснулся. Чувствовал он себя выздоровевшим, посвежевшим. Он проголодался и велел принести поесть.

Глава XVII

Давно уже началась новая варка сахара. В самый ее разгар произошло несчастье. Мальчишка-креол попал рукой в цилиндр на сахароварне, и ему ее размозжило.

Увидев несчастного ребенка, попавшего в бездушный механизм, негр, его отец, взял попавшийся под руку стальной рычаг и засунул между шестерней.

Послышался грохот ломающихся металлических деталей. Механизм остановился.

Негритенку спасли жизнь, но мельницы пришли в негодность. Шестерни, рукоятки, оси – все было сломано.

-?Вот уж бес попутал: в самый разгар варки – такая беда! – произнес раздосадованный полковник.- Креольчик-то ладно – останется калекой, да убыток-то с этого невелик. Хуже, что приходится прервать варку, когда все шло так хорошо,- вот уж не вовремя, так не вовремя, а на дворе уже 28 сентября!

Ремонтировать мельницу он не хотел, поскольку это заняло бы много времени и весь урожай бы пропал.

Решено было, что на следующий день Барбоза поедет в Ипанему поговорить с доктором Мурсой насчет того, чтобы через несколько дней установить новую машину.

Ленита, узнав о его предстоящей поездке, была огорошена, побледнела и едва не лишилась чувств. Она-то не забыла, сколько пришлось ей выстрадать, когда Барбоза ездил в Сантус еще до того, как стал ее любовником, и когда она сама не была уверена, что любит его. Что же станет теперь, когда все так переменялось? Это будет несказанная, невыносимая, адская пытка.

Но вышло иначе.

Ленита помогла Барбозе собраться в дорогу, не почувствовав и сотой доли того, что ощущала в прошлый раз. Сладострастие, необузданная ночь, проведенная перед прощанием, измучили ее.

Она сама поразилась произошедшей в ней перемене – стала холодной, равнодушной и даже раздраженной. Барбоза показался ей грубым, вульгарным, наглым, смешным и нудным.

Перед отъездом она пожала ему руку; видела, как он взбирается на коня, дергает за поводья и пропадает вдаль за облаком дорожной пыли; разглядела, как он помахал рукой на прощание, исчезая из виду за холмом.

Она не опечалилась и не ощутила вокруг себя пустоты. Напротив, ей хотелось побыть в одиночестве, наедине с собою, пользуясь полной свободой мыслить и действовать.

Тем не менее, ее тщеславие тешила мысль, что Барбоза непрерывно станет думать о ней, только о ней, что ее образ не изгладится у него из памяти, что всякое его действие будет предприниматься исключительно ради нее.

Будучи тонким аналитиком, она не заблуждалась насчет своих нынешних чувств: в наслаждении, которое ей доставляла покорность Барбозе, она испытывала скорее удовлетворенную гордость, нежели радость разделенной любви.

Она пошла в спальню Барбозы и стала прибирать его вещи, книги и газеты, разбросанные по столу, по стульям и мраморной тумбочке.

Никто во всем доме, включая самого полковника, не удивился такой заботливости – крепкая и близкая дружба, установившаяся между ней и Барбозой, была веским тому основанием. Всем казалась вполне естественной роль экономки, которую она взяла на себя.

Между тем в негритянских хижинах вольные отношения Лениды и Барбозы уже становились предметом пересудов, на которые столь падка черная раса. Негры и особенно негритянки шушукались, обсуждали охоту, на которой не добывалось никакой дичи, болтали всякую чушь.

Выдвинув ящик письменного стола Барбозы, чтобы достать какую-то мелочь, Ленида наткнулась на овальную черепаховую шкатулку, инкрустированную металлом и перламутром.

Ленида открыла ее машинально, безо всякого любопытства. Внутри она обнаружила четыре сложенных листка бумаги, сильно позеленевший медальон с изображением Богородицы, засохшие цветы и несколько клубочков белой пряжи.

Что за чертовщина? Барбоза неверующий, так на что ему медальон? А клубочки шерсти? Наверняка они упали с бального платья, в которое облачалась женщина, стремившаяся попасть к нему в дом, к нему в спальню, к нему в постель. А засохшие цветы? А бумаги? Ах да, бумаги... Бумаги наверняка содержали разгадку, ключ ко всем тайнам.

Развернув первый листок, она обнаружила тонкий локон каштановых, почти черных, атласных волос.

Развернула второй. Это оказалась записка в несколько строчек, написанная изящным, убористым, округлым женским почерком. В записке говорилось:

Неприменно приходите в субботу. Если не придете, я рассержусь. Я все время думаю о вас. Прощайте.

Ленида побледнела и закусила губу. Глаза у нее метали молнии. Дрожащими руками развернула она третью бумагу – большой плотный лист фирмы «Фиуме». Она была исписана почерком Барбозы – некрасивым, не очень разборчивым курсивом. Не оставалось сомнений, что это разрозненные впечатления, нанесенные на бумагу по горячим следам – бессвязные, то и дело прерываемые отточиями.

Ленида прочла:

Поезд был готов к отправлению.

Она стояла на платформе вокзала Лус, с мужем, кого-то провожая. Она поглядела на меня, а я на нее. Она опустила свои большие зеленые глаза и покраснела. Лево́й рукой она с видимым отвращением держала под руку мужа, а правая – тонкая, изящная, белая – безвольно повисла вдоль тела. Перчаток на ней не было. На безымянном пальце сверкало кольцо с крупным камнем. Подняв глаза, она пристально посмотрела на меня, снова потупилась, выставила правую ногу – очаровательную ножку, и недовольно притопнула. Муж сказал ей что-то по-немецки, и она ответила на том же языке. Они пошли прочь, и я последовал за ними. Они сели на трамвай, который шел из Санта-Сесилии.

...

зеленые глаза

...

любовь

...

прелесть

...

Я снова увидел ее.

Это было в Гранд-Отеле. Она ужинала за столом, поставленным посреди зала, спиной ко мне. Она откинулась на спинку кресла, чуть склонившись влево. Ее правая нога, закинутая на левую, нервно покачивалась. Ножка у нее маленькая, затянутая в ярко-красный чулок и обутая в туфельку от Кларка, открывающую восхитительную круглую пяточку. Левая ножка твердо стояла на полу. Подол платья, из-под которого виднелась белоснежная кружевная кромка нижней юбки, широкими складками распластался по креслу. Ветерок, проникавший сквозь стрельчатые окна, шевелил золотистые завитки у нее на затылке. Еще больше наклоняясь влево, она грациозно встала. Ее движение подчеркнуло пышные груди, поддерживаемые туго затянутым корсетом, в соблазнительном контрасте с тонкой талией.

Четвертый листок, пожелтевший, истрепанный, сложенный в несколько раз, содержал стихи, тоже написанные рукой Барбозы.

Ленита прочла:

М.И.

Ты красива или нет
И какие будишь чувства?
Наброшаю твой портрет
Я по правилам искусства.
Бледность впалых щек твоих
С розой не идет в сравненье —
Желчный, злобный нрав она
Обличает, без сомненья.
Помню, как твои глаза
Цвета оружейной стали,
Словно мутное стекло,
Тусклой серостью блистали.
При беседе у тебя
Нервно вздрагивают губы —
Только в нижнюю губу
Вечно ты вонзаешь зубы.
Непрестанно теребишь
Ты изящные ладошки,
А в походке у тебя
Что-то есть от дикой кошки...
Все-таки пленился я
Броской внешностью твоею!

Знай – тебя я не люблю,
Но невольно вождедею.

Девушка поразила. В душе у нее образовалась невосполнимая пустота. Все ее иллюзии рухнули.

Она знала, что в Европе Барбоза женился. Это было до их знакомства, и потому она была не вправе его упрекнуть, что когда-то он любил свою жену и, может быть, не перестает ее вспоминать.

Но здесь-то речь шла не о жене, а, по крайней мере, о трех женщинах – одна из них темноволосая и, следовательно, черноокая или кареглазая; другая – та, о которой говорится в прозаическом отрывке, – с зелеными глазами; и третья – героиня бездарных стишков, у которой серые, стальные глаза.

А кто его знает – может, их было шесть или целых семь? Записка могла быть написана четвертой женщиной, позеленевший медальон подарен пятой, засохшие цветы – шестой, а шерстяные клубочки вполне могли принадлежать седьмой.

И что такое эти клубочки, как не сувениры, любовные трофеи, собранные, конечно же, с измятой постели, с жарких еще простыней после бурно проведенной ночи?

Этот человек оказался развратником, Дон-Жуаном низшего пошиба, а она, Ленита, стала всего-навсего одной из его многочисленных любовниц.

Кто бы мог подумать, что дар, который она принесла ему, пропадет втуне и ничего не прибавит к этой гнусной коллекции?

Вот к чему привела ее гордость своим полом и самую собою!

Любовница распутника, наложница пожилого женатого мужчины, хранившего трофеи своих побед... Прекрасно! Замечательно!

Она была наказана и решила, что поделом.

Взыскуя познаний, она стремилась возвыситься над другими женщинами, но древо познания оказалось с червоточиной.

Ей хотелось взлететь в заоблачные дали, но плоть тянула ее к земле, она покорилась и пала – пала, словно птица, которой подрезали крылья, и покорилась, точно безропотная корова на лугу. Противница общественных условностей, она поставила себя вне закона общества – и была наказана собственной совестью, которая показала, насколько она в самом деле ниже презираемого ею общества.

Безумием было бы в одночасье разрушить то, что эволюция вырабатывала на протяжении сотен тысяч лет. Общество право: оно зиждется на семье, а та, в свою очередь, на браке. Любовь, не освященная созданием семьи, законным, признанным, открытым, честным браком, – это не любовь, а скотство и распущенность. Нет, она не любила Барбозу – это была не любовь. Она искала его и отдалась ему из-за плотской немощи, из-за смятения чувств, из-за невроза. Как мифическая Федра, как библейские дочери Лота, как супруга императора Клавдия, она пала под тяжестью плоти и, подталкиваемая знатным развратником, низринулась в бездну, позволила смешать себя с грязью. Нет, не любила она Барбозу, не любила. Ее чувство было не

более чем затянувшимся порочным влечением, преступной страстью. Первое впечатление, которое он на нее произвел, было весьма неприятным – а ведь говорят, что первая мысль – самая верная, потому что возникает в непредвзятом сознании. В момент знакомства она могла бы оценить истинное лицо Барбозы и догадаться, как низко он пал. Невинная голубка, она сама напросилась в когти к ястребу, который ее растлил, не только лишив девственности, но и пробудив порочные чувства...

Второпях она зачихала все обратно в шкатулку, бросила ее в ящик, который с грохотом закрыла, вышла из комнаты, вошла к себе в спальню, заперлась изнутри, кинулась на кровать и разрыдалась.

Вдруг она поднялась.

«Что же это такое?» – спросила она себя. Неужели ей пристало лить слезы, как какой-нибудь горничной, которой овладел сын хозяйки? Нет, конечно! Она пала, но пала сама по себе – к этому привела ее плоть и ее нервы. Мужчина здесь не при чем – он был просто орудием. Таковым оказался Барбоза – но на его месте мог оказаться управляющий, да хотя бы и сам старый полковник. Ею овладела похоть, которую она взяла и насытила...

Тут ужасная мысль обожгла ей мозг.

С недавнего времени – примерно месяц назад – она стала замечать странные изменения в своем самочувствии и поведении: стала раздражительной и нетерпеливой. Любой пустяк, любая мелочь могли вывести ее из себя. Ела она какие-то крохи. Уже сам вид накрытого стола внушал ей отвращение, чуть ли не тошноту. У нее изменился вкус, и когда разыгрывался аппетит, ей хотелось чего-нибудь необычного. Однажды на краю оврага она увидела растение карагуата[24], стала рвать с него ягоды и обожгла рот их кислым, едким соком.

С большим удивлением, не понимая почему, она чувствовала, что Барбоза больше не вызывает у нее восхищения. Его тирады, его научные рассуждения, при всей их правильности и справедливости, наскучили ей. Он стал казаться ей нескладным, вульгарным, самонадеянным. Он сделался ей противен – ей даже чудилось, что от его тела и одежды пахнет чем-то вроде мышиного помета. Его ласки внушали ей отвращение, и в последнее время она действительно от них уклонялась.

Ей вспомнилось изречение Рабле: «Les betes sur-leurs ventrees n'endurent jamais le male masculant»[25].

Неужели она беременна?

Подбежав к комоду, она выдвинула ящик, достала карманный календарик и принялась лихорадочно его листать. Было 20 августа, а последний день, помеченный красным крестиком, был 29 июня – праздник святых апостолов Петра и Павла. Пауза длилась уже пятьдесят два дня...

Она расстегнула корсаж, спустила с плеч рубашку, выпростала левую грудь. Грудь была округлой и крепкой, в чем Ленита убедилась, наклонив голову и выпятив нижнюю губу. Сосок, прежде бледно-розовый и почти незаметный, потемнел, побурел и покрылся пупырышками. Сомнений не осталось – она беременна.

Она чувствовала или ей казалось, что у нее в матке что-то шевелится. В тот же миг ею овладела беспредельная, неопишуемая нежность к существу, которое делает первые движения и просится на свет Божий. Это было предвестие бури, половодье чувств, нахлынувших на нее,

словно вода из разрушенной плотины. В пронзившей ее громадной любви Ленита признала чувство, так смешно превозносимое слезливым романтизмом и в то же время столь эгоистичное, столь человеческое и вместе с тем столь животное – радость материнства.

-?Что же теперь делать? – задалась она вопросом и без колебаний ответила себе: – Вынашивать, родить, воспитать ребенка, узнать себя в нем, стать матерью.

Двое суток сидела она взаперти и выходила из комнаты только чтобы поесть.

На третий день, в четверг за завтраком она сообщила полковнику, что в воскресенье собирается в город, а оттуда – в Сан-Паулу, что весь ее скарб собран, а чемоданы упакованы; их нужно сложить в фургон, а сама она поедет в бричке; если она выедет рано утром, то успеет примерно за час до отхода поезда.

-?Что это за новые причуды, Ленита? – изумился полковник.- Что это ты ни с того ни с сего собралась в Сан-Паулу?

Настойчивость Лениты была непоколебимой, поэтому полковник предложил хотя бы подождать, пока Барбоза вернется из Ипанемы и проводит ее – одной ей ехать нельзя, а сам он страдает ревматизмом и не сможет проводить ее.

-?Пусть негр проводит меня до города,- стояла на своем Ленита,- а на поезде мне попутчик не нужен. Не ехать я не могу.

Мольбы парализованной старухи и уговоры полковника цели не достигли.

Фургон с багажом отправился в субботу вечером, а в воскресенье рано утром Ленита надела пыльник и широкополую шляпу, со слезами обняла старуху, а потом и полковника, который плакал, как дитя, села в бричку и поехала.

-?Что это за новые причуды, Ленита? – изумился полковник.- Что это ты ни с того ни с сего собралась в Сан-Паулу?

Настойчивость Лениты была непоколебимой, поэтому полковник предложил хотя бы подождать, пока Барбоза вернется из Ипанемы и проводит ее – одной ей ехать нельзя, а сам он страдает ревматизмом и не сможет проводить ее.

-?Пусть негр проводит меня до города,- стояла на своем Ленита,- а на поезде мне попутчик не нужен. Не ехать я не могу.

Мольбы парализованной старухи и уговоры полковника цели не достигли.

Фургон с багажом отправился в субботу вечером, а в воскресенье рано утром Ленита надела пыльник и широкополую шляпу, со слезами обняла старуху, а потом и полковника, который плакал, как дитя, села в бричку и поехала.

-?Девочка! – кричал ей вслед полковник, задыхаясь и вытирая глаза.- Дурная у тебя голова, зато сердце доброе, и я взаправду тебя люблю. Если что – не забывай, что мы с твоим дедушкой были как братья, а твой отец мне был вместо сына. И я всегда готов тебе помочь, чем смогу.

И прибавил про себя:

-?Ладно, хоть успела поохотиться да позаниматься своей физикой да ботаникой. И хорошо, что

Мандука приехал из Парапанемы. А где теперь Ленита? Ищи-свищи!

Глава XVIII

Через неделю после отъезда Лениты вернулся Барбоза.

Он ничего не знал - полковник не писал ему.

Преодолев вершину холма, он беспрестанно напрягал зрение в надежде увидеть в любой момент фигуру девушки на террасе или где угодно. Он предвкушал миг, когда встретит ее и она побежит к нему навстречу, обезумев от радости, побледневшая и дрожащая от волнения.

Он вспомнил, что время позднее, и ощутил холод. Он вспоминал последнюю ночь, проведенную с Ленитой, чтобы забыть, что от следующей ночи блаженства его отделяют несколько часов.

В окнах никто не показывался. По бурой, неровной поверхности двора бегали взапуски синие и красные пятна - дети-креолы в байковых рубашках. Вот и все.

«Оно и к лучшему,- сказал себе Барбоза.- Явлюсь нежданно-негаданно, когда она выйдет на веранду, а покада поболтаю со стариком».

Он подъехал к воротам.

Ребятишки сгрудились вокруг него, стали махать руками, прыгать и нараспев кричать:

-?Вот молодой хозяин! Молодой хозяин приехал!

-?Тихо вы, бесенята! - огрызнулся Барбоза, прикладывая к губам указательный палец правой руки.

Креолы, привыкшие к повиновению, смолкли.

Барбоза спешил, снял шпоры, пересек двор, вошел в дом и на цыпочках направился к веранде.

Там было безлюдно.

Тогда он пошел в комнату к отцу. Полковник лежал и стонал, терзаемый приступом ревматизма. В шезлонге, как обычно, дремала разбитая параличом мать.

-?Как дела, отец? Как поживаете, мама?

Отцу он поцеловал руку, а матери - лоб.

-?Да слава Богу! - ответил полковник.- Кабы не этот чертов ревматизм... Ох!.. Ты-то как съездил?

-?Очень хорошо.

-?Как с оборудованием?

-?Завтра привезут на станцию.

-?Что, послать за фургонами, чтобы сегодня же привезли твой багаж?

-?Ничего страшного. Подожду до завтра.

-?А что привез-то?

-?Новые детали. Некоторые прямо при мне отливались.

-?Ладно, а дорого обошлось-то?

-?Нет, довольно дешево. Тысячи три.

-?Вон оно что!.. Ты ужинал?

-?Нет.

С усилием полковник сел, достал из-под подушки свисток и громко свистнул.

-?Чего изволите, хозяин? – спросила тут же возникшая в дверях рабыня.

-?Сын приехал. Приготовь ему поужинать.

-?Сию минуту, хозяин.

Она повернулась и проворно вышла.

Барбоза не хотел спрашивать о Ленисте. Наверняка она была у себя в комнате. Сейчас он пойдет к ней.

С разрешения отца он вышел, сказав, что надолго не задержится, просто, мол, нужно побеседовать.

Барбоза подошел к гостиной Ленисты – и сердце у него замерло, когда он увидел пустые полки, где не осталось ни единой статуэтки, ни единой северской вазы, ни единой сацумской курильницы.

Подойдя к двери спальни Ленисты, Барбоза толкнул ее, но она оказалась запертой на ключ. Другая ее комната оказалась пустой. Он побледнел и прислонился к дверному косяку, чтобы не упасть.

«Что случилось? – спросил он себя. – Куда делась девушка?»

Он вернулся в покои отца.

-?Отец, где дона Лениста?

-?Да вбила она себе в голову, что ей надо ехать в Сан-Паулу, вот и уехала. То ли в гостинице остановилась, то ли у какого-то родственника – Фернандес Фариа, что ли, его звать. Чудит все она!

-?Дона Лениста уехала в Сан-Паулу?! – воскликнул Барбоза, не веря своим ушам.

-?Ну да, уехала! Ты же ее знаешь не хуже, чем я. Не сидится ей на месте – никакими цепями ее не удержишь.

Барбоза рухнул в кресло.

Он похолодел, побледнел, лицо у него приобрело землистый оттенок и покрылось свинцовыми пятнами. Черты его исказились. Лицо стало похоже на бронзовую маску, которая упала в костер и начала плавиться.

Долго сидел он неподвижно, едва отвечая на вопросы отца.

Его позвали ужинать. Он пошел, сел за стол, сложил на нем руки, переплетя пальцы, повесил голову на левое плечо и замер в неподвижности.

Он задумался.

Лениты здесь нет – ни в гостиной, ни в спальне, ни во дворе, ни в саду, ни вообще на ферме. Больше он ее не увидит, не услышит ее нежного голоса, не поцелует ее пунцовых губ, не будет впивать ее свежее дыхание... Один... один... он остался один!

Она искала его, соблазняла его, отдавалась ему, выполняла все его прихоти, кроткая, покорная, послушная – и все это для того, чтобы вот так его бросить, оставить наедине с воспоминаниями и неисцелимой тоской!

Нет, быть того не может! Ленита здесь, за столом, напротив него; никуда она не уезжала...

Он поднял голову, открыл затуманенные глаза, но увидел перед собой лишь креолку-горничную, которая лениво отгоняла мух пучком дикого розмарина.

Барбоза снова повесил голову и предался горестным думам, как будто ему доставляло удовольствие беречь кровоточащую, незаживающую рану.

Какое безумие!

Когда-то у него были десятки любовниц и законная жена, он глубоко изучил капризную, невротическую, переменчивую, алогичную, фальшивую абсурдную натуру самки человеческого рода, хорошо знал женщину, ее матку, ее плоть, ее немощный мозг, поработанный плотью, управляемый маткой, – и так глупо, так нелепо, словно неопытный молокосос, угодил в сети женских чар!

Время шло. Ужин остыл.

Барбоза встал.

–?Ужинать не станете, хозяин? – уныло спросила чернокожая кухарка, следившая за ним у двери, ведущей в коридор.

–?Нет, Рита. Не хочется. Болен я.

Он вышел на крыльцо. Вид перед ним открывался широкий, но безжизненный, словно труп.

За грудиной болело, дышать было тяжело.

Хотелось плакать. Он надеялся, что слезы облегчат ему душу. Но глаза оставались сухими и воспаленными.

В неподвижности вековых деревьев, в бесстрастном спокойствии желтых склонов ему виделось

враждебное. Это величественное равнодушие раздражало его, словно издевка над его душевными муками.

Все напоминало ему о Ленице. В передней он вспоминал их первую встречу, когда его мучил приступ мигрени; в саду – как он впервые заговорил с ней; на простирившемся перед его глазами лугу – как они вместе ходили на прогулку; в близлежащем лесу он вспоминал охоту, птиц, агути, кабанов, гремучую змею... Ох уж эта змея!!! Почему Леница не умерла от ее укуса?! Зачем он спас ее от смерти? Если бы она тогда умерла, то у него бы осталась лишь светлая печаль, а не мучительные воспоминания, которые казались ему хуже смерти.

Стемнело...

Сумрак и безмолвие беспощадно напоминали ему темноту и безмолвие сладострастных ночей, которые больше не вернуться, – и чувство одиночества стало еще мучительнее.

Ему пришла в голову мысль о самоубийстве.

–?Еще рано,– решил он.– Подождем.

Войдя в спальню, он лег, впрыснул себе морфию и заснул.

* * *

Механизм для сахароварни прибыл вовремя. Барбоза рьяно взялся за работу. Разобрал и собрал механизм он самостоятельно. Сделался и плотником, и каменщиком, и слесарем, и механиком – в общем, и жнец, и швец, и на дуде игрец.

Днем он искал забвения в работе, ночью – в морфии.

Ремонт завершился и варка сахара возобновилась.

Барбоза взял себя в руки и принялся руководить работами. Сахар удался на славу.

–?Вот как! Ну и ловкий же у меня парень! – восхищался полковник.– Спорится у него работа! Да кому бы в голову пришло, что он так быстро превзойдет меня в варке сахара, которой я занимаюсь чуть ли не с пеленок? Вот что значит образованный человек. И... все-таки кое-что меня тревожит. Раньше он был не таков – его как будто подменили. Ох уж эта Леница...

В первой половине октября негритенок привез из города корреспонденцию, среди которой оказались два письма, написанные округлым и изящным женским почерком.

Они были от Леницы.

Барбоза тут же признал ее руку.

Одно письмо было адресовано ему, другое – полковнику.

Барбоза тут же признал ее руку.

Одно письмо было адресовано ему, другое – полковнику.

Барбоза взял свое письмо, дрожащими руками вскрыл и, побледнев, начал читать.

В письме говорилось:

Сан-Паулу, 5 октября 1887.

Глубокоуважаемому сеньору Мануэлу Барбозе.

Дорогой учитель!

Вернувшись на фазенду, Вы наверняка удивились моему внезапному отъезду.

Наверняка Вы пытались его объяснить, но не смогли. Я тоже. Мне вспоминаются слова Спинозы: «Наша иллюзия свободного выбора возникает оттого, что мы не знаем мотивов, которые нами движут». Касательно моего отъезда я могла бы сказать, что сделала свободный выбор. Я слишком женщина, я *fantasque*[26] .

Кому под силу объяснить женские капризы? Гораздо лучше *non ragionar di lor*[27] , а оставить все как есть, пустить на самотек!

Что представляла собою моя жизнь с тех пор, как я приехала на фазенду? Я и сама-то не знаю.

Учиться я не училась – знаний у меня и без того предостаточно, и я позволила себе роскошь побыть невеждой, стать немножечко женщиной.

Но куда там! Всякие знание наказуемо. Наука – это плащ Деяниры: раз надел – уже не снимешь. Начнешь срывать, а на коже остаются лоскутки – педантизм.

Доказательством этому служит то, что я Вам пишу, ибо мне не устоять перед соблазном поделиться впечатлениями, побеседовать немного с тем, кто меня понимает.

Как мне порою недостает наших занятий, наших споров, в которых рассеивался мрак моего невежества при свете Ваших глубочайших познаний!

Ах, прошлое, прошлое! Мы были словно две заблудившиеся планеты, которые встретились в отдаленном уголке вселенной, которые двигались вместе, пока их орбиты были параллельны, а потом пути у них разошлись.

Перейдем теперь к делу.

Сан-Паулу ныне – крупный город, насчитывающий не менее шестидесяти тысяч жителей.

День ото дня разрастается он на север, на юг, на восток, на запад – и не только разрастается, но и хорошеет.

В первую очередь сносят ужасные халупы конца прошлого века, дабы расчистить место для современных зданий со всеми удобствами. Особняки переходного периода, построенные на деревенский манер, безвкусные, тяжеловесные, вульгарные, но построенные на века – истинный бич города – в обозримом будущем вряд ли исчезнут. В последние пять лет, однако, много строит архитектор Рамус ди Азеведу, а также итальянец Пуччи и другие иностранцы. Их творения – подлинные создания искусства. Мне очень нравится здание казначейства, которое теперь возводит Рамус ди Азеведу. Это строение составит честь городу Сан-Паулу строгостью и изяществом стиля, а также прочностью, которой оно исполнено от глубочайшего фундамента до высокой башенки. Эта громада отличается необычайной гармонией и органическим единством, без всякого изъяна, и совсем не оседает. Силы небесные! Кто хоть раз это видел,

тот никогда не забудет. А дворец правительства – постройка того же зодчего! Улицы и проспекты, которые спроектировал сеньор Флоренсиу ди Абреу, таковы, что Елисейские Поля им в подметки не годятся, извините за вольное сравнение. А вот старинные, легендарные, исторические постройки иезуитов зачем-то снесли и возвели на их месте что-то невообразимое. Уж не знаю, почему не снесли заодно и часовню... Сеньор Парнаиба раскрыл тайны иезуитской крипты, взломав дверь этой часовни. Слева от себя входящий ясно видит шесть могил, шесть катакомб, устроенных в стене – в два яруса, по три захоронения в каждом. Интересно, туда помещали покойников или замуровывали живых, следуя ужасному закону наследников Лойолы? Правительству провинции и местному правящему епископу, без сомнения, надлежит отдать распоряжение вскрыть эти гробницы, где наверняка найдутся важные документы, проливающие свет на историю провинции.

Когда мы с отцом жили в Сан-Паулу, на месте квартала Ша рос лес. Теперь это густонаселенный квартал, пересеченный вдоль и поперек широкими, прямыми улицами, хорошо продуваемыми и залитыми светом.

Многие улицы в городе вымощены брусчаткой. Знаменитая старинная площадь Св. Франциска смотрится теперь как игрушечка.

Академию перестроили.

Может быть, я не права, но мне бы хотелось, чтобы она выглядела так, как прежде. Достоинство ее заключалось хотя бы в том, что она отражала архитектурные пристрастия монахов, возглавлявших колонизацию Бразилии. Теперь она ничего не отражает, вид у нее некрасивый и даже отталкивающий.

С разрастанием города кварталы сливаются – например, Лус соединяется с Брасом посредством улицы Сан-Каэтану.

Торговля развивается поразительными темпами, да и промышленность от нее не отстает.

В Сан-Паулу есть мебельные, шляпные, ситценабивные, вышивальные и перчаточные фабрики, ни в чем не уступающие фабрикам в Рио-де-Жанейро. Их продукция конкурирует и с европейскими изделиями.

На улицах Св. Бенедикта и Императрицы – множество магазинов, банков и всевозможных учреждений.

Витрины ювелирных магазинов сверкают богатством и вкусом. Здесь – чудесные, изящные, самые дорогие швейцарские часы в лучших своих образцах – непревзойденные «Patek Philippe», а рядом рассыпаны американские часы – «Waltham» фабричного производства, грубоватые, угловатые, аляповатые. Там – тончайшее филигранное серебро из Порту, ни в чем не уступающее изделиям французских ювелиров, волшебные переливы бразильских алмазов чистой воды, рубинов, сапфиров, топазов, аметистов, опалов. Свет играет на гладкой поверхности металлов и на гранях самоцветов – и это великолепное зрелище напоминает волшебные сказки или пещеру Аладдина.

Вчера я зашла в модный дом Маскоте.

Мое внимание привлекли бронзовые отливки Барбедьена, выставленные на витрине.

Некоторые из них есть у меня в коллекции – боец Боргезе, Венера Милосская, Венера Каллипига; других я прежде не видала – мальчик с корзинкой Барраса, вакханка с виноградной

гроздью Клодиона.

Особенно меня восхитила последняя статуэтка. Как естественно ложатся складки на драпировке! Какая величественная поза! На лице бронза, кажется, приобретает матовую прозрачность живой плоти. Глаза же как будто зажмурены в сладострастном восторге...

Ее приобрел Жулиу Рибейру[28] – грамматист, который менее всего походит на грамматиста: не курит дорогих сигар, не носит ни шейного платка, ни пенсне, ни даже цилиндра. Он любит вещицы из фарфора, из слоновой кости, бронзовые статуэтки и старинные монеты. У него, говорят, есть чудесное качество: он никогда не говорит, не рассуждает о грамматике – своей специальности.

Ко мне подошел один из владельцев магазина – любезный молодой человек, одетый по парижской моде, с цветком в петлице, с предупредительной улыбкой.

Я сделала несколько заказов с доставкой на дом. Их записал его компаньон и, видимо, брат – серьезный, основательный, с честным лицом, не встающий из-за конторки, не выпускающий пера из рук, законченный тип истинного, бескорыстного, пунктуального, работающего, трудолюбивого португальца.

Напротив – торговый дом Гарро, настоящий Вавилон. По названию это книжный магазин, а на самом деле – подлинный базар, где можно приобрести все что угодно – от редкой книги до шампанского «Вдова Клико» или несгораемого кофра.

Я зашла посмотреть, чем торгуют.

Стоило мне войти, как следом вошла группа мужчин – человека три или четыре, если память мне не изменяет.

Один из них – дородный, величественный, опрятный мужчина – уже не молодой, но еще не старей. Густые, чуть тронутые сединой усы и длинные, узкие бакенбарды выделялись на гладко выбритом лице. Лоб слегка выпуклый, волосы расчесаны на прямой пробор. Воротничок с отогнутыми краями, белый галстук с большим узлом, наглухо застегнутый жилет, визитка, громадный цветок на лацкане, черные кашемировые брюки в белую полоску, мягкая черная шляпа с высокой тульей, башмаки от Кларка, пенсне.

Я сразу догадалась, что этот красавец мужчина – не кто иной, как Рамалью Ортиган[29] .

Среди сопровождающих его был высокий, плотный молодой человек, бледный, со светло-каштановыми, почти русыми волнистыми волосами, с подкрученными усами, выпяченной влажной нижней губой. Это был восхитительный causer[30] , которого Вы, учитель, по Вашим словам, встречали как-то в Кампинасе и которому меня представили на одном дне рождения – Гаспар да Силва.

Рамалью завязал разговор с одним из совладельцев торгового дома Гарро, а я, притворившись, что разглядываю книгу, внимательно следила за ним. На лету я ловила каждое его слово.

Необычайно приятный тембр голоса; ясный, правильный выговор; чисто лиссабонское произношение, столь непривычное для жителей Сан-Паулу.

У Рамалью Ортигана несомненно бойцовский характер, и он великий писатель. Мне он, однако, не нравится. Слишком уж все у него гладко, отшлифованно, вылизанно. Про таких, как он, говорят: *il pose tojours*[31] .

В отличие от Гаррета[32], он не изливает душу на бумаге, а рассчитывает эффект каждого слова, каждой фразы – так шахматист рассчитывает каждый ход каждой фигуры.

В его сочинениях много повторов и общих мест, он без конца выражает преувеличенное восхищение силой мышц и вообще проявлениями физической силы человека. Дубина, увесистая палка – вот к чему сводятся его теории общественной нравственности. Из опрятности и чистоплотности он создает культ, который не может не казаться назойливым. Он не упускает случая поведать, что он принял ванну, побрился, переменил белье. Столько раз и с таким упорством он это повторяет, что создается впечатление, будто он втайне опасается, что ему не поверят. Сейчас он пишет новую книгу; его постоянные читатели полагают, что это будут сплошные ficelles[33].

Речь там обязательно пойдет о чемоданах, о предметах туалета, о дезинфицирующих средствах, об избытии подштанников и носков. У него всегда готовые фразы – вот, к примеру, одна из них: все его знамена, все его флаги, все его вымпелы, все его стяги всегда победно реют, всегда развеваются, предвещая победу.

Книги Рамалью Ортигана, безусловно, превосходны – как по содержанию, так и по форме. Они исполнены здравого смысла и отличаются отточенностью стиля, и потому учат ясности мысли и правильности языка. Но я не в силах поверить, что в них, как в зеркале или в камере-обскуре, отражается личность автора.

Для меня совершенно очевидно, что нельзя составить впечатления о Рамалью Ортигане по таким его книгам, как «В Париже», «Шипы», «Минеральные источники», «Путевые впечатления», «Голландия», «Джон Буль», равно как и по написанной им части романа «Тайна дороги в Синтру»[34].

Гораздо явственнее его индивидуальность раскрывается в дискуссии с депутатом Виейрой ди Каштру[35].

Как бы то ни было, вчера у меня был замечательный день – я познакомилась с великим человеком.

Перейдем теперь к тому, что касается нас двоих...

Следующие строки были зашифрованы. Барбоза и Ленига придумали этот шифр еще в первые дни знакомства.

Я беременна на четвертом месяце.

Нашему ребенку нужен официальный отец: ora pate rest quem instae nuptiae demonstrant[36].

Если бы ты был свободен, мы бы узаконили наши отношения в церкви – только и всего. Но ты женат, а у нас в Бразилии закон о разводе не позволяет вступать в новое супружество. Мне пришлось искать другого мужа.

«Мне пришлось искать» – это не совсем точно: он сам меня нашел, сделал предложение, которое я приняла, поставив некоторые условия.

Это доктор Мендес Майа.

Приехав сюда, я написала ему в столицу. Он не замедлил приехать, мы долго беседовали, я была вполне откровенна, все ему рассказала – и... и... и завтра мы поженимся в пять часов

утра... Шестичасовым поездом мы едем в столицу, а оттуда первым пароходом в Европу.

Я знаю, что ты всегда будешь меня помнить, а я всегда буду помнить тебя: то, что было между нами, забыть невозможно.

Не держи на меня зла. Мы отдали себя друг другу без остатка - ни больше, ни меньше.

Если родится мальчик, я назову его Мануэлом, а если девочка - Мануэлой.

Не дочитав, чем заканчивалось письмо, побледневший, со страшно перекошенным лицом Барбоза в два счета разорвал его и швырнул в лужу, где с громким хрюканьем плескались свиньи.

-?Тварь подзаборная! Потаскуха чертова! - выругался он.

-?Знаешь новость? - спросил его подошедший полковник.- Ленига замуж выходит! Она сама мне об этом написала.

-?Мне тоже.

-?Вот как? А ведь говорила, что замуж не хочет... Вот и верь после этого бабам! Теперь ясно, почему она так внезапно уехала.

-?Да, конечно,- отозвался Барбоза.

Весь вечер он о чем-то раздумывал и, как сумасшедший, разговаривал сам с собой.

На ночь он не стал впрыскивать морфия. Он не спал, даже не ложился.

Утром он вышел из дому, прогулялся по саду, пошел в лес, на то место, где они устраивали засаду, долго глядел на остатки шалаша, на разбросанные зерна кукурузы, служившей когда-то приманкой. Среди рассыпанных по земле сухих листьев он обнаружил скелет гремучей змеи.

На обратном пути он прошел мимо заветного дерева, на котором стрекотала какая-то птица.

На земле под деревом он увидел перышко птицы жаку, полинявшее от сырости и перепачканное глиной.

Подобрав перышко, он долго его разглядывал, пока не уронил.

Вернувшись домой, он отказался от завтрака и попросил приготовить ванну.

Раздевшись, он разлегся в ванне и с наслаждением поплескался в теплой воде, в которую для запаха добавили уксуса.

Долго пролежал он в ванне, потом вылез, тщательно вытерся, натянул свежесглаженные льняные мягкие кальсоны.

Кликнув двух негров, он велел вылить воду из ванны.

Подойдя к столу, он взял бутылку сладкого, душистого венгерского вина, откупорил, налил рюмку, посмотрел на свет ее топазовую прозрачность, понюхал, пригубил, чтобы ощутить букет, и неторопливо выпил, смакуя, подолгу держа каждый глоток на языке, как истинный

ценитель.

Выдвинув ящик стола, он достал продолговатую лаковую шкатулку и открыл ее. Там лежал стеклянный шприц, фарфоровая ступка, ланцет и черный пузатый глиняный горшочек, тщательно заткнутый деревянной пробкой. Желтая наклейка с красными буквами указывала на его содержимое.

Барбоза сложил все это на мраморную тумбочку.

Он взял ланцет, отточенный, как бритва, но потом, отложив ланцет, он взял горшочек и высыпал из него в ступку несколько темных, блестящих крупинок неправильной формы.

Это был яд кураре.

Взяв со стола кувшин, он вылил в ступку пару ложек воды и, помешивая содержимое шприцем, растворил смертоносный яд.

Когда раствор окрасился в цвет крепкого кофе, Барбоза наполнил им шприц.

Снова взяв ланцет, он сделал надрез на внутренней стороне предплечья.

Раздался едва слышный звук разрезаемой плоти.

Барбоза опустил ланцет.

Тоненький, как волосок, надрез обозначился у него на руке.

Потом на коже предплечья появилась круглая, блестящая, темно-рубиновая капелька крови.

Отложив ланцет, Барбоза, улыбаясь и ничуть не побледнев, зажал шприц между указательным и средним пальцами правой руки, ввел острие в надрез, надавил большим пальцем на поршень. Избыток впрыскиваемой жидкости растекся по белой коже, словно жуткая паутина.

Барбоза вылил в ночной горшок остатки содержимого из ступки, а саму ступку, горшочек, ланцет и шприц убрал обратно в шкатулку и на визитной карточке написал: Осторожно, яд. Визитку он тоже положил в шкатулку, которую спрятал в ящик стола, а сам пошел в туалетную комнату, намочил полотенце, вытер предплечье и растянулся на кровати.

Прошло две минуты.

Барбоза совершенно ничего не чувствовал.

Ему захотелось посмотреть на надрез. Он попытался поднести левую руку к глазам. Безуспешно. Парализованная рука не слушалась.

Он попробовал пошевелить правой рукой, потом ногами. Тоже тщетно.

Тогда он постарался подвигать головой и поморгать глазами. Хоть это ему удалось.

Прошло еще несколько минут.

Он снова попытался подвигать головой и поморгать глазами. Не получилось. Наступил почти полный паралич.

Ни боли, ни удушья он не ощущал.

Внизу, во дворе, возле сахароварни, негры мололи то, что не успели смолоть в июле. Они пели. Отдаленный напев достигал до ушей Барбозы – несколько приглушенно, словно ангельское пение. С потолка свисала жардиньерка с цветами. Барбоза с наслаждением вдыхал пьянящий запах орхидей.

Во рту еще оставался слабый привкус благородного венгерского вина.

В углу под потолком домашние пауки плели свои сети. Барбозе хорошо были видны ловкие движения их длинных, тонких ног, так похожих на пальцы чахоточного.

На лицо ему села муха. Щекотание ее лапок причиняло ему нестерпимые мучения. Он попытался согнать ее, наморщив лоб, но ничего не получилось.

При этом он все видел и понимал. Ясность мысли у него была удивительной.

На память приходили бесчисленные мифы о превращении людей в деревья, скалы и прочее.

Причудливые мечты болезненного воображения древнегреческих поэтов сделались ощутимой реальностью за счет таинственного действия южноамериканского яда.

«Ох! – думал Барбоза.– Жаль, что я не могу никому продиктовать то, то ощущаю, описать вкус постепенной смерти, когда жизнь уходит по капле, словно водица. Кто же я теперь? Интеллект, наделенный чувствами и желаниями, заключенный в безжизненную оболочку, томящийся в неподвижной колоде?.. Ум, совокупность мозговых функций, жив и подает команды, но тело уже не выполняет их, ибо оно мертво. Одной ногой я в бытии, другой – в небытии. Еще несколько минут – и все будет кончено без боли, без мук... Я уже предчувствую буддийскую нирвану, покой небытия...»

-?Мандука! Мандука!

Это был голос отца.

-?Мандука! Мандука!

Это был голос отца.

Барбоза опечалился – хотел ответить и не мог.

-?Тереза!

-?Что прикажете, хозяин?

-?Мандуку не видала?

-?Видала, хозяин. У себя в комнате он. Ванну принимал. Только что Педру и Жозе ее выносили.

-?Да что за черт! Не отвечает он... Заснул, что ли?

Полковник вошел в комнату.

Увидев сына голым по пояс, распростертым на кровати, бледным, неподвижным, с открытыми,

немигающими глазами, полковник даже подпрыгнул.

-?Мандука! Что с тобой, Мандука?!

Вцепившись в сына, крепко обняв его, полковник принялся отчаянно его трясти.

Вялое, теплое тело Барбозы оставалось податливым, словно не успевший окоченеть труп.

А мозг - активный, ясный, полностью справляющийся со своими функциями,- жил, все понимал, не утратил воли, хотел говорить, ответить отцу, но тело не подчинялось, и все усилия оставались тщетными.

-?Мой сын умер! Мой сын умер! - вскричал полковник, схватился за голову и в отчаянии выбежал из комнаты.

От этих криков как будто случилось чудо.

Парализованная старуха вцепилась в ручки шезлонга, сделала невероятное усилие, встала, упала на колени и на четвереньках поползла в комнату к сыну, напрягая почти неподвижные суставы. Это зрелище могло показаться смешным, не будь оно столь ужасным. Полуголая, в одной рубашке, скользила она по полу, передвигаясь рывками, толчками, будто полураздавленное насекомое. Она подползла к сыну, простертому на кровати, вцепилась в тюфяк, с усилием поднялась, бросилась на застывшее тело и припала к губам сына холодными, вялыми старушечьими губами.

От поцелуев матери, на которые ответить не мог, Барбоза ощутил незнакомое чувство сыновней нежности - никогда прежде он такого не испытывал.

Мать! Отец!

Почему же он не приложил все свои недюжинные способности к тому, чтобы облегчить страдания этой старой супружеской пары, скрасить им последние годы жизни?!

Разочаровавшись в дружбе, в любви, с семейной жизни, в религии, во всем на свете, даже в самом себе, он, по холодным правилам науки, стал искать смерти, которая погасила бы его последние желания.

Он стал эгоистичным, бессердечным человеком. А ведь были же люди, связывающие его с миром,- это отец и мать. Вот для кого и ради кого он мог бы жить!

Как жестоко мстит природа!

Она бросила его, связанного по рукам и ногам, на произвол женщины-истерички, которая отдалась ему, как отдалась бы любому другому - например, негру, рабу с плантации - не из-за высокой любви, а просто для того, чтобы насытить алчущую плоть...

Насытившись, утолив свою страсть, эта женщина бросила его.

На остывшем пепле его сгоревших убеждений на мгновение вспыхнул огонек любви и даже веры - но тут же потух, и тьма сделалась еще невыносимее.

Ленита искала и нашла гнусного мужчину, который продал ей имя, чтобы покрыть ошибку, и признал ее, обещанную и беременную, своей женой...

Беременную... Она беременна, он должен был стать отцом...

И она бежала от него, украла у него ребенка, да еще и насмеялась над ним, излагала в своем циничном послании свои путевые впечатления, написанные с претензией на артистизм! Мало того – она сообщает ему, что сознательно связывает жизнь с каким-то минотавром, и при этом говорит, что его, Барбозы, ребенок будет называть отцом бесчестного, ничтожного человека, презренного плута.

А он умирал из-за любви к этой женщине, из-за того, что она исковеркала ему жизнь, из-за того, что она привязала его к себе узами плоти, из-за того, что без нее ему и жизнь не в жизнь... Трус!

Живым упреком склонилась над ним внушающая одновременно жалость и отвращение фигура несчастной матери, которая обнимала, целовала его, ловила его последние вздохи.

Ах, как ему захотелось жить!

И ведь был еще шанс...

Найдись тут кто-нибудь понимающий в физиологии – он сделал бы Барбозе искусственное дыхание и полностью нейтрализовал бы яд. Тогда смерть отступила бы, и жизнь бы возвратилась. Попадись подобный пациент самому Барбозе – он бы спас его.

Но сам себе он никак и ничем помочь не мог. Скованный собственным телом, точно личинка коконом, он ощущал себя бессильным и ничтожным. Ему не оставалось даже жалкого утешения просить, молить прощения у бедной матери, разбитой параличом старухи, которой горе моментально придало сил.

Блаженство безболезненной кончины, вызванной нервно-паралитическим действием яда, обернулось тяжким, постыдным мучением, описать которое не властен человеческий язык.

Живой труп!

Умерло все – жив оставался только мозг, только сознание, терпящее невероятную пытку...

Отчего он не размозжил себе череп пулей?

Паралич поразил последние оплоты организма. Сердце, легкие, систола и диастола застыли, кровообращение прекратилось. Темный покров окутал Барбозе ум. Он впал в глубокий сон, от которого никто уже не пробуждается.

Примечания

1

Ты предводитель, ты повелитель, ты учитель (ит.) – цитата из 1-й песни «Божественной комедии» Данте.

2

Синий чулок (франц.). (Здесь и далее прим. перев.)

3

«Blue devils» иносказательно можно перевести как «тоска зеленая».

4

Pollice verso! (лат.) – добей его!

5

Нимрод – имя ветхозаветного персонажа, искусного зверолова, которого некоторые исследователи отождествляют с древнегреческим Орионом. Выделенный курсивом текст – цитата из книги Бытия, X, 9.

6

Распродажа; аукцион (франц.)

7

Тико-тико – маленькая желтогрудая птичка.

8

Вся женщина – в матке (лат.)

9

Учитель (мест. диал.)

10

Черный город (англ.)

11

Воспоем менее возвышенные вещи (лат.) – парафраз из начала IV эклоги Вергилия.

12

Публичное покаяние (франц.)

13

Принц-регент Бразилии дон Педру, сын португальского короля Иоанна VI, 7 апреля 1822 года провозгласил Бразилию независимой державой, а себя - ее императором Педру I.

14

При монархическом строе Бразилия делилась на провинции, при республиканском - на штаты.

15

Глиптодонты - вымершие млекопитающие, родственные броненосцам.

16

Из ряда вон выходящая (франц.)

17

Правь, Британия! Ура англичанам! (англ.)

18

Сертан - засушливые внутренние районы Бразилии.

19

День, который следует отметить белым камешком (лат.)

20

Уру - дикая птица отряда куриных.

21

Носуха, или коати,- млекопитающее семейства енотовых.

22

Ротозеев (франц.)

23

Барон Котежипе - бразильский государственный деятель, член парламента, представлявший его консервативное крыло.

24

Растение семейства бомелиевых.

25

«...брюхатые самки животных ни за что не подпустят к себе самцов» (Франсуа Рабле. Гаргантюа и Пантагрюэль. Перевод с французского Н.М.Любимова)

26

Взбалмошная, своенравная (франц.)

27

Не рассуждать о них (ит.)

28

Жулиу Рибейру, автор этого романа, в 1881 году опубликовал «Граматику португальского языка»

29

Рамалью Ортиган (1836—1915) - выдающийся португальский писатель-реалист.

30

Собеседник (франц.)

31

Он все время становится в позу (франц.)

32

Гаррет (1799—1854) - основоположник романтизма в португальской литературе.

33

Ухищрения, трюки (франц.)

34

Этот роман написал в соавторстве с Рамалью Ортиганом величайший португальский прозаик Эса ди Кейрош (1845—1900)

35

Эпизод из спора португальских романтиков и реалистов - так называемый «коимбрский вопрос».

36

Отцом признаётся состоящий в узаконенном браке (лат.)